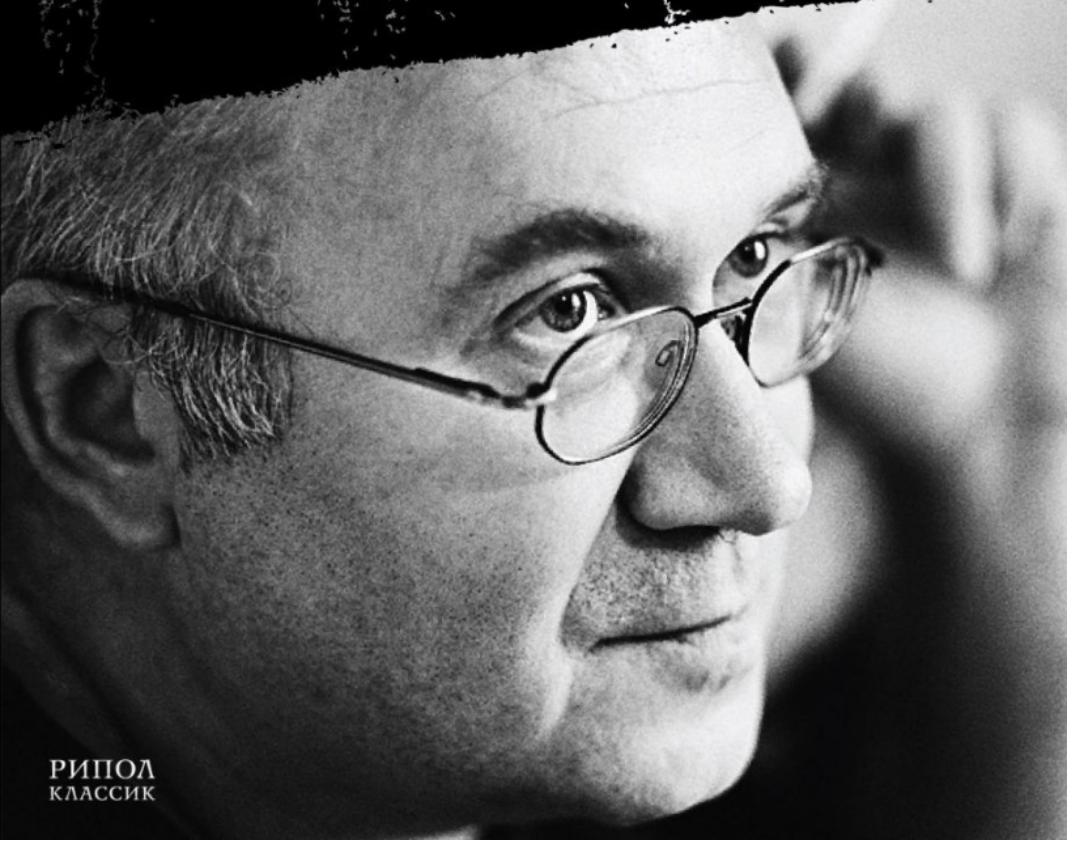
18+

Александр Кушнир

КОРМИЛЬЦЕВ

Космос как воспоминание



РИПОЛ
КЛАССИК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своей новой книге известный музыкальный журналист, продюсер и писатель Александр Кушнир воссоздаёт биографию, творчество и судьбу Ильи Кормильцева — поэта, переводчика, издателя, автора многих известных хитов групп «Наутилус Помпилиус», «Настя», «Урфин Джюс» и других, составивших славу свердловского рок-клуба. Это одновременно и беллетризованная биография, и альбом памяти великого человека и коллеги. В книге впервые воспроизводятся сотни уникальных фотографий, полученных из архива семьи Кормильцевых, от друзей, коллег и известных фотографов. Александр Кушнир много лет был лично знаком с Ильёй Кормильцевым, неоднократно брал у него интервью, сотрудничал по разным музыкальным проектам. И в итоге написал книгу.

- Intro
- Теряя невинность / Вместо предисловия
- Часть I. Запах юности 1959-1984
- Семейные реликвии
- Пиротехник
- Человек наподобие ветра
- Химия и жизнь
- Universal Soldier
- Полное стерео
- Холодный фронт
- Часть II. Геометрия поиска 1984-1990
- Праздник общей беды
- Прекрасные неудачники
- Невидимка
- Итальянский след
- Золото Маккенны
- Как белка в колесе
- Хождение по мукам
- Имя стены
- Часть III. Шоу-бизнес 1990-1998
- Жизнь без Кормильцева
- Возвращение
- Связи с общественностью
- Летать!
- Одинокие герои
- Музыка для поколения бритых лобков
- Глубина проникновения

- Никто из ниоткуда
- Часть IV. Повелитель книг 1999-2007
- Пока мы лиц не обрели
- Большие дела
- Man of Universe
- Запрещенная культура
- Будни бед
- Боль
- Больница для ангелов
- Эпилог

Intro

Станция серой ветки называлась «Нахимовский проспект». Хозяина съемной квартиры, расположенной рядом с метро, звали Илья Кормильцев. Я опаздывал на интервью с ним, но застал идеолога «Наутилуса» благостно витающим в мыслях где-то далеко. На залитой солнцем кухне «великий русский поэт», как ласково называли его друзья, приготовил завтрак по-итальянски и начал вещать неудержимым потоком, бушующим в русле между Дэвидом Линчем и Дэвидом Боуи.

Дело было осенью 1995 года. Мы познакомились всего пару недель назад, когда Кормильцев приехал ко мне на Шаболовку с предложением написать историю «Наутилуса» для интерактивного проекта «Погружение». Несмотря на то, что мы виделись впервые и порой общались на разных языках, ощущение от встречи было мощным.

Тогда я работал над книгой «100 магнитоальбомов советского рока», и Кормильцев был одним из ее героев. Приехав с ответным визитом на Нахимовский проспект, я держал паузу до тех пор, пока Илья не вспомнил о теме встречи — поговорить про «Урфин Джюс», «Наутилус», Настю Полеву и магнитофонную субкультуру восьмидесятых. Хозяин в нелепом полосатом халатике не спеша поднялся с дивана и достал со шкафа архив. Запахло добычей, и я включил диктофон.

Следующие несколько часов Илья Валерьевич обстоятельно отвечал на мои вопросы, а в конце беседы подарил самодельную книжку-раскладушку — с чёрно-белыми фотографиями, сделанными во время записи «Урфин Джюсом» легендарного альбома «Пятнашка». «У меня при очередном переезде она точно затеряется, а ты её сохрани», — сказал поэт на прощание.

Что скрывать, я не на шутку впечатлился. И прозвучавшими историями, и подарком, и масштабом личности самого Кормильцева. Так случилось, что голубенькая кассета с этим интервью сохранилась. Она и стала импульсом для написания этой книги.

Теряя невинность / Вместо предисловия

Страстная идея всегда ищет выразительные формы.

Константин Леонтьев

Весной 1984 года молодой рок-поэт Илья Кормильцев впервые выбрался на фестиваль ленинградского рок-клуба, где воочию увидел чудо. После концертов «Аквариума», «Зоопарка» и «Кино» он понял, что в жизни надо многое менять. И, в первую очередь, вырваться из плена информационной и технической изоляции.

В то лето события разворачивались стремительно. Где-то в Москве Илья запеленговал двух советских дипломатов, которые привезли невиданное «чудо техники» — четырехканальную портастудию Sony. Назвать ее «профессиональной» можно было условно, поскольку студия предназначалась для японских балбесов, которые могли в домашних условиях петь караоке или записывать всякие роки-шмоки. Но Кормильцев четко понял, что именно это изобретение может в корне изменить ситуацию в родном Свердловске.

На пути к абсолютному счастью у 25-летнего Ильи стояла всего одна проблема. Портастудия, которую невозможно приобрести в советских магазинах, стоила около пяти тысяч рублей. Это была цена не очень новой машины «Жигули». Естественно, таких денег у Кормильцева отродясь не водилось. Но этот упрямый химик в немодных очках, с рыхлой фигурой и устойчивой репутацией неврастеника чувствовал кожей, что портастудия нужна музыкантам «Урфин Джюса» и неоромантикам из архитектурного института, которые назывались «Али-Баба и сорок разбойников», а чуть позже — «Наутилус Помпилиус». Кроме того, на местном горизонте уже замаячили юный Володя Шахрин и скрывавшийся от властей опальный башкирский бард Юрий Шевчук.

И тогда Кормильцев, абсолютно не думая о последствиях, решил любой ценой осуществить свою мечту. Но где взять деньги на мечту? Вариантов было немного. Поэт-самоучка пал в ноги жене Марине — с авантюрной просьбой «найти деньги на

звукозаписывающую аппаратуру». Но в ответ, словно с небес, он услышал нежный голос супруги: «Илья, стыдно у женщины просить деньги! Я ведь врачом работаю! Откуда у меня могут быть пять тысяч рублей? Ну, подумай!»

Глаза Кормильцева сверкнули нехорошим огнем. Он поднялся с колен, отряхнул брюки и вкрадчиво спросил: «А я правильно помню, что у моей тещи где-то дома припрятано золото?»

Тещу Илья недолюбливал, поэтому все его аргументы звучали на редкость неотразимо: «Марина! Мы с “Урфин Джюсом” запишем новый альбом “Жизнь в стиле heavy metal” и будем распространять его по стране. Это принесет много-много денег, и мы обязательно выкупим золото обратно! Мы его быстро возьмем, быстро заложим и быстро выкупим. Никто из родителей ничего и не заметит».

Это был сеанс семейного гипноза. Злодей Кормильцев пёр напролом, словно танк, поэтому сопротивление длилось недолго. Отказать вежливому, но настойчивому супругу оказалось просто невозможно. Как признавалась Марина, «Илья настолько умел обращать людей в свою веру, что я открыла все мамины тайники и выгребла оттуда всё золото. Там было немного золота, но я взяла всё». Кроме того, молодая жена одолжила у подружек несколько сережек и колец с драгоценными камушками. Уф, вроде бы должно хватить!

В то волшебное утро Илья Валерьевич Кормильцев проснулся с ощущением праздника. Надел белую рубашку, свадебный костюм и галстук. Почистил серые туфли и тщательно побрился. Посмотрел по сторонам безумным «сидбарреттовским» взглядом, рассовал сокровища по карманам и направился в центр города.

Он гордо чеканил шаг вразрез одноцветному потоку людей, опаздывающих на свою серую работу. Народ пугливо рассыпался по сторонам, потому что путь Кормильцева словно озаряло сияние. В августовский день человек шел по Свердловску, а от него во все стороны струился свет. Это не я придумал — с тех пор прошло более тридцати лет, но до сих пор живы люди, которые это сияние видели.

Как гласит история, поэт направился в сторону «нехорошего» дома № 42 по улице Малышева, во дворе которого располагался единственный в городе ломбард. У Ильи уже был опыт подобных приключений, и Америку он в тот день не открывал.

Пару лет назад Кормильцев по-тихому взял из дома все золото родственников, которое мог незаметно вынести. Его намерения были благородны, а помыслы чисты — приобрести для «Урфин Джюса» новую ударную установку. И всё удалось ему

сделать красиво: и барабаны купить, и в долгу не остаться.

На этот раз Кормильцев играл по-крупному и поставил на карту практически всё: деньги, репутацию, будущее нескольких рок-групп. Он дождался очереди, которую его приятели во главе с Юрой Шевчуком заняли с шести часов утра, зашел в ломбард и достал паспорт. Затем снял с пальца обручальное кольцо, а из карманов с грациозностью бывалого фокусника начал вынимать семейные драгоценности. Хмурая приемщица приняла товар, выписала квитанцию, а пожилой бухгалтер достал из сейфа хрустящие советские рубли. Поэт «Урфин Джюса» дважды пересчитал деньги с изображением Ленина и хватко перетянул их резинкой для волос. Кривая улыбка раскроила его лицо от уха до уха.

В этот же вечер, в обстановке повышенной секретности Кормильцев направил в Москву звукооператора Диму Тарика, который сутки трясся в общем вагоне, припрятав в трусах заповедные пять тысяч рублей. Приехав в столицу, он купил у дипломатов вожделенную портастудию, а на сдачу приобрел металлическую кассету фирмы Maxwell, на которую впоследствии и был записан наутилусовский суперхит «Гудбай, Америка».

По возвращении в Свердловск Дима Тарик немедленно был уволен с работы за прогулы, но это уже не имело значения. Лес рубят — щепки летят… Илья трясущимися руками распаковал картонную коробку и вручил этот фантастический агрегат музыкантам «Урфин Джюса» и «Наутилуса». Слава Бутусов позднее не без улыбки вспоминал: «У нас при виде этого чуда техники просто варежки открылись, до такой степени мы были потрясены этим космическим явлением… Эта машина вызывала такое уважение, что мы просто онемели от счастья».

В эйфории никто не обратил внимания, что портастудия Sony оказалась примитивным сооружением с четырехканальным пультом и ревербератором. Как показала жизнь, включать ревербератор категорически не рекомендовалось, поскольку по жуткому звучанию он напоминал не достижения цивилизации в области микросхем, а «синюшкин колодец» из сказов Бажова. Но с помощью этой аппаратуры можно было создавать реальные альбомы, причем сидя не в центре Токио, а в обыкновенной свердловской хрущевке.

В течение нескольких лет на нее были записаны не только «Невидимка» и демо-версия «Разлуки» группы «Наутилус Помпилиус», но и альбомы «ЧайФа», Насти Полевой и Егора Белкина. Всё это происходило словно в виртуальной реальности — без оглядки на худсоветы, Союз композиторов, «запретительные списки рок-групп» и лютую цензуру.

«Я всегда хотел перевести на профессиональный уровень записи альбомов моих друзей», — признавался мне на диктофон Кормильцев. На бестактный вопрос про судьбу драгоценностей Илья Валерьевич спокойно заметил, что выкупал из ломбарда тещино золото еще в течение многих лет. Так до конца, наверное, и не выкупил.

Но одно сказать можно точно. В тот далекий 1984 год Кормильцев впервые почувствовал, что границ у подвига нет. И что в жизни он сможет сделать многое. Над головой у Ильи пел хор нелегальных ангелов и незримо звучали фанфары. Так будущий издатель, переводчик и общественный деятель начал свой путь навстречу новым и неизвестным огням. Теперь главное было — успеть…

Часть I. Запах юности 1959-1984

Семейные реликвии

У нашего поколения было
чудовищно длинное детство.

Илья Кормильцев

Меня всегда интересовало, кем был Роберт Циммерман до того, как стал Бобом Диланом. В течение многих лет будущий лауреат Нобелевской премии активно шифровался и уходил от рассказов о своей юности. Даже собственную биографию он начинает с переезда в Нью-Йорк в двадцатилетнем возрасте. А что происходило до этого — по сути тайна, покрытая мраком.

С похожей историей я столкнулся, общаясь с Кормильцевым. «Я очень не люблю ту часть моих сверстников, которая в своих мыслях погружена в семидесятые, — признавался Илья Валерьевич. — У меня, например, об этом времени сохранились весьма неблагоприятные воспоминания».

Шумный и коммуникабельный, Кормильцев при подобных ретробеседах резко замыкался в себе. Я чувствовал, что антенны Ильи были направлены исключительно в будущее. Было непонятно: то ли он не любил оглядываться назад, то ли стеснялся истоков, то ли ему нравилось выглядеть эдакой загадочной фигурой. После его смерти я попытался эти вопросы разгадать.

Как известно, Илья Валерьевич Кормильцев родился в Свердловске 26 сентября 1959 года. Впоследствии ему очень нравилось подмагничивать к этой дате массу событий вселенского масштаба: начиная со дня рождения американо-английского поэта Томаса Элиота и заканчивая полетом Юрия Гагарина.

«Мы стартовали с Гагариным практически одновременно, каждый — в свой космос», — писал позднее Кормильцев в одном из стихотворений.

Вырос Илья в многонациональной семье: по линии матери он был на четверть поляк, а по линии отца — немец и русский. Его дальние родственники переехали из Сибири в уездный Екатеринбург еще в XIX веке. Они были настоящими прожженными купцами, которые любили крепко выпить и повоевать. В свое время принимали участие в Первой мировой войне, а до этого — в походе русской армии на Шипку.

Прапрадед его бабушки был из тех безбашенных германцев, которые по призыву императрицы Екатерины Великой приехали «поднимать» Россию. От своих немецких родственников Илья перенял педантизм и здоровый авантюризм, а от польской ветви по линии красавицы-мамы — трепетность и романтизм.

Но основную роль в судьбе будущего поэта сыграли не мать и отец, а дедушка по отцовской линии. В тридцатых годах доцент Виктор Александрович Кормильцев преподавал геодезию в горном институте. Деда ожидала стремительная научная карьера, но судьба забросила его в высшие эшелоны партийной элиты. Вначале товарища Кормильцева избрали первым секретарем Ленинского райкома КПСС, а затем — вторым секретарем горкома партии.

Это была крайне ответственная должность. В годы Великой Отечественной войны Виктору Александровичу приходилось курировать множество направлений: от деятельности эвакуированных с Украины на Урал заводов до бесперебойной работы муниципального транспорта. В хрущевские времена вернулся он к преподаванию — возглавил факультет в горном институте, где проработал доцентом кафедры рудничного транспорта вплоть до ухода на пенсию.

Удивительно, но даже в сталинскую эпоху дедушка Ильи оставался отъявленным шутником и «страшным англофилом». Говорят, что когда свободолюбивый Виктор Александрович сболтнул на работе что-то европоцентристское, его чуть не арестовали — как английского шпиона. По воспоминаниям родственников, он хранил под подушкой заряженный пистолет, чтобы в случае приезда чекистов успеть застрелиться. Но в марте 1953 года Сталин умер, и дело о несостоявшемся шпионаже удалось замять.

Его сын Валерий продолжил семейные традиции и закончил с отличием вышеупомянутый горный институт. Там же познакомился со студенткой Светланой Зворской, дочкой известного геолога Алексея Иосифовича Зворского и правнучкой «бедных, но гордых польских шляхтичей». Незадолго до окончания института два молодых геолога стали мужем и женой. Всем казалось, что это брак, заключенный на небесах, и вскоре у счастливых молодоженов родился сын Илья.

Беззаботное детство закончилось у Кормильцева-младшего довольно быстро.

Случилось так, что спустя несколько лет Валерий Викторович нежданно-негаданно развелся и с головой ушел в науку. Начинал свой трудовой путь аспирантом института геофизики, а в 1981 году стал профессором и доктором геолого-минералогических

наук. Выпускал многочисленные научные монографии и книги стихов в духе Омара Хайяма, которые были популярны в среде свердловской технической интеллигенции.

Всё это время отец Ильи удивительным образом не общался ни с женой, ни с сыном. В 1965 году вторично женился, и вскоре у него родился второй сын, Женя Кормильцев. И тогда жесткая по характеру мама Ильи категорически запретила сыну упоминать имя Валерия Викторовича.

Со стороны казалось, что теперь маленький Илья стал смыслом жизни Светланы Алексеевны. На каникулах она возила сына на экскурсии в Ленинград, а летом брала в геологические экспедиции. Пройдя комсомольскую «школу жизни», она мечтала вырастить из него «правильного» советского человека. Любила странной любовью, как-то по-своему, постоянно пытаясь его переделать. Но будущий вундеркинд интуитивно сопротивлялся любому давлению и в итоге рос ХОЛОДНЫМ И НЕДОЛЮБЛЕННЫМ — со всеми вытекающими последствиями.

«Мир, как мать, которая не любит меня/И Бог как отец, которого я не знаю», — писал позднее Кормильцев в «Прологе к автобиографии».

Будучи ребенком с ослабленным иммунитетом, Илья часто болел. В возрасте полутора лет пережил ужасную дизентерию, у него постоянно случались проблемы с желудком. Поэтому дедушка принял мудрое и оперативное решение: срочно выкупил участок земли, на котором построил небольшую дачу. Предполагалось, что пребывание ребенка на свежем воздухе сможет в корне изменить ситуацию.

Бабушка Галина Константиновна отпаивала внука парным молоком и кропотливо выращивала для него на грядке овощи. Необходимо заметить, что баба Галя была протестанткой голубых кровей и выходцем из немецких дворян. В юности получила хореографическое образование и выступала в составе агитбригады перед бойцами Красной армии. Позднее, столкнувшись с голодом в Поволжье, крестьянскими рынками и разгоном НЭПа, она всеми фибрами души возненавидела советскую власть.

«Наша счастливая жизнь закончилась в 1917 году», — бесстрашно говорила Галина Константиновна в самый разгар сталинских репрессий. После того как ее сын Валера завел вторую семью, она считала делом чести подолгу возиться с обоими внуками. С немецкой дотошностью учила Илью и Женю латинским названиям растений и навыкам выращивать всё, что только возможно, в суровом уральском климате.

Профессорский дом, в котором жили дедушка с бабушкой,

находился в «тихом центре», в Банковском переулке, неподалеку от памятника Ленину и площади 1905 года. Просторная трехкомнатная квартира выглядела настоящим «собранием драгоценностей»: начиная от уникальной коллекции марок и заканчивая громадным кабинетом с книгами.

Книжные стеллажи занимали всё пространство, от пола и до потолка. В них хранились полный каталог издательства Academia, дореволюционные фолианты по древнекитайской философии, многотомники «Большой советской энциклопедии» и Брокгауза-Эфрона, прижизненные издания Хлебникова и превосходная коллекция переводной литературы, состоявшая из книг Воннегута, Брэдбери, Лема и Шекли.

«Библиотека Виктора Александровича была организована по оригинальному принципу, — вспоминает школьный приятель Ильи Николай Соляник. — Книг было много, и они распределялись по странам. К примеру, Португалия: вначале шла поэзия, потом проза, а потом эссеистика. У Ильи такая дотошность дедушки вызывала искреннее восхищение».

Любопытно, что на одной из полок хранились мемуары маршала Жукова с автографом автора. В опальные годы Георгий Константинович командовал Уральским военным округом и частенько захаживал в гости к Кормильцевым. Позднее Галина Константиновна с улыбкой рассказывала Илье, что Жуков был в нее тайно влюблен и даже прислал в подарок свою книгу «Воспоминания и размышления».

В школьные годы Кормильцев-внук сутками не вылезал из кабинета Виктора Александровича. Со стороны казалось, что его отцом был Курт Воннегут, а матерью — Франсуаза Саган. Но особенно сильно Илья увлекался фантастикой — как отечественной, так и западной.

«Я читал романы Жюля Верна, мечтал стать капитаном Немо», — писал он позднее в одном из стихотворений.

Кроме того, будущий поэт учил наизусть громадные поэмы и мог прочитать вслух немалые фрагменты из «Истории государства российского» графа Алексея Толстого.

Также рьяно Илья увлекался переводами. К примеру, брал двуязычную книгу Шекспира и переводил английский вариант стихотворения на русский, а потом — наоборот. Неудивительно, что в одном из ранних интервью, отвечая на вопрос об источниках самообразования, Илья честно признался: «Библиотека моего деда». И добавил: «Больше всего я любил книги, от которых можно заплакать».

В семидесятых годах Илья уже увлекался не только книгами. Английская спецшкола №70, в которой он учился, была с

химическим уклоном, и со второго класса Кормильцев самостоятельно осилил таблицу Менделеева. Но изучать только теорию было не в его правилах. В магазине «Охотник» пытливый школьник не без хитрости приобретал банки с порохом и затем творил дома пиротехнические эксперименты. В результате «штурма» макета пластилинового замка он чудом не взорвал квартиру, а после опытов с карбидом у него на лбу остался шрам.

Несложно догадаться, что в школе Илья был просто обречен стать «белой вороной». Ровесники его недолюбливали, причем Кормильцев раздражал их не энциклопедическими знаниями, а странной «манерой поведения». Он вечно делал не то, что было принято: не играл в футбол, не любил фотографироваться, не участвовал в драках «двор на двор». После вызовов к директору мог кататься в истерике по коридору, громко обзывая учителей «фашистами». И чем больше одноклассников собиралось лицезреть это шоу, тем громче Кормильцев вопил.

Как-то раз Илья решил отомстить врагам. Не без помощи дедушки изобрел невидимый клей, которым ловко измазал стулья в школьной учительской. Ничего не подозревавшие преподаватели рухнули на стулья, чтобы попить перед уроками чайку. Прошу поверить: это чаепитие запомнилось им на всю жизнь. Поскольку отодрать фрагменты неживой материи от старинной древесины не смогли ни вахтер, ни комсорг школы, ни беззубая уборщица. В кульминационный момент в учительскую заглянул взъерошенный Илья и невинно поинтересовался: «Скажите, пожалуйста, а почему у нас занятия не начинаются?»

Гробовая тишина была ему ответом.

«В школе я был странной смесью ботаника и хулигана, — объяснял позднее Кормильцев. — Тихий омут, в котором, как известно, черти водятся. То мы школу травили слезоточивым газом, то какие-то взрывы устраивали. Победила в итоге дружеская ничья, потому что и школа стоит, и я жив».

Долгое время одноклассники относились к Илье как к психу. За спиной дразнили «Кормушкиным», считали «маменькиным сынком», «препротивным очкариком», и в итоге решили проучить. Как-то после уроков старшие школьники отловили Илью, связали ему руки и смазали известью глаза, повредив при этом роговицу. Защищать его было некому, и зрение оказалось испорченным навсегда.

Врачи прописали Кормильцеву очки, которые ему разбивали с завидной частотой. После этих схваток его поведение становилось непредсказуемым, но незримые ангелы, кажется, хранили Илью уже тогда. Жив остался — и слава Богу.

В старших классах в семье Кормильцева произошли

значительные перемены. Светлана Алексеевна еще раз вышла замуж и родила второго ребенка. Теперь в их скромной квартире на улице Большакова новая семья проживала вчетвером: мама Света, Илья, отчим Владимир Георгиевич и сестра Ксения Устюжанинова.

«Я отлично помню комнату Ильи, которая казалась мне особенным местом, — вспоминает Ксения. — Там постоянно крутились пластинки и раздавались ни на что не похожие звуки. На двери висела акварель: огненно-красная пустыня, барханы, холмы, дорога. По дороге идут босая девушка в развевающемся белом платье и по пояс обнаженный длинноволосый юноша в джинсах. Он с гитарой. А над горами вместо солнца огромный глаз в ореоле лучей! Такая хипповская романтика, перерисованная с обложки какого-то рок-альбома, казалась мне окном в иной мир, фантастический и невероятный, где живет мой брат Илья».

Пиротехник

Я всегда был бунтарем... Родители, авторитеты — все нуждалось в свержениях и переменах.

Илья Кормильцев (из писем друзьям)

В школьные годы Илье было скучно внимать старорежимным преподавателям, вооруженным советской идеологией и нафталиновыми методичками. Научная фантастика, журналы «Наука и жизнь» и «Иностранная литература» будоражили его мозг куда сильнее, чем, скажем, биографии классиков марксизма-ленинизма.

«У брата шли постоянные выяснения отношений с учителями, — рассказывает Ксения Устюжанинова. — Например, ему задали написать сочинение о Ленине. Звонит преподаватель маме: "Ваш сын написал прекрасное сочинение. Но проблема в том, что он написал не про Ленина, а про Шекспира!" Откуда в нем взялся этот стойкий нонконформизм, даже непонятно».

Битвы со школьной администрацией начинались у Кормильцева прямо на пороге учебного заведения. За пару минут до звонка будущий вундеркинд прибегал на занятия в коротких штанишках и с перемотанной изолентой оправой очков. Как правило, несколько пуговиц на его рубашке отсутствовали, а пальто было застегнуто не по уставу.

Но входе Илью с важными лицами ожидали преподаватели. Они вели жестокую войну со школьниками, посмевшими приходить на уроки с прическами в стиле Джорджа Харрисона. Однажды, цепко схватив Кормильцева, строгий завуч одной рукой обрезал ему часть волос и отправил в парикмахерскую, наказав ему вернуться со стрижкой «полубокс».

«Лязг холодных ножниц, я до сих слышу его у себя над ухом. / Днем и ночью чувствую прикосновение холодного металла к коже. / Вскакиваю с криком в середине ночи», — писал позднее Кормильцев в стихотворении «Ножницы».

По воспоминаниям очевидцев, горевал Илья недолго. Месть юного экспериментатора, тяготевшего к вселенской справедливости, получилась страшной. Для начала он просто попытался подорвать родную alma mater. А затем, активировав

таинственную органическую реакцию, задумал вызвать газовый смерч, направленный на полное истребление школьных инфузорий.

Атака была осуществлена с помощью боевого химического отравляющего вещества под названием "хлорацетофенон", который Илии синтезировал прямо в лесу, — объясняет его брат Женя Кормильцев. — Пакет с хлорацетофеноном был аккуратно положен на школьную батарею, в результате чего состоялась массовая эвакуация учебного заведения, поскольку при нагревании смеси случился мощный слезоточивый эффект».

Еще до этой акции пытливый пиротехник начал посещать факультативные занятия по химии — именно этот предмет казался ему действенным оружием против школьного режима. Кроме того, новая учительница просто обожала мозги Кормильцева. В результате он твердо решил стать ученым-химиком, о чем торжественно сообщил как-то под вечер у себя дома.

«На подсознательном уровне связь между поэзией, магией и химией всегда ощущалась мной очень сильно, — вспоминал впоследствии Кормильцев. — Фауст же, явный протохимик, был моим любимым героем лет с тринадцати».

Вскоре Илья с блеском выиграл районную олимпиаду и удостоился экскурсионной поездки в город Тобольск. На родине Дмитрия Менделеева он знакомится с вундеркиндами-химиками из других школ. Это были реальные «головастики», с которыми он мечтал создать в коридорах родной школы «атмосферу католических кварталов Белфаста». Юный алхимик осуществлял производство детонаторов с помощью Жени Лейзерова и Коли Соляника.

«Каждую субботу вечная страдалица Светлана Алексеевна Зворская приходила и школу и шла прямиком в кабинет директора, — объясняет Ксения Устюжанинова. — Там ей выкладывали полный список того, что ее ненаглядный сынуля натворил. А он уже тогда был партизаном и противником мирового порядка».

Из-за конфликтом с учителями в семье нарастал разлад. Мама отчетливо понимала, что сын растет «другим человеком», далеким от ее идеалов.

Светлана Алексеевна искренне мечтала воспитать детей в духе строителей нового общества и использовала для этого любые методы. Она в отчаянии наблюдала, как у сына не складываются отношения ни со школой, ни с отчимом, которого Илья «по-хорошему не любил».

Каждое лето мама Света брали сына в геологические

экспедиции. Пару месяцев в году он трудился разнорабочим и таскал по уральским лесам и оврагам тяжеленные мешки с камнями разных пород. Илья настолько приноровился к такому образу жизни, что его перестали употреблять в пищу местные комары, буквально облетая стороной — не желали связываться.

А по ночам Илья вел тайные диалоги с Космосом. А именно при свете фонарика самозабвенно изучал французский язык. В его карманах хранились нарезанные перфокарты, на которых с одной стороны были написаны французские слови и их транскрипция, а с другой — русские аналоги. Светлана Алексеевна не на шутку волновалась за зрение сына и постоянно пыталась уложить юного полиглота спать. Но, очевидно, совершенно безрезультатно.

«Кормильцев с точки зрения мозгов уже тогда был человеком совершенно неординарным, вспоминает Жени Лейзеров. — Он читал в оригинале "Алису в Стране чудес" и Курта Воннегута. По жизни он был "ботаником", и все мы над ним немного подшучивали».

Параллельно изучению иностранных языков Кормильцев погрузился в решение олимпиадных задачек по химии и скоро достиг внушительных успехов. Весной 1974 года он занял призовое место на всесоюзной олимпиаде в Донецке. Лето провел неподалеку от Казани, в национальном лагере «Орбиталь-74», где собирали самых талантливых юных химиков СССР.

«Этот летний лагерь находился на берегу Волги и состоял из деревянных домиков, — объясняет Женя Лейзеров. — Я жил в одном из таких бунгало вместе с Кормильцевым. Там было классно, поскольку профессора уровня Гуревича и Капицы читали парадоксальные лекции и общались с нами как со взрослыми. Нас пригласили учиться в Казань, дали гарантии общежития, стипендии и поступления в химико-технологический институт. Это было здорово!»

Общение с именитыми профессорами здорово перевернуло взгляды Ильи. После приглашения в 1975 году на международную олимпиаду в Болгарию Кормильцев изменился не только внутренне, но и внешне. Он перестал одеваться в магазине «Детский мир» и выклянчил у мамы деньги на пошив модных брюк а стиле клеш.

Но это было еще не все. Параллельно написанию стихов для школьной рок-группы Илья переквалифицировался из алхимика-террориста в заядлого меломана. Он легко внедрился в основные места виниловой жизни Свердловска: толкучку в саду им. Вайнера, магазин «Мелодия» и вещевой рынок на станции Шувакиш.

«В школе я спекулировал пластинками, — признавался

впоследствии Кормильцев. — Я не только был активным коллекционером, обменщиком и спекулянтом, но и любил просвещать всех, переводя статьи из западной прессы и тексты англоязычных групп».

Илья собирал на переменах старшеклассников и читал самопальные русскоязычные версии текстов Pink Floyd, переведенные и записанные им в толстую тетрадку. Дело происходило, как правило, в школьном туалете, и эти литературные сходки пользовались у народа определенной популярностью.

Времена изменились, теперь вместо обидного прозвища Кормушкин у Ильи появился уважительный псевдоним Мак Фидер, который при желании можно было перевести как Мак Просветитель. И, надо отдать Кормильцеву должное, из подпольного формата «чтение стихов в туалете» будущий поэт выжимал максимум эффекта. Приятели стали называть его «друг Мак», а одноклассники покидали сортир крайне неохотно, систематически опаздывая на занятия.

Наблюдая за увлечением Ильи западной рок-музыкой, заботливый дедушка подсунул внуку культурологическую книгу Филиппа Боноски «Две культуры». Прочитав ее, Кормильцев-младший самозабвенно увлекся идеологией хиппи и технологиями производства диэтиламида лизергиновой кислоты. Не имея возможности приобрести у знакомых этот «витамин для души», он уже в 15-летнем возрасте ясно представлял себе схему его изготовления.

«В 1975 году Мак всерьез обсуждал с более опытными друзьями-химиками, реально ли на базе химической лаборатории Уральского университета синтезировать ЛСД, объясняет Ник Соланин. — Его искренне интересовало, насколько выгодно и опасно этим заниматься а СССР».

Некоторое время судьба хранила новоиспеченного экспериментатора от противоправных искушений. Но не в характере Ильи было ждать милости от природы. Как-то раз, обнаружив во дворе Городской клинической больницы баллоны с закисью азота, он вычитал в учебнике по токсикологической химии, что данная смесь используется при наркозах. И его мозг при получении этой информации буквально взорвался. Возбуждение от обладания новым знанием можно было потушить только действием.

Выяснив, что чугунные ворота в больницу носят декоративный характер и не закрываются по ночам, целеустремленный Кормильцев ловко утащил один из баллонов домой, спрятав его в шкафу с одеждой. «Под закись азота мы с

Маком не только дышали, но и записывали всякие поэтические реплики, рассказывает Ник Соляник. Но в основном первые стихи мы, конечно, сочиняли под водку».

«Тема наркотиков нас увлекала, но явного желания их попробовать не было, вспоминает приятель Ильи Боб Никонов. Тем не менее тогда у нас родилась безумная идея написать поэму, восхваляющую действие наркотиков. Особый упор решено было сделать на ЛСД-25, поскольку его уже тогда называли "наркотиком для умных". Кроме того, мы начали готовить рефераты для городского конкурса, где темой нашего химического исследования были "Алкалоиды". Но чем больше мы узнавали, тем дальше, изрядно поблекнув, отступала наркотическая романтика, пока тема не увяла окончательно».

Примечательно, что Илья и не думал понижать скорость своих научно-исследовательских погружений. Даже мысли такой у него возникнуть не могло. Но для этого ему нужны были деньги. Как-то вечером любознательный внук обнаружил в коллекции у дедушки раритетную марку времен Гражданской войны. Уточнив у Виктора Александровича ее стоимость, Кормильцев-младший осознал, что накопившиеся материальные проблемы можно решить одним точным ударом. Просто надо было незаметно изъять марку из кляссера и перепродать знакомым филателистам.

«Уже в школе Илья был не только романтичным, но и очень меркантильным человеком, — считает его приятель Леонид Порохня. — В шестнадцать лет Кормильцев тщательно планировал, как продаст уникальную марку, когда она попадет к нему в руки. Следующим пунктом, о котором он сладострастно мечтал, была реализация серебряной семейной газетницы, сделанной в виде павлина. Павлин был изготовлен в натуральную величину, а в его серебряный хвост ежедневно вставлялись свежие газеты. Продажа этого антиквариата обдумывалась Ильей в первую очередь, и он любил порассуждать что именно на эти деньги можно потом прикупить».

Потомкам неизвестно, какие из наполеоновских планов начинающему анархисту удалось воплотить в жизнь. Но финансовые авантюры Мака не остались пустыми словами. Со временем часть дедовских фолиантов он сбыл, худо-бедно пытаясь замаскировать зияющие пустоты на книжных полках.

«В те годы Илья был готов вынести на продажу полдома, — вспоминает учившаяся с ним в одной школе Марина Федорова. — Он очень хотел покупать новые пластинки, а денег на это не было. И Кормильцев начал потихоньку распродавать библиотеку. Он тайно притащил на Шувакиш несколько книг по античной

литературе и успешно их реализовал. Для Виктора Александровича с бабой Галей это был просто шок, но они очень любили внука и все ему прощали».

Человек наподобие ветра

Кто мог знать, что он провод,
пока не включили ток?

Борис Гребенщиков, «Дело мастера Бо»

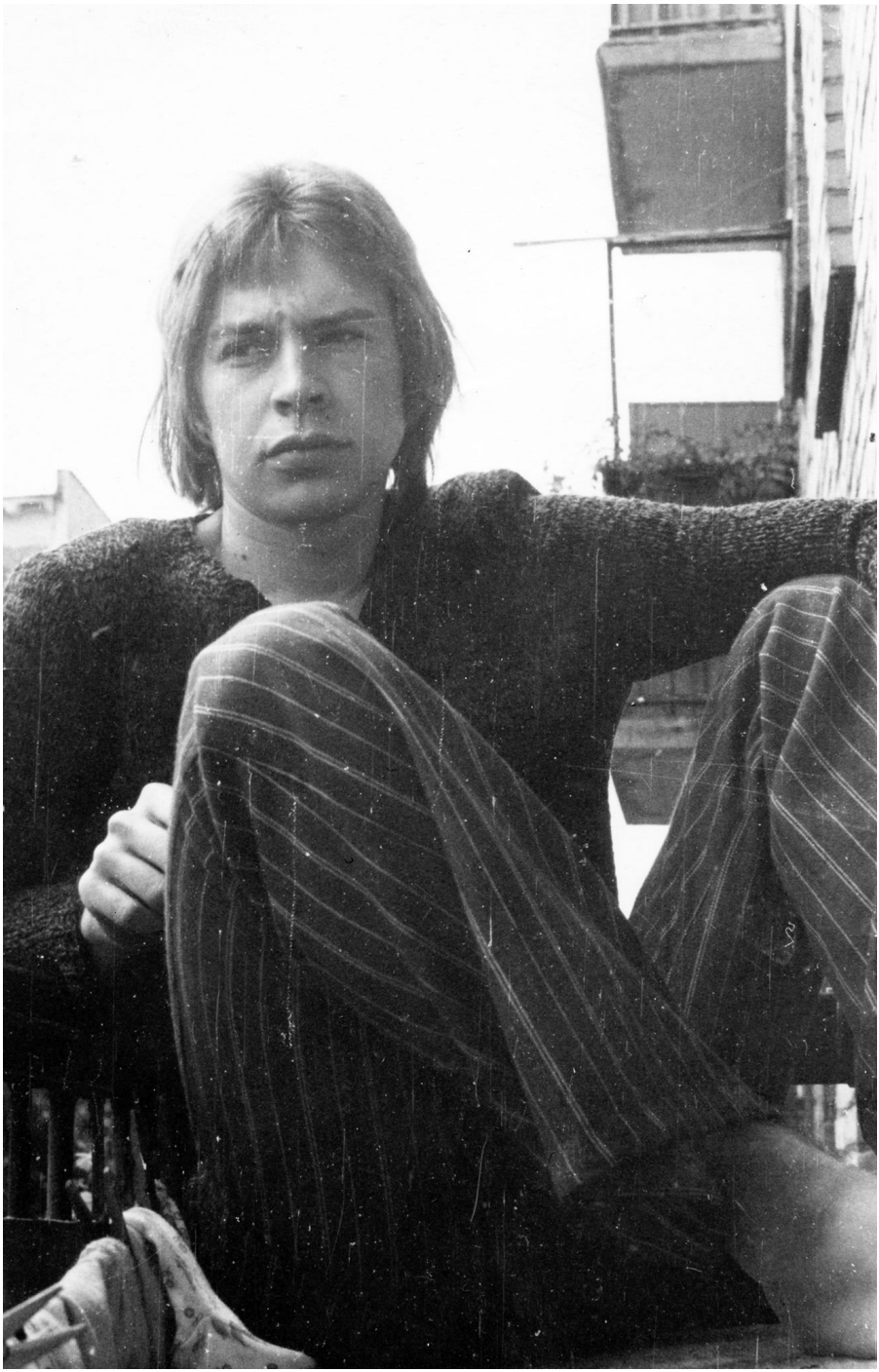
В выпускном классе Илья Кормильцев проводил вечера с друзьями-меломанами. Самым близким из них стал студент юридического факультета Алексей Трущёв. Он закончил ту же английскую школу, что и Илья, а затем устроился туда лаборантом в химкабинет. Внимание Кормильцева привлекла футболка с надписью Rolling Stones. У новых знакомцев нашлись общие темы: безумные химические эксперименты, любовь к поэзии и к рок-н-роллу. Харизматичный парень, стиляга в самопальных брюках-клешах, Трущёв обладал громадной коллекцией западных дисков. У него хранились совершенно невероятные раритеты — вроде концертного альбома Uriah Heep, изданного исключительно для Австралии.

«Трущёв был странной личностью и знал про рок-н-ролл абсолютно всё, — утверждает школьный приятель Ильи Влад Малахов. — Он прививал нам ту любовь к музыке, которая реально определила всю нашу последующую жизнь».

Сутки напролет Кормильцев обсуждал с Трущёвым поэзию Блока, культурологические статьи в журнале «Америка», а также новые пластинки. Как-то раз Илья увидел у Алексея настоящую английскую рок-газету «Melody Maker» и от волнения чуть не утратил дар речи. Репортаж о туре Дэвида Боуи и рецензия на альбом «Dark Side of the Moon» стали для Кормильцева воротами в новую Вселенную.

Любопытно, что общение внутри этой компании зачастую происходило на языке Уильяма Шекспира и Джона Леннона. Это не отменяло острополитических дискуссий и свежих анекдотов на родном языке. Любимой присказкой Трущёва была фраза «Ален Делон не пьет одеколон», она полюбилась и Кормильцеву.

«Алексей был старше меня на несколько лет и в каком-то смысле являлся моим наставником», — признавался впоследствии Илья.



Алексей Трущёв

«Алексей оказался для Кормильцева чем-то вроде старшего брата, друга и незаменимого собеседника, — вспоминает сестра Трущёва Елена Кононова. — Безусловно, он оказал сильное

влияние на Илью, причем — как хорошее, так и плохое. Дело в том, что у Лёши был мрачный, прямо-таки черный взгляд на жизнь. А у Кормильцева почва для этого уже была подготовлена. Что впоследствии, с годами, и развилось многократно».

Под воздействием взглядов Трущёва Кормильцев решил избавиться от материнской опеки и уехать из дома. Как можно скорее и подальше.

«В семье нас и пальцем не трогали, — вспоминает сестра Ильи Ксения Устюжанинова. — Тут кое-что похуже. Мама давала понять, что может наступить момент, когда она перестанет тебя любить. Светлана Алексеевна вполне обходилась словами, наказания ей были ни к чему. Обаятельная, всеобщая любимица, красавица, требовательная до жестокости. Она легко могла сказать: «Ты знаешь, все на свете когда-нибудь заканчивается. В том числе, и моя любовь». Это было отлучением от себя. А Илья не терпел никакого нажима или насилия. Между ними шла война, и каждая из сторон была непримирима».

Летом 1976 года Илья заканчивает школу и улетает в Ленинград. Как призер всесоюзных олимпиад, он легко поступил на химфак Ленинградского университета, обучение в котором завершал молодой программист-аспирант Борис Гребенщиков.

«Два будущих поэта ходят по одним коридорам, не будучи еще знакомы, — иронизировал позднее Кормильцев. — Хотя их имена окажутся рядом буквально через десять лет».

Илья разминулся в Питере не только с Гребенщиковым. Кормильцев не был вхож ни в «сайгоновскую» тусовку интеллектуалов-битников с Невского проспекта, ни в университетский театр Горошевского, где репетировали будущие музыканты «Аквариума» и «Поп-механики». Мимо него звучали концерты таких культовых групп, как «Россияне», «Мифы» и «Большой железный колокол».

«Как это ни парадоксально, в Питере я не смог найти себе приятелей по интересам, — сожалел впоследствии Кормильцев. — Действительно, бывают такие вещи, что, видимо, не судьба. Почему-то я не нащупал питерскую рок-н-ролльную тусовку».

Тем не менее, в студенческой жизни Кормильцева случилось несколько знаковых событий. Во-первых, он продолжил активное изучение английского языка, и к тому был почти случайный повод.

Илья Кормильцев в Питере

«Однажды Илья бродил по Ленинграду, и какой-то иностранец спросил у него, как проехать в Выборг, — вспоминает Марина Кормильцева. — Кормильцев прекрасно знал дорогу, но сильно стушевался. И тогда он начал активно улучшать свой разговорный английский, стараясь общаться с иностранными студентами».

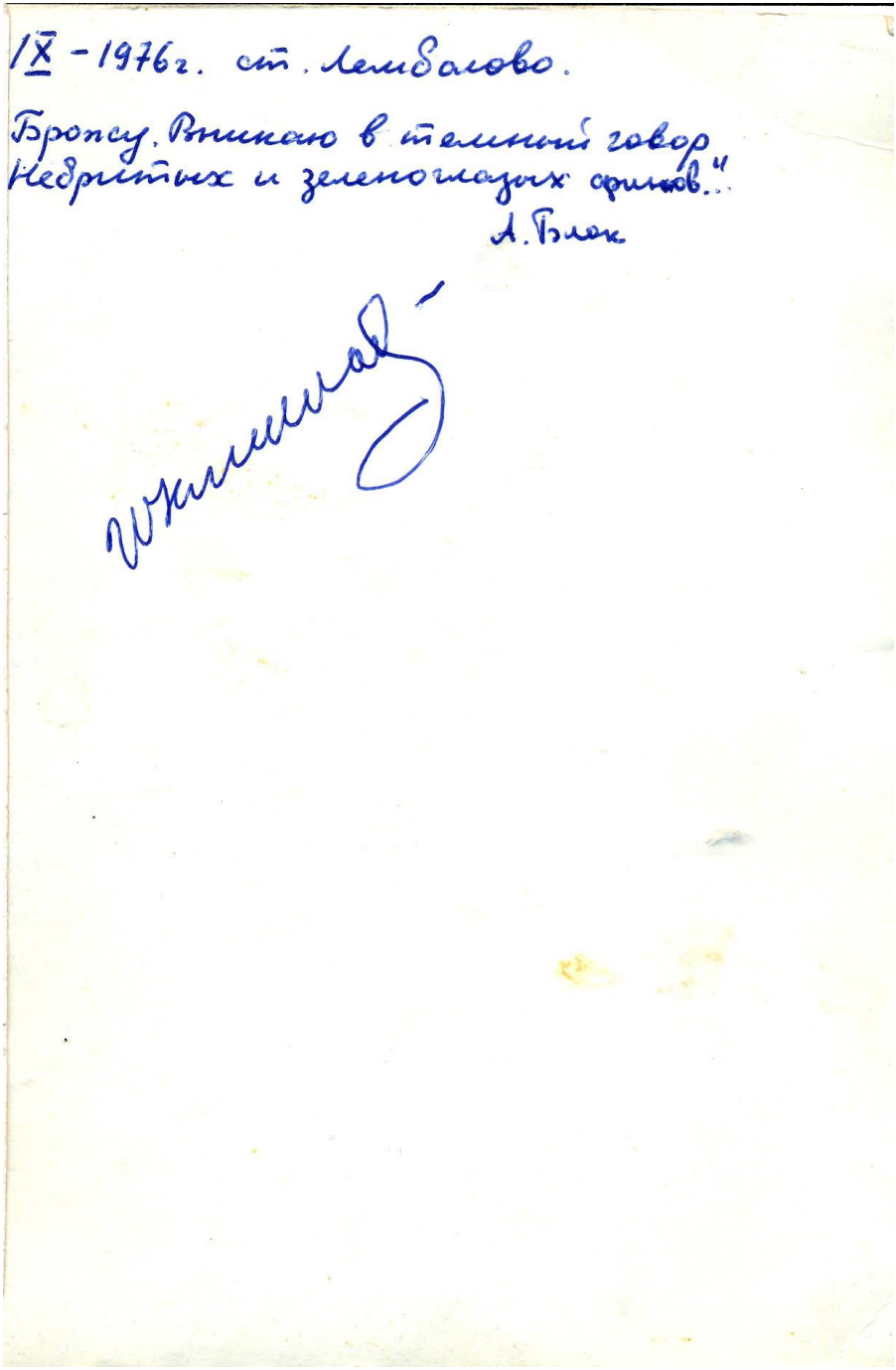
Во-вторых, Илья начал много тусоваться с финскими туристами и моряками, выменивая у них пластинки. Незаметно для себя оказался удачливым фарцовщиком, благодаря чему был в курсе всех музыкальных тенденций. Знаковыми поэтами для него стали Пит Синфилд, Боб Дилан и Леонард Коэн, а любимыми альбомами — ранний Pink Floyd и King Crimson.

Добыв вожделенный винил, Илья осторожно распечатывал пластинку и переписывал ее на пленочный магнитофон. Затем в полной темноте, прикрыв глаза, слушал запись несколько раз. После — шел на ближайшую почту и отправлял диски в Свердловск.

«Пластинки были в «родных» конвертах и никогда не бились, — ностальгирует Малахов. — Почта тогда практически не воровала, и таким образом у нас происходило культурное и материальное обогащение. Порой случались небольшие курьезы. К примеру, Кормильцеву очень нравилась английская группа «10 CC». Он прислал мне их пластинку, но вскоре выяснилось, что продать этот диск на Урале оказалось абсолютно невозможно».

Почуяв витавший в среде ленинградских меломанов дух свободы, 17-летний Илья оставил общежитие. Вначале снимал комнату на Васильевском острове, а затем нашел более экономный вариант, поселившись с приятелем на пригородной даче. Ежедневно ездил в университет на электричке, и от ее вечных сквозняков стал часто болеть. Практически ежемесячно у него случались то бронхит, то гайморит. В итоге врачи решили, что Кормильцеву, который с детства был предрасположен к легочным заболеваниям, местный климат категорически противопоказан.

«У Ильи не получилось перенести питерской осени-зимы, — вспоминает Ксения Устюжанинова. — Когда Светлана Алексеевна приехала проведать сына, то нашла его сильно простуженным и потерявшим все теплые шапки, шарфы и перчатки. В съёмной квартире они с сокурсником нарисовали углем на стене фреску, изображавшую Страшный Суд».



Автограф Ильи из его письма Трущева, написанного Кормильцевым из Питера в Свердловск.

Но настоящая беда пришла с другой стороны.

«После отъезда Ильи в Ленинград наша компания с Трущёвым просуществовала совсем недолго, — объясняет

Малахов. — Алексей был человеком, которому военная служба категорически противопоказана. Но Трущёв всё-таки пошел в армию, ни словом не обмолвившись в военкомате, что у него гипертония. На прощание сказал нам, что «отправляется на рысьи скачки», а вскоре из армии пришла похоронка».

Лёша Трущёв ушел служить в ноябре 1976 года, а через два месяца его не стало. История болезни содержала в себе диагноз «крупозная пневмония», но что произошло на самом деле, неизвестно до сих пор. Вскрытие тела не производилось, а родственникам лишь сообщили, что рядового Трущёва привезли в военный госпиталь полностью истощенным. Как поется в песне «Наутилуса», «пьяный врач мне сказал, что тебя больше нет».

Друга Кормильцева доставили в Свердловск в запаянном цинковом гробу, и похоронили на Широкореченском кладбище в январе 1977 года. Всю зиму Илья писал Алексею из Питера письма, но, так и не получив ответы, догадался, что с его приятелем произошло непоправимое. Узнав у родителей Трущёва подробности, он совершенно растерялся.

У студента-первокурсника появились подозрительные знакомства: оказалось, что уже в середине 70-х в Ленинграде были места, где собирались наркоманы, уныло и безнадежно вопрошавшие друг друга: «У тебя есть двинуться?» В этой мутной тусовке у Ильи случились первые отношения — она была девушка трудной судьбы, посвященные ей стихи не сохранились…

В тот период во всем происшедшем с Трущёвым Кормильцев обвинял социалистическую систему. Ему казалось, что с самого начала учебы на вечернем юрфаке его друг был обречен. Гипотетически Алексей мог не идти на воинскую службу, если бы учился на стационаре. Но это было невозможно, поскольку на дневное обучение прорывались либо молодые партийные кадры, либо прошедшие службу в рядах Советской армии.

Кормильцев долго не мог прийти в себя после смерти Трущёва.

«Мать Ильи запретила нам всем говорить о том, что случилось с Алешей, — вспоминает Елена Кононова.- Светлана Алексеевна прекрасно понимала, что у её сына может быть нервный срыв. Действительно, так вскоре и произошло. Когда Кормильцев узнал окольными путями, что Алеша погиб, то просто бросил учебу. Он бесцельно болтался по Питеру и у него в жизни был тяжелый период. Потом к нему приехала мать и увезла сына обратно в Свердловск».

Летом 1977 года Илья перевелся на химфак Уральского университета, где продолжал писать стихи. Порой это был робкий социальный протест, порой — психоделические зарисовки про

крыс и мышей, порой — наивная любовная лирика. О своих литературных опытах Кормильцев никому не рассказывал, но одно из его стихотворений оказалось посвящено Алексею Трущёву: «Стоишь ты спокойно у края стены, всего в сантиметре от гибели верной/Ты даже не думал об этом, наверно, ты — человек наподобие ветра…»

Пройдет всего несколько лет, и стих «Человек наподобие ветра» превратится в один из главных боевиков уральской рок-группы «Урфин Джюс».

Мы были молоды, очень глупы, но очень энергичны. Время было странное и нелепое. Но кое-чему удалось научиться. В первую очередь тому, что творить надо, не оглядываясь на недостаточность имеющихся в распоряжении технических средств.

Илья Кормильцев

Вернувшись из Ленинграда в Свердловск, Илья встретился со студенткой консерватории Светой Плетенко, знакомой ему со времен меломанских посиделок у Трущева. Мак рвался посетить могилу друга, и вместе со Светой они поехали на Широкореченское кладбище. Всю дорогу Кормильцева трясло — как будто кошмар мог оказаться неправдой, друг не умер и не лежит в земле. Но, увы... На обратном пути Илья молчал и приехал домой полностью опустошенным.

«Мы увиделись с Маком через два дня после его прилета из Питера, — вспоминает Коля Соляник. — Это был очень грустный Илья, на которого смерть Лехи произвела гнетущее впечатление. Было совершенно непонятно, что за смерть? И окончательной точки в этом вопросе так и не было поставлено».

Несколько недель Кормильцев ни с кем не разговаривал. Как-то под вечер Илья снова поехал навестить могилу Трущева. Просидел на кладбище ночь, выпил водки, проплакался и... под утро записал в своем блокноте несколько нервных куплетов. Все они считались давно позабытыми, но когда книга уходила в печать, произошло настоящее чудо.

У разбуженного моим ночным звонком Соляника неожиданно включилась фантомная память, и заработали лабиринты подсознания. И, спустя ровно сорок лет после описываемых событий, он спросонья реставрировал строчки одного из первых стихотворений Кормильцева:

Словно бритвой рассечен на громадные куски,
Распростерся старый парк, полон грусти и тоски.
Через заросли аллей, через ржавчину оград
Я пройду к могиле той, где лежит мой старший брат...

Первым человеком, которому Кормильцев показал этот текст, была Света Плетенко. Она сочинила на него мелодию и несколько раз исполняла эту балладу, стилизованную под Uriah Heep, в компании друзей. Илью и Свету объединили воспоминания о Трущеве, вдвоем им было легче заполнять пустоту потери. Мак постепенно оживал, общих тем становилось все больше, и весной 1978 года они поженились.

На свадьбу Кормильцев позвал родственников и друзей, а свидетелем пригласил Колю Соляника. У приглашенных со стороны невесты гостей выделялся поставленный голос ее отца, ведущего тенора оперного театра — Олега Сергеевича Плетенко.

Бурное веселье длилось всю ночь. Вначале все выглядело безобидно: Светлана пела и аккомпанировала себе на фортепиано, а затем с итальянскими популярными ариями громогласно выступил отец. Вскоре студенты ускорились и лихо задрыгали ногами под магнитофонные записи Boney M, уничтожив все запасы шампанского. Неудивительно, что спустя годы нюансы праздничного банкета не смог вспомнить ни один его участник.

После свадебного путешествия в Ленинград у молодоженов наступил период семейно-бытовой акклиматизации. Некоторое время они пытались жить в квартире Ильи на улице Большакова, но мир продлился недолго. Молодой муж постоянно воевал с мамой, а Светлана Алексеевна открыла два фронта одновременно: против сына и его жены. Ошалевший от ежедневных конфликтов Кормильцев метался между двумя Светами с призывами к перемирию, но безрезультатно. Военные действия не прекращались ни на минуту.

Патовую ситуацию спас дедушка Виктор Александрович, благородно разменявший свою легендарную квартиру в Банковском переулке. Многолетняя мечта Мака сбылась — он получил жилплощадь, наконец-то решив проблему бытовой независимости. Очевидно, что к семейной жизни 19-летний студент с поэтически-музыкальным уклоном и повадками книжника не был готов ни душой, ни телом. Позднее Илья вспоминал, что в этом браке «выступал в роли подопытного кролика». Будущая оперная певица Света Плетенко была его старше и взрослее. Постепенно в семье возникло устойчиво-высокое давление, и Кормильцеву ничего не оставалось, как через несколько лет ретироваться на свободу...

Побродив по скучным химическим семинарам, Илья нашел себе более результативное занятие — стал подрабатывать грузчиком. Тяжкий труд оплачивался весьма достойно: за двенадцатичасовую смену студенты зарабатывали по 15 рублей

на человека.

«В связи с жуткими холодами 1979 года на железнодорожном почтамте скопилась масса посылок, которые надо было развозить по секторам, — вспоминает Боб Никонов. — Штатные грузчики трудились в дневные смены, а на ночь набирали студентов. Мы с Маком таскали посылки в паре, а наутро, валясь с ног от усталости, брели на занятия, мечтая о паре часов спокойного сна».

Несколько месяцев унылого ночного труда вскоре принесли друзьям вожделенные средства. Деньги были потрачены мгновенно. Вначале Илья приобрел американские джинсы легендарной фирмы Levi's, а затем вместе с Бобом Никоновым прикупил у приятелей с десяток фирменных пластинок. Вдвоем они начали мотаться электричкой на «барахолку» в Шувакиш, где по воскресеньям собирались меломаны. Дисками менялись в городе, умножая багаж музыкальных познаний. Акцент в совместной коллекции делался на арт-рок, прогрессив и психоделическую музыку.

«Наш обменный фонд просуществовал до апреля 1980 года, когда мы с Кормильцевым были ограблены на станции Свердловск-сортировочная, — признается Никонов. — Мы лишились всех пластинок, а я вдобавок угорел на несколько курток из кожзаменителя, которые тогда были актуальны. В дальнейшем мы крутились с пластинками самостоятельно, но постоянно подкидывали друг другу что-нибудь новое и интересное».

Потерпев неудачу в качестве предпринимателя, Илья вместе с Владом Малаховым принял участие в создании университетского диско-клуба «220 Вольт». Вскоре клуб превратился в модную дискотеку, слава о которой гремела на весь Свердловск. Ее стали посещать самые незаурядные личности, которые могли улетать в астрал под музыку Чеслава Йемена, The Rolling Stones или King Crimson.

Диско-клуб «220 Вольт» оказался для эрудита Кормильцева тем местом, где он впервые отыскал свое призвание. Бывшие студенты химфака помнят, как худющий Мак открывал свои дискотеки мини-лекциями — от нового альбома Карлоса Сантаны до неофициальных концертников группы Genesis.

«Впервые я попал на лекцию Ильи в возрасте тринадцати лет, — вспоминает Женя Кормильцев. — Брат рассказывал о Led Zeppelin в маленький микрофончик от магнитофона „Комета". Видео тогда не было, на экран проецировались цветные слайды, и завороженные студенты, затаив дыхание, слушали „No Quarter". Несмотря на социализм и 1979 год, со стороны это выглядело,

как серьезное психоделическое погружение».

Выстраивая драматургию танцевальных вечеров, Илья учитывал тот факт, что перед дискотекой все активно бухали. Это была такая милая данность, которая создавала к началу мероприятия определенное настроение. Вино в городе продавалось на каждом шагу, относительно качественное и недорогое. Поэтому три бутылки «Агдама» на двоих тогда считались «классикой». Организаторы выпивали, прячась за аппаратурой, остальные — где придется. Примечательно, что преподаватели студентов не терроризировали, уверенные в устроителях и в том, что все пройдет спокойно.

Необходимо заметить, что при подготовке дискотек Кормильцев занимался исключительно творческой стороной процесса. В обязанности Влада Малахова входила организация «выездного» чеса в свердловских техникумах и заводских общежитиях. Примечательно, что все эти «грязные танцы» носили явно коммерческий характер и происходили «под носом» у ОБХСС. Это были откровенно рискованные мероприятия, но преподносились они исключительно как просветительская деятельность.

«Мы приезжали к коменданту очередного общежития и вели с ним долгие беседы, — признается Малахов. — Объясняли, что это, прежде всего, лекции о современной музыке. Поэтому в начале дискотеки на сцену выпускался Кормильцев, который вдохновенно просвещал народ рассказами о "серьезном роке": Pink Floyd, Electric Light Orchestra, Queen. Затем он ставил новые пластинки, и начинались танцы. В отличие от университетских вечеров все выездные дискотеки были платными, с билетами по 50 копеек. Вырученные деньги мы по-братски делили поровну».

Все последующие годы учебы пронеслись в голове Ильи как одно мгновение. К экзаменам Илья готовился в последнюю ночь. Все свободное время сидел в университетской библиотеке, «проглатывая» десятки книг по философии, религии, истории и всемирной литературе. Круг его увлечений был необъятным — от углубленного изучения итальянского, французского, испанского и венгерского языков до ознакомления с новейшими биологическими теориями Конрада Лоренца.

Параллельно Мак продолжал сочинять стихи. Тогда на Урале стала широко известна его эпиграмма на Брежнева, хотя молва приписывала ей народное происхождение:

Брови у него
Разрослись кустисто
Еле говорит,
Жаль, что не речисто,

Но все, что обещает
Ежедневно,
Верю я, исполнит непременно.

Учеба на четвертом курсе ознаменовалась для Кормильцева несколькими милыми выходками. Сначала они с друзьями выкрали из захудалого тира на окраине города мелкокалиберное ружье. Зарядив винтовку ворованными пулями, Илья с приятелями отправились на дачу, где в предрассветной мгле палили по резиновым лодкам, на которых подремывали с удочками любители дикой природы. Если выстрелы достигали цели, лодка сдувалась, и ошарашенные рыбаки судорожно добирались до берега вплавь.

На этой диверсии безумный Мак не успокоился. При подготовке курсовой работы ему удалось в процессе экзотермических опытов ловко уничтожить половину химической лаборатории. Ошпаренные практикантки вылетали из кабинета, словно небесные персонажи с полотен Марка Шагала.

Илье тогда сильно повезло. Лояльно настроенная профессура инцидент замяла, после чего Кормильцев-алхимик блестяще защитил диплом с красноречивым названием «Исследование явления переносов сложных оксидов». Как признавались впоследствии преподаватели, «этот студент умел талантливо делать вид, что хочет учиться».

«Знания у Мака были просто энциклопедические, — вспоминает его институтский приятель Женя Щуров. — В первую очередь, это химия, математика, физика, изучение всевозможных религий и языков. Но при этом никаких этических, нравственных, поведенческих моментов у Ильи не наблюдалось вообще. Можно подумать, что для него не существовало понятия добра и зла. Это было скрыто за какой-то его внутренней стеной, и он никогда не высказывался по этому поводу».

Важнейшим для Ильи оказался последний курс института, когда он познакомился с молодым рок-композитором Сашей Пантыкиным. После недолгой дружбы с Лешей Трущевым это была вторая судьбоносная встреча в жизни Кормильцева.

В конце семидесятых виртуозный пианист Александр Пантыкин собрал команду, исполнявшую сложную инструментальную рок-музыку, со стилистическими реверансами в сторону Прокофьева и Шостаковича.

«Я прыгнул в рок-н-ролл, минуя джаз, — откровенничает Пантыкин спустя сорок лет. — Я бегло играл на фортепиано и был специалистом по Баху и Моцарту, но не знал рок-н-ролльных правил и во многом двигался интуитивно».

Первые места на фестивалях отражали неординарность

такого явления, как его группа «Сонанс», которая исполняла своеобразный симфо-рок — при активном участии пантомимы, слайдов, чтецов и приглашенного хора. Неподготовленным слушателям сносила крышу музыкальная смесь из барабанных партий, рояля, скрипки, флейты, акустической и электрической гитар, а также инструментов басовой группы.

Так случилось, что на одном из фестивалей «Сонанс» выступал вместе с музыкантами «Машины времени». Тогда группа Андрея Макаревича была одним из флагманов советского рока, и конкурировать с ней казалось утопией. Тем не менее, даже в этом контексте «Сонанс» не выглядел случайным дополнением.

«Шел типичный комсомольский смотр патриотических ансамблей, — вспоминал позднее Макаревич. — Исключением была группа Пантыкина. Они играли совершенно заумную музыку, но без слов, и это их спасало».

После выступления на рок-фестивале в Черноголовке и выпуска магнитоальбома «Шагреневая кожа» «Сонанс» нежданно-негаданно развалился на две группы. Пресловутый «человеческий фактор» разросся в коллективе до необъятных размеров и, по образному выражению Пантыкина, «начал цвести пышным махровым цветом». Поэтому золотистой осенью олимпийского 1980 года идеолог «Сонанса» решил стартовать «с нуля», и теперь ему позарез был нужен рок-поэт.

В то время на Урале начала формироваться специфическая традиция, заключавшаяся в том, что у каждой рок-группы должен быть свой Пит Синфилд. Мол, дело музыкантов сочинять, петь и играть мелодии, штатного рок-поэта — писать к ним стихи. Задача перед Пантыкиным стояла практически невыполнимая: найти не только новых музыкантов, но и не существовавшего в Свердловске рок-поэта.

Но, несмотря на молодость, Александр обладал замечательным даром проходить сквозь стены. Он начал активные поиски и вскоре, в прямом и в переносном смысле, наткнулся на Илью Кормильцева. Тогда и предположить никто не мог, что нарушая все законы эвклидовой геометрии, две параллельные прямые — Композитора и Поэта — пересекутся в пространстве и надолго станут одной линией.

Universal Soldier

Кормильцев изначально не был рок-поэтом, просто рок подвернулся вовремя, чтобы растиражировать его открытия и, шире, его манеру.

Дмитрий Быков

Как-то раз юный Саша Пантыкин робко заглянул в университетский диско-клуб «220 Вольт», находившийся напротив его студии. Споры музыкальной тусовки и общее волнение меломанской жизни были в самом разгаре. Композитор с прической в духе Тима Бакли буквально застыл на пороге. Его модные очки модели «Перикл» сползли на кончик носа — неловким, но решительным движением он возвратил их в исходное положение.

Исполненный высокого пафоса идеолог «Сонанса» стал вещать студентам о своей студии и смелых попытках писать рок-композиции на стихи поэтов-символистов. В комнате воцарилась тишина, и шуршание магнитофонной пленки, переписывающейся с «Маяка» на «Маяк», оставалось механически-равнодушным.

Оценив произведенный эффект, Пантыкин выдержал паузу и неожиданно для всех предложил сотрудничество... начинающему поэту Кормильцеву. От внезапности Илья выключил аппаратуру и уставился на композитора, словно углядев над его головой нимб или сцены из собственного будущего. Я там не был, но очевидцы настаивают, что первоначально оба студента общались исключительно при помощи междометий. Через пару часов к знакомцам вернулся дар полноценной речи, и Кормильцев загорелся новым приключением. Уже несколько лет он писал стихи «в стол», иногда показывал их жене и двум-трем друзьям, но никогда не думал о себе как об авторе песен для рок-команд.

Глубоко изучив художественную сторону настоящего рок-н-ролла, Илья даже не задумывался о возможности исполнения такой музыки в Советском Союзе. Он методично коллекционировал фирменные пластинки и предпочитал слушать рок-боевики, приглушенно звучавшие по «Голосу Америки», «Би-Би-Си» и «Радио Люксембург». Но не знавший преград Пантыкин величием своего замысла разрушил в голове у Кормильцева все барьеры. Это был вызов судьбы, и Илья его с радостью принял.

«Еще с подросткового возраста я писал стихи, которые не были сориентированы на музыку, — вспоминал впоследствии Кормильцев. — Пантыкин остро нуждался в авторе текстов, и я согласился. Потому что сама идея была необычна: я и не думал, что можно делать рок-песни на русском языке. Было полное ощущение, что мы изобретаем велосипед и что до нас никто об этом не задумывался. Более того я уверен, что если бы не было такого ощущения, ничего и не получилось бы».

На дворе остывал ноябрь 1980 года. Говоря начистоту, никакой «новой группы» у Пантыкина не существовало, как и не было конкретных идей, каким должен стать его следующий шаг. «Для меня очень важно было понять особенности лирики западных рок-групп, а Кормильцев оказался сильным переводчиком, — вспоминает Пантыкин. — И началась аналитическая работа с текстами. По русской поэзии у нас с Ильей шли настоящие битвы, потому что мы не во всем соглашались друг с другом. Но самое главное, что эти сражения приводили к результату, что и отражалось в наших песнях».

Тогда Кормильцев вовсю зачитывался Шекспиром, Томасом Элиотом и австрийским поэтом Карлом Краусом, книгу которого привез из Питера. В компании университетских друзей Илья часто его цитировал, а особенно — фрагменты стихотворения «Детерминизм»:

Государственный строй могуч,
Невыносимо воняет сургуч.
Идет победоносное наступление,
Поэтому эмиграция — преступление.
Все это ясно без лишних слов,
Тем более что за слова сажают.
Тем более что нас уважают,
Мы вооружены до зубов.

Кормильцев отчетливо понимал, что одно дело — чистая поэзия, а другое дело — тексты для бронебойного рок-исполнения. Тут необходимо было придумать что-то особенное. Одним декабрьским вечером Мак влил в себя «ноль целых, семь десятых литра» «Агдама» — так сочинялось несколько абстрактных стихотворений.

Одно из них, с угрожающим названием «Пожиратель», содержало множество иносказательных образов, но сильнее всего в память врезался неожиданный рефрен: «В дверь стучатся трое, сбит запор; принесли носилки и топор».

Так странно по-русски еще никто не писал: ни Андрей Макаревич, ни Борис Гребенщиков, ни студийный гуру Юрий Морозов, ни загадочная рок-группа «Оловянные солдатики».

Неудивительно, что Пантыкина в предчувствии удачи охватил легкий озноб, и он назначил Кормильцева не только поэтом, но и сопродюсером пока еще безымянной группы.

«Наши первые тексты повествовали о бессмысленности и трагизме существования, — признавался впоследствии Илья. — Они были с философским закосом и скорее походили на то, что позже появилось у металлических групп. Это были композиции с космическим размахом: Бог, дьявол, личность. Социального протеста там еще не было».

В успех новой затеи Кормильцева тогда не верил практически никто. Даже Света Плетенко к увлечению мужа отнеслась крайне скептически. Приятели-меломаны, воспитанные на западном рок-н-ролле, не скрывали своего презрения. Они решили, что их друг сошел с ума и спасти его практически невозможно.

В такой непростой ситуации Илья повел себя, словно опытный эксперт по связям с общественностью. Он действовал спокойно и уверенно: на нападки не отвечал, но любой комментарий принимал к сведению. Как говорится, «мониторил ландшафт». Мак фиксировал общую картину и искал направление для следующего шага. Искать, правда, приходилось на ощупь, в совершенно темной комнате. И не вполне понятно, что именно.

Тем не менее, Кормильцеву происходящее даже нравилось. В первую очередь — отсутствием четкой системы координат. Это напоминало ему решение «мертвых» задачек на олимпиадах по химии. Или выход в открытый космос — о чем Илья запоем читал в отрочестве. Теперь для Мака наступило время «сказку сделать былью» и превратить свои фантазии в осязаемую реальность: в рок-тексты, альбомы и концерты.

Творческий метод поэта-самоучки базировался не только на интуиции, но и на глубоком знании западного рок-н-ролла.

«Чего нам пока не хватает в музыке? — периодически вопрошал Поэт у Композитора. И с огромным энтузиазмом, не дожидаясь ответа, говорил: — Секса, эроса, влечения, мужского начала! Давай-ка вспомним у Led Zeppelin: „Я сожму тебя между чресел, чтобы ты истекала кислым соком, как лимон”... Я понимаю, что сексуальное начало, как качество самоидентификации, глубоко чуждо России, как, впрочем, и любой преимущественно крестьянской стране. Нам нужно найти, схватить, позволить передать себе это male/female. Именно то, что носится в запахе вечернего города...»

Эти размышления заставили Кормильцева вернуться к самому началу отсчета — и задуматься над названием будущей группы. Ему хотелось придумать что-то красивое и сказочное, как

Uriah Heep, но с одним условием — чтобы мифический герой оказался персонажем из русской книги. Так в воздухе возникло актуальное название «Урфин Джюс», которое критики затем окрестили «фильмом ужасов в детском саду».

Такое название устроило всех и сразу. Сказалась высота репутации Кормильцева — гуманитария и полиглота. Плюс — по рукам ходила машинописная копия его перевода новой книги об истории и истоках творчества Led Zeppelin.

«Илья в то время перевел как минимум две забавные книжки о рок-н-ролле, — вспоминает Женя Кормильцев. — Одна из них была небезызвестная биография „Барретт", написанная Ником Кентом, а второй перевод рассказывал про ранние годы King Crimson».

Пока Кормильцев пытался сочинять изощренные и аллегоричные тексты, Пантыкин начал выстраивать музыкальную концепцию рок-группы. Делал он это с оглядкой на канадское трио Rush — с высоким и тонким вокалом, оторванным от инструментальной фактуры. Под эту необычную формулу со сложными многочастными композициями Пантыкин пригласил виртуозного гитариста Юру Богатикова и барабанщика Сашу Плясунова. Сам композитор стал играть на бас-гитаре и фортепиано, стараясь петь настолько высоко, как, наверное, не пел ни один рок-вокалист на Урале. Об этом позднее напишут в рок-энциклопедиях: «Пантыкин пел фальцетом, драматично порой зло или жалобно, но по слегка придушенному вокалу эту группу ни с кем нельзя было спутать».

«Это было ощущение полета», — признается вокалист Урфин Джюса» спустя много лет.

Вскоре в кругах центровой молодежи поползли слухи, что в Свердловске появилась крутая рок-группа, но о-о-очень экзотичная. Мол, играют всякую «оззиосборновщину» с тяжелыми гитарными риффами. Поет то ли женщина, то ли мужчина, и, мол, все песни у них — про ад. Меломаны шепотом пересказывали жуткие тексты, подслушанные у двери репетиционной комнаты: «Я умер, все в порядке: в карманах пропуска / Подписаны все справки, печати в паспортах. / На реактивном лифте в неоновых огнях / Несемся в преисподнюю на суперскоростях».

Это типичные стихи для «раннего» Кормильцева. Скажем честно: Пантыкину долгое время они были не близки. Но, как уже упоминалось выше, другого поэта у него не было.

«Тексты песен „Урфин Джюса" казались нам очень странными, — вспоминает редактор студенческой газеты „Архитектор" Саша Коротич. — Мы понимали, что это арт-рок, но

больше тяготели к романтическим и фантазийным формам. А то, что писал Илья, казалось угловатым и, по правде говоря, не сильно соответствовало нашим представлениям о подобной музыке».

Многие месяцы, вплоть до лета 1981 года, почти никто в Свердловске не видел «Урфин Джюс» живьем. Город питался исключительно домыслами. И поэтому у Пантыкина с Кормильцевым было время тщательно подготовить сигнальный выстрел рок-«Авроры».

«Мы сейчас находимся в тяжком положении „чужого среди своих и своего среди чужих", — делился Илья с музыкантами мыслями о будущем „Урфин Джюса". — Волей-неволей наша музыка должна быть приспособлена. Это будет компромисс между красотой церкви и грязью поселений, для которых она построена».

Концертов у «Урфин Джюса» тогда практически не было, хотя репертуар уже образовался: семь композиций на стихи Кормильцева плюс несколько песен, в которых Пантыкин дерзко использовал поэзию Эмиля Верхарна и Валерия Брюсова.

Вся программа называлась «Путешествие» и носила концептуальный характер. Драматургия состояла в том, что судьба забрасывала героя песен в разно-образные места. От необитаемого острова до выдуманного города и от мифической страны до настоящего рок-концерта. Для Ильи это был глобальный эксперимент по созданию нового и современного языка.

«Языку нам надо учиться, — внушал Кормильцев друзьям свои потаенные мысли. — И поэтическому — у Библии, самого великого образца литературного языка всех времен, и у Пита Синфилда».

Со временем первые опыты «Урфин Джюса» стали оформляться в полноценный альбом. Но накануне его записи Илью забирают на трехмесячные военные сборы. Буквально на следующий день после защиты диплома он направился в глушь Свердловской области, где его принялись обучать, как любить и защищать Родину.

Тогда, во время войны в Афганистане, подготовка студентов к службе в армии носила параноидальный характер. Настолько, что при ежедневном общении с офицерами нервы у свободолюбивого Кормильцева не выдерживали.

«Военным требуется девяносто дней, чтобы превратить человек в лейтенанта», — жаловался поэт «Урфин Джюса» в письмах друзьям. А становиться боевым лейтенантом Илье не хотелось. Поскольку трехмесячные сборы являлись альтернативой

службе в армии, Кормильцев был вынужден терпеть местные порядки: спать в палатках на холодной земле, бегать кроссы в противогазе, ходить на занятия по политинформации, маршировать и участвовать в стрельбах.

Получалось это у него далеко не всегда.

Так случилось, что в разгар учебных стрельбищ один из студентов соседнего взвода покончил жизнь самоубийством. Причины этого поступка неизвестны, но на Илью это произвело гнетущее впечатление. Вторично столкнувшись со смертью ровесника, он сорвался в самоволку в близлежащий райцентр. В лагерь вернулся под вечер, в нижнем солдатском белье, с акустической гитарой на шее, напевая под нос нечто бессвязное.

«Хуево здесь, — писал Кормильцев друзьям. — Но не тем хуево, что хуево, а тем хуево, что здесь... Я не пишу, не читаю, не думаю — это единственная разумная политика. Писать мне совершенно не о чем. Это письмо нужно рассматривать просто, как вопль. Чтобы меня не забывали и пытались спасти».

Илья совсем исхудал и начал много курить, порой — по пачке сигарет в день. При первой возможности сбегал в лес, где сочинял песни, мечтал о новых альбомах и писал философские письма Пантыкину.

«Нам надо с тобой сесть за нечто такое, вроде русского „The Lamb Lies Down on Broadway", — строчил Илья, сидя в противогазе в густых зарослях малинника и крепко сжимая пальцами авторучку. — Это должна быть некая система образов, составляющая мир, в котором элементы задавленного подсознательного есть его суть. И личность, в нем блуждающая, встречается со всеми социальными недостатками, но в психоделической оболочке».

С каждым днем Мак нервничал все сильнее, поскольку оставил в Свердловске беременную Свету Плетенко, которая вот-вот должна была родить. Он постоянно наведывался на контрольно-пропускной пункт, откуда, вопреки строжайшим запретам, звонил через коммутатор в город. В августе 1981 года один из телефонных звонков принес радостную весть: 22-летний Кормильцев стал отцом. Новорожденного назвали Стасом, и своим появлением он открыл целую галерею блестящих сыновей и дочерей Ильи Кормильцева.

Полное стерео

Они там, за «железным занавесом», небось рок-н-ролл вовсю гоняют.

Патти Смит, 1979 год

На исходе лета 1981 года поэт-призывник возвратился в город офицером запаса. Впопыхах заскочил домой — обнял жену, подержал на руках грудного сына и умчался на встречу с Пантыкиным.

События последних дней волновали Илью значительно сильнее перспектив семейной жизни. В отсутствие Кормильцева в Доме Культуры «Автомобилист» отгремел настоящий рок-фестиваль, где начала свое восхождение звезда «Урфин Джюса». Пока Илья учился натягивать противогаз, музыканты становились местными знаменитостями. В это лето им даже удалось записать полноценный рок-альбом.

Предприимчивый Пантыкин договорился со звукоинженерами городской телевизионной студии, и при немом попустительстве начальников в несколько дней был записан альбом «Путешествие». Бюджет этой эпохальной акции равнялся нескольким бутылкам пятизвездочного армянского коньяка.

«Телестудия была режимным предприятием, — вспоминает звукорежиссер „Урфин Джюса” Леонид Порохня. — Собаки во дворе, охрана, вахта. Но рокеры с инструментами проникли внутрь, а потом благополучно скрылись, унося с собой запись. Как? А шут его знает».

Новые приятели Пантыкина, студенты Архитектурного института Олег Ракович, Саша Коротич и автор эмблемы «Урфин Джюса» Слава Бутусов приняли участие в оформлении дебютного альбома. Дизайн разрабатывали по всем правилам актуального рок-искусства: «Путешествие» имело цепкую обложку и фундаментальный вкладыш с текстами.

«Для обложки Олег Ракович сделал фото урфинджюсовской троицы в „контровом” свете, смонтировав его в арке с бумажным макетом замка, — вспоминает Коротич. — Вот и я решил: если Ракович использовал на фасаде готический шрифт, пусть и внутри будет готичненько... По завершении мой китайский труд был подпольно размножен на желтоватой восковой кальке и,

свернутый в несколько раз, вкладывался в каждую коробку с магнитной записью».

Несмотря на то, что дебютный альбом «Урфин Джюса» распространялся преимущественно на катушках, в оригинальном оформлении он смотрелся фирменно и очень убедительно. Цикл из семи композиций активно копировался с магнитофона на магнитофон, и даже не верилось, что «Путешествие» записали в родном Свердловске.

«Я присутствовал на одном из первых концертов „Урфин Джюса", — вспоминает Женя Кормильцев. — Исполнялся материал с „Путешествия", прямо как на пленке. Илья обещал сделать пиротехнические эффекты, которые произошли позже, когда Малахов пытался затоптать ногой дымовую шашку после мероприятия. В общем, это было очень смешно. Люди из парторганизации сидели на прослушивании, пытаясь понять, нет ли какой-нибудь крамолы в выступлении студенчества. Песни группы казались мне бесформенными, непонятными и абсурдными, а сама концертная программа представляла собой макабрическое чудовище. Но я очень люблю экспериментальную музыку, и поэтому это зрелище меня сильно впечатлило».

Переслушивая сегодня «Путешествие» на компакт-диске, я думаю, что виртуозным музыкантам лучше было сосредоточиться исключительно на инструментальной музыке. Как, скажем, раннему «Сонансу». Во всяком случае вторая часть восьмиминутной композиции «Последний день воды» навевает именно такие размышления. Вероятно, окунуться с головой в психоделики им мешал острый дефицит марихуаны, почти не водившейся на Урале. Главным в советском роке всегда было слово, но «Урфин Джюс» с ярко выраженным акцентом именно на музыку оказался своеобразным исключением.

Правда, счастье длилось недолго. Вскоре Пантыкину пришлось кардинально поменять состав ансамбля. Зрелые профессионалы Юра Богатиков и Саша Плясунов нацелились на серьезную филармоническую деятельность, и вместо них в группу были рекрутированы молодые музыканты, впечатлившие Александра на летнем фестивале в «Автомобилисте».

«В начале осени мы собрались на квартире у родителей Пантыкина, — рассказывал мне спустя пятнадцать лет Кормильцев. — Сидя на подоконнике, дружно пили пиво, перелитое из полиэтиленовых мешков в большую кастрюльку, откуда его черпали кружками. Там я познакомился с гитаристом Егором Белкиным и барабанщиком Вовой Назимовым, которые и определили в дальнейшем лицо „Урфин Джюса"».

Тем вечером в родительской квартире одухотворенный

Пантыкин наиграл на рояле песни, сочиненные на свежие стихи Ильи, — результат невыносимой сложности бытия в период военных сборов. Украшением этого свода бунтарских призывов стал социальный манифест «451 градус по Фаренгейту»: «Пока ты куда неизвестно ходил, / Потушен, погашен твой юношеский пыл… / Пожарной командой».

Из других композиций выделялись упомянутое выше посвящение Леше Трущеву «Человек наподобие ветра», а также «Автомобиль без управления», «Тупик», «Размышления компьютера о любви» и «Лишняя деталь», которая стала визитной карточкой «Урфин Джюса»: «В тесном коконе лежу,/ Датчик в нос, трубка в рот,/ Через трубки ем и пью, / И наоборот… / На экранах все мерцает, все живет и дышит без меня. / Трудно осознать: зачем нужен здесь я?»

В тот период тандем Пантыкин — Кормильцев сочинял песни с потрясающей продуктивностью. На репетициях зачаточные композиции моментально обрастали причудливыми аранжировками и почти мгновенно принимали канонический вид.

«Если в альбоме „Путешествие” Илья создавал тексты на музыку, то новый цикл песен делался по принципу „музыка, написанная на тексты”, — признается Пантыкин. — И к этому времени мы с Кормильцевым уже разобрались, о чем будем писать. И если говорить об образе нашего героя, то это был „человек наподобие ветра”. Несмотря на обманки и приколы, он прорывается сквозь трудности и выходит в свободное пространство. В принципе, это были песни о свободном человеке».

С новыми музыкантами «Урфин Джюс» стремительно эволюционировал от заумного утяжеленного арт-рока ближе к слушателям. Выходцы из Верхней Пышмы, Белкин с Назимовым, любители глэма в духе Sweet и Slade, внесли в группу узнаваемую тональность рабочих окраин. Структурно, обновленный «Урфин Джюс» дублировал формулу группы Cream: «барабаны — гитара — бас», причем гитара Белкина и бас Пантыкина звучали так, словно им тайком подыгрывали массивные клавиши. Такой рок казался прогрессивным, и это звучание стало фирменным стилем незаурядного трио.

Тонкость крылась в том, что Егор Белкин ухитрялся исполнять на гитаре сложные фортепианные партии, написанные Пантыкиным в традиции классической европейской музыки XX века. Бывшему музыканту «Р-клуба» приходилось работать пальцами на грани вывиха и творить со струнами нечто немыслимое, но конечный результат того стоил.

«Когда я впервые услышал „Урфин Джюс”, меня поразили

даже не тексты, а энергия, которая исходила от группы, — вспоминает идеолог „Наутилуса" Слава Бутусов. — В унылые застойные времена это была довольно агрессивная и плотная музыка».

1982 год стал пиком взлета «Урфин Джюса». Трио с успехом выступало на рок-фестивалях, удостоилось приза «за наиболее актуальный музыкальный стиль», каких-то дипломов и звания «лучший гитарист» — для Егора Белкина.

«Я был в Вильнюсе со своими друзьями, легендарной группой „Россияне", — вспоминает культуролог Дмитрий Бучин. — В первый день фестиваля выступление „Урфин Джюса" впечатлило абсолютно всех своим напором и энергией. Что-то было в них такое, чего я не заметил ни в одной питерской группе. Вечером мы объединились с „урфинами" в общежитии, и это вылилось в жаркую дискуссию о смысле рока. Коротко стриженные, внешне типичные студенты, они совершенно не походили на рок-музыкантов. если бы не играли как черти».

До Вильнюса «Урфин Джюс» триумфально выступил в Баку, буквально разорвав зал невиданной лихостью, помноженной на могучий гитарно-барабанный звук. Такой музыкальной смелостью они действительно опережали застывшее в стране время, но кто и что мог тогда знать?

«Я отчетливо помню, как мы потрясли бакинских друзей нашей рок-н-ролльной невменяемостью», — признавался мне Кормильцев, и глаза его блестели, как у картежника в момент не бывалого везения.

«Странно, что Илья вообще об этом что-либо помнил, — удивляется Олег Ракович. — Там было выпито столько „Агдама", что о присутствии на бакинском фестивале Кормильцева я вспомнил совсем недавно, с удивлением обнаружив его на своей фотографии из гримерки».

По возвращении из Азербайджана Мак примчался в отчий дом, чтобы сообщить Светлане Алексеевне о новых победах «Урфин Джюса».

«Брат приезжал и начинался театр одного актера, — вспоминает Ксения Устюжанинова. — Все, что Илья делал, он приносил маме и показывал в первую очередь ей. После выхода альбома „Путешествие" он притащил в дом страшную махину, катушечный магнитофон, и мы слушали песни с его текстами. Невозможно было не слушать. Мама язвила, подкалывала, а он с ней спорил. Но она все-таки слушала».

Теперь становилось невозможным придавать музыке статус временного увлечения бывшего студента-химика накануне его превращения в крупного ученого. Кормильцев знал, что не будет

трудиться по специальности, обозначенной в дипломе. Все обязательства перед государством, с его десятиметровыми портретами Брежнева и километровыми очередями за колбасой, закончились у Кормильцева вместе с военными сборами. Душа сторонилась установленных догм, словно в строках любимого им Синфилда: «Познания дух — опасный друг, когда он без оков / И судьбы всех людей земли в руках у дураков».

Перед Ильей стелилась «желтая кирпичная дорога», ведущая неизвестно куда. Он сжигал мосты в университетское прошлое и даже беззлобно развелся со Светой Плетенко. Сын Стас остался жить вместе с матерью.

Переехав к бабушке, Кормильцев почти перестал общаться со старыми друзьями. Он мечтал о стадионных концертах с мощным рок-звуком и толпами зрителей: «В черной коже, спокойной походкой, не глядя по сторонам, / Ступая уверенно через Вселенную, он приближается к нам. / Как колодец, с водой холодной, стальной взгляд его глаз, / Словно урчание преисподней, голос его ледяной».

Ставка была сделана ва-банк — на «Урфин Джюс». Будущее представлялось безоблачным, а творческие перспективы — бескрайними. В музыкантах волновалось море энтузиазма и бушевал океан новых идей. Они были молоды, счастливы и влюблены друг в друга.

«Мы играли в среднем по концерту в месяц, — вспоминал Кормильцев. — Все остальное время пролетало в репетициях и задушевных философских разговорах на кухне под портвейн».

Репетиции «Урфин Джюса» проходили в Верхней Пышме, на шикарной самодельной аппаратуре, предоставленной свердловским бардом и подпольным цеховиком Александром Новиковым. Это был красивый и честный бартер.

«За то, что мы эти колонки помогали Новикову ваять, а он их продавал, у нас были лучшие в городе гитары, барабаны и микрофоны, — хвастается Пантыкин. — По сути дела, в Верхней Пышме получился своеобразный филиал „Joe's Garage" Фрэнка Заппы. Я думаю, что с точки зрения оборудования „Урфин Джюс" был самой укомплектованной группой в стране. Московские команды только приближались к нашему звучанию. Мы все равно звучали лучше всех!»

Так случилось, что репетиционная студия «Урфин Джюса» расположилась на территории производственного объединения «Радуга», изготовлявшего детские игрушки. Это было крупное предприятие, лауреат многих соцсоревнований, проводимых Министерством легкой промышленности. Женская часть профкома буквально молилась на группу и гордилась

привезенными с фестивалей вымпелами, дипломами и грамотами. Не воспользоваться подобной атмосферой уральского лета любви 1982 года было бы просто грешно.

Ловко сориентировавшись на местности, Александр Пантыкин продемонстрировал выдающийся цирковой трюк. Он устроился в «Радугу» на должность руководителя вокально-инструментального ансамбля, а Илья Кормильцев окопался в том же штате на посту технолога. Следуя общественным транспортом в Верхнюю Пышму, Кормильцев продолжал изучать итальянский язык, а на обратном пути в Свердловск читал английскую прозу и поэзию.

Карманы Ильи оказались набитыми перфокартами с десятками новых слов и их переводами. Пытливо изучая тексты музыкантов Led Zeppelin, Pink Floyd и King Crimson, амбициозный поэт искал место их творческим находкам в будущих концертах «Урфин Джюса».

«Почти каждый день по окончании лекций я садился в автобус и катил в Верхнюю Пышму, чтобы насладиться магией процесса и обсудить с Ильей сценический образ группы: свет, декорации и костюмы, — пишет в книге „С роком сорок лет” Александр Коротич. — По традиции, каждая репетиция заканчивалась портвейном с бутербродами и танцами под Scorpions, Foreigner или Duran Duran. А иначе какой от этого кайф?»

Благодаря своему феноменальному обаянию музыкантам «Урфин Джюса» удалось получить у фабрики не только клуб для репетиций (обращенный, по, скромному признанию Пантыкина, в «сексуальную Мекку Верхней Пышмы»), но и гарантийное письмо от заводского профкома об оплате предприятием записи нового альбома в свердловской киностудии.

Наглость такой аферы была неизмерима. Впервые в истории российского рок-андеграунда музыканты заставили государство оплатить их антисоветскую субкультурную, деятельность. С этой лучезарной авантюры и началась запись самого известного альбома «Урфин Джюса» — «Пятнадцать».

Холодный фронт

Сегодня я слушал две пластинки: Джона Леннона „Some Time in New York City" и „Кинг Кримсон" „Islands". Я думал, пытаясь охватить разом эти противоположные полюса: „Чего же нам не хватает в первую очередь?" И того, и другого.

Илья Кормильцев

Летом 1982 года «Урфин Джюс» арендовал гигантское тонателье — отцы-основатели группы замахнулись на запись двойного альбома. Увидев «тесловский» микшерный пульт и услышав чарующее словосочетание «восемь каналов», Пантыкин внезапно расслышал звон того самого колокола. Сверхдеятельный композитор пригласил для записи струнный секстет из консерватории, трубачей из ресторана «Старая крепость» и решил сотворить НЕЧТО эпохальное в духе «The Dark Side of the Moon».

Неудивительно, что одержимое и азарт Пантыкина передались не толь музыкантам, но и их друзьям — Саше Коротичу, Олегу Раковину и звукооператору Сергею Сашнину. Они сутками не вылезали из студии, спали вповалку, питались бутербродами с сыром и колбасой, привезенными Кормильцевым из дома. В паузах баловались фотосессиями, распивали лимонад и дискутировали о концепции нового альбома «Урфин Джюса».

Казалось, что все идет по плану. Но по плану шло не все.

Дело в том, что повзрослевшим Илья уже перерос узкие рамки «поэта в рок-группе». Он ощущал свою интеллектуальную мощь и, столкнувшись со сложной многоканальной техникой, начал активно вмешиваться в процесс сочинительства со своими идеями «пейзажа звука». По-видимому, Илье жизненно важно было стать идеологом, «производителем смыслов», пытаясь не упускать контроль над происходящим. Автор текстов так пристально следил за студийным рождением песен, что в группе начали возникать разногласия. В особенности — между Кормильцевым и Егором Белкиным.

Несостоявшийся океанолог и комсорг философского факультета больше всего в музыке «любил себя и немного Стинга». В частности, гитарист «Урфин Джюса» искренне считал,

что первая и последняя обязанность поэта — написать текст песни. Мол, как только Кормильцев создал стих, он должен «сидеть и молчать». И вообще не высовываться.

«Это была такая «любовь-ненависть, — объясняет Белкин. — Я заставлял Илью переписывать тексты и менять слова. Он переписывал и убирал какие-то словосочетания, которые мне казались попросту дикими».

Какая трагедия недопонимания скрывается за этим признанием, если вдуматься!

Но, как ни странно, микроклимат в «Урфин Джюсе» не сильно отличался от обстановки в других рок-коллективах. Поэтому звукозаписывающий павильон свердловской киностудии вскоре стал напоминать не священный «храм искусств», а площадку для боевых действий. Это было грустно и смешно: в некогда гармоничной рок-коммуне начали проводиться многочисленные собрания, где на повестке дня стояла единственная проблема: окончательное утверждение очередной песни Кормильцева.

«Когда я спрашивал: „Илья, объясни мне, что тут написано?", я тут же получал взрыв на ровном месте, — вспоминает барабанщик Владимир Назимов. — „Да чего мне с тобой, тупым, разговаривать?!" Кормильцев очень часто был недоволен тем, что мы делаем».

В итоге попытка демократии сыграла с «Урфин Джюсом» злую шутку: теперь композиция считалась принятой, а текст «каноническим» лишь после того, как на протоколе заседания стояли все четыре подписи. Как точно заметил один из критиков, «мирно сосуществовать эти четверо могли только под наркозом». Случались и окопные войны, и сражения за новые территории, и удары с тыла и с флангов.

«Кормильцев плохо шел на компромиссы, — свидетельствует Олег Ракович. — Он был агрессивный, знающий, чего хочет, в том числе и в музыке. Смеялся — не как все. Одевался — не как все. Говорил афоризмами, малопонятно, и слушал только себя. По уровню мозгов он всех превосходил. Все считали, что он ненормальный но, во всяком случае, его уважали».

Необходимо отметить, что «молодой невротик» Кормильцев и упрямый трудоголик Пантыкин по большому счету стоили друг друга. В сравнении с альбомом «Путешествие» они оба заметно выросли, но были еще крайне далекими от желанной вершины. Музыке Пантыкина мешала схематичность мышления академического пианиста, ей недоставало дерзости и рок-н-ролльного хулиганства. В свою очередь, тексты Кормильцева грешили надуманностью, размытостью образов и многословностью.

«У Ильи порой встречались такие слова, которые исполнителю было трудно петь, — жалуется Пантыкин. — В сочетании друг с другом они составляли новое слово, никому не понятное. И эта ситуация была крайне сложной для вокала».

Во время записи «Пятнашки» (названной так по количеству песен на альбоме) пиком конфронтации стала композиция «Размышления компьютера о любви», подразумевавшая «космическое» звучание, достичь которого можно было лишь при помощи синтезатора. Но в стенах киностудии имелся только рояль, который даже в препарированном виде издавать нужные звуки не мог.

Друг Мак от подобной вопиющей бесхозяйственности просто озверел.

«Ты обещал мне все это сделать! — прорычал Поэт на Композитора так, что в студии затряслись стены. — Как может песня о внутреннем мире переживаний компьютера быть записана без синтезатора? Срочно решай: или в этой композиции будут звуки синтезатора, или ее не будет на альбоме вообще!»

Идеологические стычки сопровождались изысканным уральским фольклором. В кульминационные моменты он переходил в яростный мат неугомонного Белкина.

«Пантыкин постоянно дрался с Белкиным — это стало доминантой первейшей истории „Урфин Джюса”, — признавался Кормильцев в интервью для книги „100 магнитоальбомов советского рока”. — Столкновение двух абсолютно полярных людей: одного — воспитанного на классике, второго — воспитанного на наглости. Одного — патологически упрямого, другого — демагога и „вождя народов”. Столкновение двух лбов — одного козерожьего, другого бараньего — давало потрясающие искры. Рога так и бились! Это было просто фантастическое настроение, особенно когда мы записали и смикшировали весь альбом».

Сложно поверить, но вскоре после окончания сессии все конфликты вдруг резко прекратились. Антициклон внутри «Урфин Джюса» прошел, когда администрация киностудии выставила профкому «Радуги» счет на астрономическую сумму размером в пять тысяч рублей. Как выяснилось, «волшебное яичко» в виде рулонов магнитофонной пленки оказалось «не простым, а золотым».

Слегка обалдевшие музыканты призадумались: что им делать с таким недешевым альбомом? И тогда Илья Кормильцев предложил новый метод продвижения продукта на несуществующий музыкальный рынок. Молодой поэт и продюсер начал сотрясать воздух такими непривычными для 1982 года

выражениями, как «подсознательное моделирование», «критерии приспособленности», «тестовое анкетирование среди студентов и школьников». И пока его приятели «щелкали клювами», Мак мечтал как можно скорее реализовать свои маркетинговые идеи.

План Ильи состоял в том, чтобы наладить распространение двойного альбома через почтовые заказы и фан-клуб, который был зарегистрирован на домашний адрес матери Пантыкина. В ответ на многочисленные письма музыканты рассылали наложенным платежом бесплатно записанные ленты. С высокой вероятностью можно предположить, что это был один их первых опытов агрессивной промокампании в СССР. Ни московские, ни ленинградские рокеры таким образом магнитофонные альбомы не распространяли. В известном смысле это была революция.

«В домашних условиях нами был организован процесс копирования, вспоминает Пантыкин. — Счет отправленным по почте катушкам шел на сотни. Мы сделали оформление, размножили на копировальной машине „Эра” вкладки с текстами и пресс-релизы. Затем качественно переписывали пленку и посылали по почте в Москву, Питер, Новосибирск и Казань. Заказов было много, и я отправлял, отправлял, отправлял».

Тиражирование альбомов осуществлялось экзотическим методом. Две коробки от маленьких катушек склеивались клапанами одна к другой. В результате получался двойной альбом. Большие 525-метровые катушки не покупались принципиально, поскольку «двойник» представлял собой редкое явление. В сдвоенных катушках присутствовал ощутимый пафос, который работал на общую идею.

«Как-то раз я пошел на почту и выслал в разные города около пятидесяти бандеролей», — вспоминал впоследствии Кормильцев.

Теперь копирование и дистрибуция «Пятнашки» напоминали четко налаженное промышленное производство, а сам «Урфин Джюс» — независимый лейбл вроде «Mute» или «Sub Pop», каталог которого состоял из единственной рок-группы.

«Представьте себе картину: за кухонным столом сидит страшно злой Мак и, матерясь, клеит обложки к „Пятнашке”, — вспоминает Коля Соляник. — Этим достойным делом также занимались Егор Белкин, Володя Назимов, Саша Пантыкин, жены и подруги музыкантов. Несколько обложек приклеил и я. Это делал каждый, кто только мог».

В течение 1982-83 годов по стране было распространено более четырехсот копий альбома — своеобразный рекорд для магнитофонной индустрии того времени. Неудивительно, что тусивший тогда в московской коммуне юный Гарик Сукачев впоследствии вспоминал, что столичные хиппаны слушали

пленки «Урфин Джюса» с утра до вечера и с вечера до утра.

«Когда в 1984 году я поехал в Москву, у меня было около двадцати катушек, которые я должен был развезти людям по конкретным адресам, — рассказывал мне впоследствии Кормильцев. — Но в стране уже практиковались КГБистские „чистки”, и многие сильно шугались, когда я звонил им в дверь и спрашивал: „А вы не присылали нам в Свердловск пленку? Вот она!” Несколько раз народ принимал мои визиты за следственный эксперимент».

Как показала практика, жить в социалистическом обществе и быть свободным от него оказалось практически невозможно. Иллюзии и надежды заводили юного Илью в тупик. На страну надвигался сумрак андроповско-черненковской поры.

Часть II. Геометрия поиска 1984-1990

Праздник общей беды

Действительность, предстающая перед нами в песнях «Урфин Джюса» настолько перевернута и искажена, что впору задаться вопросом: а стоит ли вообще создавать такое?

М. Нефедов, «Собеседник №40», 1984 год

В знаковом 1984 году в стране резко повысилось давление на рок-музыку. В Москве усилиями милиции был сорван концерт группы «Браво», а в Ленинграде пропал без вести Жора Ордановский из группы «Россияне». Центральная пресса кишела разгромными материалами, за которыми последовали аресты Алексея Романова из «Воскресения» и Валеры Баринова из «Трубного зова». «Комсомольская правда» в желчной статье «Бойся бездарных, дары приносящих» раскритиковала свердловскую рок-группу «Трек», распространявшую магнитоальбомы «наложенным платежом».

После такой идеологической атаки на Урале установились блеклые будни. Играть рок-музыкантам было негде: все площадки оказались перекрыты партийным постановлением, содержавшим «запретительные списки рок-групп». Под номером 38 в них фигурировал «Урфин Джюс». Фактически это означало «начало конца», практически — изгнание с репетиционной базы и увольнение из производственного объединения «Радуга».

«Нас вежливо попросили сматывать дочки, — объяснял мне впоследствии Кормильцев. — Ну, мы удочки и смотали».

Сегодня принято считать, что в мрачном 1984 году «Урфин Джюс» отделался легким испугом. Особенно на фоне нашумевшего уголовного дела их земляка Александра Новикова, осужденного за спекуляцию. Именно в эти наэлектризованные дни Кормильцев внезапно позвонил в Уфу, где местное отделение КГБ начало прессинговать Юрия Шевчука, закончившего работу над жестким альбомом «Периферия». Лидера группы «ДДТ» наскоро уволили с работы, вызвали для обработки в обком комсомола, обком партии и непосредственно в КГБ, предупредив напоследок: «Еще одна запись — и решетка!»

Шевчука надо было спасать. И чем быстрее, тем лучше.

Чувствуя беду, Илья предложил опальному рок-барду приехать в Свердловск и переждать турбулентные времена. Уговаривать долго не пришлось. Шевчук уехал из Уфы буквально на следующий день.

Раннее утро 18 июля 1984 года выдалось поэтическим. В пять часов в воздухе пахло дождем, и над железнодорожным вокзалом высилась радуга. Кормильцев сидел в белых брюках на влажной после ливня скамейке и держал в руках свежий выпуск газеты «Советский спорт» — таков был условный сигнал. Поскольку больше людей на перроне не было, Шевчук, выйдя из поезда, уверенным шагом направился в сторону поэта «Урфин Джюса». Тот доставил Юрия на конспиративную квартиру, а вечером познакомил с Пантыкиным, Белкиным и местным рок-активистом Николаем Граховым.

Через некоторое время лидер «ДДТ», находившийся в зените подпольной славы, уже выступал с концертом в общежитии Архитектурного института. Изначально он планировал уехать в Москву или Питер, но незаметно завис в гостеприимном Свердловске на несколько месяцев. Пел на танцах в городском парке и смущал мирных сограждан зычным вокалом и сатирической композицией про башкирский мед. По ночам любил делиться философскими размышлениями о Боге и смысле жизни настоящего рок-музыканта. Из города Шевчук уехал лишь в конце октября, в неистовом желании записать новый магнитоальбом.

А Кормильцев в этот период остался практически без работы. Он был вынужден продавать свои раритетные пластинки, а также букинистические книги и ценные марки из коллекции дедушки. Денег все равно не хватало, но Мак занимал их у друзей и, как следствие, ходил в долгах как в шелках. Возвращаться в отчий дом ему не хотелось. Он жил то на даче, то у друзей, то у бабушки Гали. Это было испытание на прочность.

В этот короткий фрагмент жизни Илья сменил несколько видов деятельности. В начале трудился в Уральском отделении Академии наук. Затем — в Научно-методическом центре, где числился “методистом дискотек”. Мотался по Свердловской области, от Нижнего Тагила до Верхотурья, инспектируя работу местных диск-жокеев. Методист из Кормильцева был крайне либеральный: в танцевальный репертуар не вмешивался, алкоголь приветствовал и охотно принимал разные подарки судьбы.

Возвращаясь из командире в «родной Сверхжлобск», Илья становился неуправляем в своих поисках. Плохо приспособленный к давлению социума, он любил «мутить воду», периодически угрожая руководству Научно-методического центра

спрыгнуть с пятого этажа «резко вниз».

Особенно доставалось от него рядовым сотрудникам, которым поэт «выносил мозг» прямо в рабочее время.

«Как возможно описать ураган? — вспоминает свою полемику с Кормильцевым будущий звукорежиссер "Чайфа" Алексей Густов, работавший неподалеку от Ильи. — Громадная энергия, резонерство и при этом дикая манера говорить. Бесконечные словоизвержения, но аргументированные. Мы часто общались на балконе, и для Кормильцева не существовало личного пространства собеседника. Как правило, он постоянно наступал, а я отступал. Парень был резкий, которому, как говорится, «палец в рот не клади». Откусит обязательно!»

В определенном смысле взвинченное настроение Ильи диктовалось пессимистичной атмосферой вокруг «Урфин Джюса». Их новый альбом «Жизнь в стиле heavy metal» грешил академическим формализмом и прорывом к новым вершинам не стал.

«Мы все находились в атасном тупике, — вспоминает Егор Белкин. — Кормильцев, например, считал, что третий альбом вообще не стоило записывать. Это, мол, уже не то. А что же то? Никто ничего не знал».

В итоге «Жизнь в стиле heavy metal» музыканты фактически не распространяли. Как чувствовали, что накличут беду. Так, увы, вскоре и случилось.

В свете активной антироковой кампании группой заинтересовались представители цензуры и органы правопорядка. Несмотря на эзопов язык и символизм большинства песен, музыкантов стали вызывать в областное управление культуры. В бархатной тиши партийных кабинетов они не без удивления узнавали, что пропагандируют чуждую советскому человеку «идеологию ницшеанства». И вообще, рок-коллективу настойчиво рекомендовали «сменить название и поэта». Это было лишь началом атаки на «Урфин Джюс».

Формальным поводом для идеологических обвинений послужили партизанские вылазки рок-группы в Казань, Волгоград и Челябинск. Вдали от нафталиновых горкомовских кабинетов концерты «Урфин Джюса» проходили при переполненных залах. Это был настоящий праздник жизни. Люди знали тексты песен, подпевая даже там, где это казалось невозможным. Илья счастливо улыбался из-за кулис: вирусный маркетинг с магнитофонными пленками «Пятнашки» сделал свое святое дело.

Осенью 1984 года, после выхода целой серии негативных статей, начальник отдела культуры Свердловского горисполкома Олюнин В.Н. вызвал к себе Сашу Пантыкина. Яростно

перечеркивая машинописные листки с кормильцевскими текстами, он объявил, что коллектив вскоре будет расформирован. Затем в полемическом азарте Виктор Николаевич поведал ошарашенному композитору, что название его группы переводится не иначе как «еврейские сироты» (Orphan — сирота, Jews — евреи). Самого Пантыкина он не без сарказма назвал «сиротинушка» и тут же обвинил группу в пропаганде фашизма.

«Если талант идет неверным курсом и не хочет сделать поправку, то его уничтожают, и никто о нем никогда не услышит», — срываясь на крик, заявил Олюнин.

Это было официальным объявлением войны, и о ее последствиях можно было только догадываться. Буквально через несколько дней на совещании в областном управлении культуры тексты «Урфин Джюса» были названы «идейно вредными». Теперь ни о какой легализации и концертах в Свердловске не могло быть и речи.

«Нам тогда казалось, что это все — страшная глупость, — объяснял впоследствии Кормильцев. — Ни я в своих текстах, ни Пантыкин в музыке не ставили задачей пропаганду фашизма. Это был скорее некий социалистический идеализм. Наша критика действительности происходила не “справа”, как у фашистов, а, наоборот, “слева”, под флагом борьбы с пороками и недостатками. Но при этом “Урфин Джюс” нельзя было признать “своими”, потому что чиновники прекрасно понимали, что критика была направлена конкретно в ИХ адрес. В память об этом у меня сохранилась пачка текстов, исчерканных олюнинским карандашом».

От такого массового наступления у поэта и композитора начало «рвать крышу». Чтобы «не дразнить гусей», они ушли в глубокое подполье. Теперь встречались лишь по необходимости: с одной стороны — затравленный и нервный поэт, а с другой — непризнанные музыканты. В итоге их любимое детище превращалось в своеобразный «автомобиль без управления», который на полном ходу несло к обрыву.

«Урфин Джюс» как группа просуществовал всего несколько месяцев, а загибался в течение нескольких лет», — грустно признавался впоследствии Илья.

В этом нелепом мареве 25-летний Кормильцев сражался за судьбу своей группы, как говорится, «до последнего патрона». Зимой 1984 года он вторично женился и вскоре бескомпромиссно заложил в ломбард все драгоценности новой семьи. На вырученные деньги приобрел японскую портастудию, чтобы его боевые друзья могли записывать новые альбомы. Независимо от того, какая власть стоит на дворе.

Параллельно поэт «Урфин Джюса» отстаивал взгляды и идеологию группы на страницах всесоюзных газет. В нашумевшей статье «"Урфин Джюс" меняет имя» Кормильцев переходит в контратаку. Во время «круглого стола» с участием журналистов, представителей горкома комсомола и членов Союза композиторов Илья отважно декларировал право художника на критику и элементарную свободу слова.

«Нас только ругают, — заявил он в интервью “Литературной газете”. — Выдергивают цитаты, обвиняют в критиканстве. Хотя есть множество тем, где критический запал просто необходим. Для молодых критический запал — явление естественное, они к недостаткам нетерпимы и хотят услышать в песнях отклик на свои проблемы».

Несмотря на эту публикацию, прессинг со стороны социума крепчал, и в какой-то момент от «Урфин Джюса» осталось лишь эхо, а от будущих альбомов и концертов — сожаления о нереализованных планах.

«Все эти страсти, тесную связь рок-музыки с диссидентством мы не понимали вообще! — возмущался впоследствии Илья. — Мы читали Аксенова, но тут же брезгливо откладывали в сторону. Или, когда слушали западные радиостанции и вдруг раздавался чей-то плачущий и что-то докладывающий голос, тут же кто-то из нас говорил: Да убери ты этого козла! Переключи на рок-н-ролл!” То есть и антисоветское, и советское отвергалось нами с равной силой. Наша позиция была позиция абсолютной свободы: гулять с девками, пить портвейн, слушать и играть рок-н-ролл».

Но спокойно играть рок-н-ролл им уже не давали. И результаты андроповской травли не заставили себя долго ждать. Что именно происходит внутри «Урфин Джюса» в конце 1984, непросто определить даже сегодня. Скорее всего, трое музыкантов, озверевших от отсутствия концертов и бесцельных репетиций, стали закипать до точки взрыва. Что им было делать в такой сложной ситуации? И тогда они начали искать «стрелочника».

Как известно, «поиск крайнего в рок-среде — традиционная забава, к слову, еще более популярная, чем алкоголь, фарцовка или наркотики. Здесь было важно найти «штрафника», и в какой-то момент в недрах «Урфин Джюса» наступило прозрение. В это непросто поверить, но музыканты дружно решили, что во всех бедах виноват... Кормильцев. Мол, все напасти происходят конкретно от Ильи.

«Он считал свои тексты гениальными, а себя — последней инстанцией», — жаловался впоследствии Пантыкин.

Ночные посиделки с портвейном сближению душ не

способствовали. Скорее наоборот. Музыканты стали охладевать к стихотворениям Кормильцева, а поэт начал ставить им в пример периодически выступавших в Свердловске Цоя, Науменко, Шевчука и Гребенщикова.

«При всей моей симпатии к Саше Пантыкину мне никогда не нравилась “пантыкинская школа”, — заявлял поэт “Урфин Джюса” впоследствии. — Я всегда предпочитал музыку Майка Науменко, которая делается просто, и где нет технократизма и исхищренной нотной структуры».

В свою очередь, Пантыкин начал обсуждать со знакомыми психологами тексты Ильи, причем исключительно — с точки зрения душевных болезней. Сегодня никто не любит вспоминать про эти сепаратистские беседы, но они, увы, имели место. Дружба композитора и поэта начала трещать по всем швам. Слава богу, медики ничего подозрительного в стихах Кормильцева не нашли, после чего все не без облегчения вздохнули.

«В период альбома “Жизнь в стиле heavy metal” в группе был какой-то кошмар, — вспоминает вторая жена поэта Марина Федорова-Кормильцева. — Потому что музыканты “Урфин Джюса” до бесконечности перетирали каждую строчку и постоянно голосовали. Илья сильно мучился, потому что от его идей ничего не оставалось после коррекции стихов Белкиным и Пантыкиным».

Вскоре Мак случайно встретил на автобусной остановке Николая Грахова. В доверительной беседе Илья признался ему, что дела в «Урфин Джюсе» «хуже некуда», и он хочет из группы уходить. Уходить в никуда.

Депрессивно настроенный поэт даже не догадывался, что, написав текст песни «Чего это стоило мне», он давно перерос и битвы с советской властью, и споры с музыкантами, да, собственно говоря, и весь высокохудожественный «Урфин Джюс». Незаметно для себя он выходил в открытый космос, и теперь Земля с ее узкопланетными проблемами будет казаться Илье чем-то мелким и незначительным. До написания «Скованных одной цепью», «Алена Делона» и «Бриллиантовых дорог» Кормильцеву оставалось совершить всего один шаг.

Прекрасные неудачники

Рок-н-ролл — это вымысел, может быть, и не возвышающий нас, но уж точно развлекающий. Как кто-то справедливо заметил про американские шестидесятые: «Кто их помнит, тот там не был». С не меньшим основанием то же самое можно сказать и про наши восьмидесятые.

Илья Кормильцев.

После поездки на ленинградский фестиваль 1984 года поэт «Урфин Джюса» взглянул на свердловскую сцену другими глазами. Он понял, что уральские музыканты существуют в полной изоляции от метрополии, но местное рок-движение все равно продолжает развиваться. Кроме «прекрасных ветеранов» из «Урфин Джюса», «Трека» и «Змей Горыныч бэнда», в городе поднимали голову молодые команды «Флаг», «Чайф», «Метро», а также группа студентов из Архитектурного института под названием «Наутилус».

Так получилось, что с идеологами «Наутилуса» Славой Бутусовым и Димой Умецким Кормильцев знакомился несколько раз.

«Первое впечатление от Умецкого и Бутусова осталось скорее как от людей, чем от их творчества, — вспоминал впоследствии Илья. — Они были очень стильными по сравнению с нашей пестрой шайкой. Вылизанные, с иголочки, такая екатеринбургская Прибалтика... Они купались в современном искусстве и считались эдаким передовым краем, почти форпостом. Нашивали какие-то “бахромы”, а архитектурные женщины шили им фирменные прикиды, взятые из журналов. То есть все было слегка по-несоветски».

Однажды Кормильцев заскочил в импровизированную студенческую студию — посмотреть, как вездесущий Пантыкин продюсирует альбом «Наутилуса» под названием «Переезд». Мрачноватый Бутусов пытался петь и играть на электрогитаре. Сонный красавец Умецкий проповедовал минимализм и хмуро ковырял на басу. Но, несмотря на помощь легендарного

звукорежиссера по прозвищу Полковник, тексты «Переезда» оказались на пленке почти неразличимы. Как было замечено когда-то Гребенщиковым о «раннем» «Аквариуме», «слова песен имели смысл, но переводу на человеческие понятия не поддавались».

Похожая история случилась и в Свердловске.

«Мы не рассчитывали, что тексты будут иметь такое колоссальное значение в конструкции, — признается Слава Бутусов. — Первоначально нам были нужны просто стихи, чтобы заполнить пространство и что-то петь. А все оказалось серьезнее, чем мы предполагали».

Часть текстов для этого альбома была взята из антологии венгерских поэтов. Эти декадентские стихи в переводе Леонида Мартынова возникли в репертуаре «Наутилуса» не от хорошей жизни. В самом начале 80-х еще ничто не предвещало в головах у Бутусова и Умецкого особых озарений. От безысходности Слава купил на автобусной остановке сборник венгерской поэзии, из которого выкристаллизовались такие композиции, как «Князь Тишины», «Ястребиная свадьба» и «Музыка».

«У нас была единственная установка, этого наверняка никто не знает, это вам не Пушкин, не Пастернак и не Маяковский, — вспоминал Бутусов спустя несколько лет. — И поэтому мы будем выглядеть соответствующим образом... И необязательно было даже указывать, чьи это стихи. Мы насобирали самых мерзких текстов, какие были в этой антологии, и наковыряли оттуда песен».

По легенде, еще несколько стихотворений «Наутилуса» («Автор» и «Квадратные глаза») оказались написаны череповецким поэтом и рок-бардом Александром Башлачевым, который тогда учился на журфаке Свердловского университета. Правда, от этой версии со страшной силой открещиваются музыканты и опытные «башлачевоведы», называя гипотезу «инсинуацией». В свою очередь, я склонен доверять звукооператору «Наутилуса» Андрею Макарову, который в интервью для книги сказал следующее:

«Как-то я показал Саше Башлачеву наш музыкальный материал, сделанный в эпоху “Переезда”, и он удивленно спросил: “А где вы взяли эти тексты? Андрей, ведь это мои тексты!” Мы подошли с этим вопросом к нашему крайне активному приятелю Олегу Широкову, который принес “Наутилусу” эти стихи.

Олег начал оправдываться, и я уже не помню, как именно он все это объяснил».

Как бы там ни было, группе был нужен собственный рок-поэт.

Нужен как воздух. И тут музыканты вспомнили о Кормильцеве.

Первое «рабочее», пересечение с поэтом «Урфин Джюса» состоялось в конце 1983 года, когда для новогодней телепередачи «Наутилусу» потребовался праздничный текст. Времени на подготовку было мало, и студенты-архитекторы обратились за помощью к Илье.

Кормильцев к тому времени уже считался статусным рок-поэтом и признанным в городе интеллектуалом. Сильно смущаясь, музыканты попросили его написать не апокалиптический мрак про «носилки и топор», а нечто романтичное и светлое. Илья внутренне усмехнулся экзотичности заказа, но виду не подал. А только надул щеки и пробурчал под нос: «Надо подумать...» Из чего Слава с Димой сделали вывод, что «шанс, кажется, есть».

Вскоре музыканты получили Кормильцева листик с написанным от руки новогодним гимном: «Пыль снежная летит в глаза и тает на лице, / Сверкая, словно бриллиант, в серебряном кольце. / Пускай же те, кто говорят, что знают этот мир, / Пыль снежную в твоих глазах хранят как сувенир».

Бутусов набросал на эти стихи шлягерную мелодию в духе популярной группы Smokie. Кормильцеву песня понравилась, телевизионщикам — тоже, и вскоре новорожденный хит «Пыль снежная» зазвучал в праздничном уральском эфире. Каким-то чудом этот видеоклип, скроенный по лекалам свердловского гостелерадио, сохранился в архивах, и теперь в Интернете можно увидеть «ранний» «Наутилус» во всем его визуальном великолепии.

Летом 1984 года музыканты защитили свои архитектурные дипломы, и их студенческая вольница мгновенно накрылась медным тазом. Так получилось, что после военных сборов Дима со Славой оказались у разбитого корыта. Без помещения для репетиций, аппаратуры и без друзей, уехавших работать по распределению.

Волей случая Бутусов не смог трудоустроиться в Тюмени и вернулся в Свердловск, где проектировал светильники для метро в «Уралгипротрансе». Его товарищ по несчастью Дима Умецкий рисовал декоративную плитку в «Уралтеплоэнергопроекте». Полгода творческого застоя оказалось вполне достаточно, чтобы превратить эстетов и аристократов духа в заурядных советских инженеров. И это обстоятельство выматывало их хрупкие души до изнеможения.

«Когда ты занимаешься сугубо творческой деятельностью, нервы оказываются совсем ни к черту, — признавался впоследствии Умецкий. — Жизнь тогда была непростая,

поскольку мы знали, что у нас нет перспектив в работе по профессии. Была масса негативных эмоций, связанных с государством, и поэтому мы с головой ушли в музыку. Нервное напряжение тогда было крайне высокое. То же самое, по-видимому, происходило и в голове у Кормильцева. Поэтому мы прекрасно понимали друг друга».

В разгар внутреннего кризиса музыканты остро почувствовали тупик и начали движение в сторону выхода из него. Первым делом они решительным шагом направились в гости к Кормильцеву. Новый материал требовал от идеологов «Наутилуса» качественной поэзии, а не случайно подобранных четверостиший.

Бутусов с Умецким нарисовались на пороге у Ильи красивыми и по-европейски стильными: в белых рубашках, черных галстуках-селедках и с бутылкой красного вина. Надо отдать должное, Кормильцев со своим большим сократовским лбом выглядел не менее импозантно — тяжелая оправа очков, импортный халат, надетый поверх белой рубашки, полосатые тапочки.

«Мы хотели предложить Илье сотрудничество, — вспоминает Бутусов. Планировали его уломать, чтобы он написал нам тексты. Или дал что-то готовое. Увидев у нас вино, он демонстративно снял с полки старинную Библию, приложил ее к стенке и открыл бутылку о книгу проверенным матросским способом. То есть показал всю свою бунтарскую сущность, что для Кормильцева выглядело символично».

В процессе беседы Мак ставил на проигрыватель диски «новой волны», которой сильно увлекался в последнее время. Те же самые альбомы Talking Heads, Police и The Stranglers крутились и в плеерах у Бутусова с Умецким. Тогда это мгновенно объединяло людей, просто не могло не объединять.

«Мы стали жить через два квартала, — вспоминал впоследствии Кормильцев. — Дело в том, что отец Бутусова, крупный транспортный начальник, переехал из Сургута и вскоре купил Славе квартиру. И мы оказались на расстоянии нескольких дворов. Начали ходить друг к другу в гости, курить и что-то обсуждать».

Илья, незаметно для себя попав под чары мрачного азиатского обаяния Бутусова, выдал ему портастудию, а также поэтическую подборку своих текстов. Несложно догадаться, что, прочитав эти стихи, заклятые друзья из «Урфин Джюса» посоветовали Кормильцеву что-то в духе «пой такое говно сам!». Понимая, что спорить бесполезно, Мак в очередной раз промолчал. Просто устав доказывать сотоварищам очевидные для

него вещи.

«Тексты-то, в общем-то, неплохие, — грустно заметил он, вручая Бутусову картонную папку бухгалтерского типа с надписью “Дело № 666” на обложке. — Посмотрите, почитайте, подумайте... Может, что-нибудь вам и подойдет».

Кроме того, Илья предложил музыкантам посотрудничать со своим приятелем Ником Соляником. Но, к сожалению, ничего конструктивного из этой затеи не получилось.

«Тексты мои им не понравились абсолютно, — признается Соляник. — Попытки написать на мелодические "рыбы" какие-то стихи ничем не закончились, и где-то через месяц мы расстались».

На самом деле небезынтересно, как могли сложиться судьбы героев, если бы Кормильцев продолжил писать для «Урфин Джюса», а Соляник, будущий текстовик группы «Р-клуб», начал сочинять для «Наутилуса». Вопрос, конечно, риторический...

«Коля Соляник создавал очень серьезные тексты, — вспоминает Бутусов. — Такие крепко сбитые, с вопросами о том, как жить дальше. Но мы не выдержали этого натиска в духе литературы Чернышевского. С одной стороны что-то нигилистское, с другой — как-то там все было академично в стихах. И на это просто не устраивало».

Испробовав все варианты сотрудничества, музыканты «Наутилуса» принялись писать тексты сами. Не от хорошей жизни, разумеется. И тут внезапно выяснилось, что к началу 1985 года Бутусов с Умецким оказались идеальными катализаторами друг для друга. И не случайно два главных хита того периода — «Алчи, Алчи» и «Гудбай, Америка» — стали плодом их совместного творчества. И хотя соавторство Димы Умецкого на «Гудбай, Америка» афишировалось не особенно активно, именно ему принадлежали эпохальные строчки про «тертые джинсы» и «запретные плоды».

«У нас не очень хорошо получалось писать тексты, — признается Умецкий. — За исключением, пожалуй, “Гудбай Америка”. Мы с ней долго не могли прийти к конечному результату, а Кормильцев сказал: “Давайте, ребята, у вас все получилось!” Именно с его благословения и зафиксировалась в наших мозгах эта песенка».

Тем временем Илья решился выступить в роли помощника и консультанта молодой группы. Он уже прошел «огонь и воду» записей «Урфин Джюса», перечитал уйму переводных статей и отчетливо помнил, с какой целью им была куплена портастудия Sony.

Вскоре Кормильцев познакомил «Наутилус» со своими

друзьями — звукооператорами «Урфин Джюса» Димой Тариком и Леней Порохней. Недоучившийся философ Порохня героически выдержал нервную запись альбома «Жизнь в стиле heavy metal», и теперь ему были не страшны никакие авантюры. Дима Тарик оказался блестящим саунд-инженером, а также человеком, который мужественно приволок из Москвы пресловутую портастудии Sony. После «Урфин Джюса» оба звукооператора были готовы экспериментировать с эстетикой «новой волны».

«Надо помнить, что круг общения у “Наутилуса” был очень узким, — считает Умецкий. — А за его пределами был просто вакуум. В этом круге, кроме прочих его обитателей, были представлены два клоуна и примкнувший к ним полиглот, которые занимались музыкальной дурниной, не имевшей ни малейших шансов на успех».

Сам Кормильцев считал по-другому и был настроен решительно. Вскоре им было назначено собрание «большой пятерки» в составе Бутусов-Умецкий-Тарик-Порохня-Кормильцев. Встреча проходила напротив старинного военного госпиталя на улице Декабристов — в подъезде дома, где проживала семья Ильи.

На встречу с «Наутилусом» Кормильцев явился в пресловутых тапочках и фирменном халате. Немного по-барски, выкуривая сигарету за сигаретой, он выслушал подборку новых песен, спетых Славой. Умецкий с Бутусовым не догадывались, насколько точно им удалось точно попасть в нерв времени и передать настроение поколения. Поколения, которое подозревало, что в жизни что-то уходит, но не всегда понимало, что именно.

В гулкой акустике подъезда все это воспринималось, словно звуковое письмо из иных миров: «Я прекращаю иметь сердце, отныне мне это ни к чему. / Ведь я собрался жить долго, хотя это непостижимо уму. / Еще следует отрезать уши, глаза, руки, убрать живот, / Тогда мне нечем будет слушать, видеть, трогать, набивать рот...»

Бывалый шкипер Илья Кормильцев слушал новые опусы «Наутилуса» и незаметно улыбался. Похоже, он кожей чувствовал будущее. И это будущее казалось ему великолепным.

Невидимка

Особенность русского менталитета состоит в том, что только преодоление препятствий приводит в какому-то качественному результату.

Илья Кормильцев

«Рождение альбома «Невидимка», как часто бывает в искусстве, произошло не благодаря обстоятельствам, а вопреки им. Возможностей репетировать новую программу у Вячеслава Бутусова с Дмитрием Умецким по-прежнему не было, и у обоих продолжалась нешуточная депрессия. «Наутилус» переживал очередной «расцвет упадка» и почти на год впал в латентное состояние. С поразительным упорством музыканты продолжали искать утешение в вине. Искали утром, искали днем, искали вечером. Свой новый альбом любимцы архитектурного института планировали назвать «Всё» или «Последний». И это было, по крайней мере, честно и органично.

Музыканты бродили по городу вечно похмельные, зависая на квартире своего приятеля — молодого кинорежиссера Леши Балабанова. Им было плохо, и они этого не скрывали. В какой-то момент страшно поссорились, поскольку стало казаться, что вся жизнь прошла мимо. Это была типичная рефлексия из серии «нам уже 23 года, а мы еще ничего не сделали!»

«Год начался какой-то безумный, полный ерунды, семей и маразма, — признавался потом Дима Умецкий. — Дурь продолжалась долго, лето вообще вспоминать страшно: пьянь, рвань и все подобное. Но материал уже работался».

По-видимому, причин последующего ренессанса «Наутилуса» оказалось несколько. Одной из них стал неожиданный для Свердловска альянс с Ильёй Кормильцевым. После того, как портастудия Ильи перекочевала к Бутусову, в его мировоззрении начала происходить переоценка ценностей. Новые силы Славе придавала поддержка друзей, бывших студентов архитектурного института Саши Коротича, Андрея Макарова, Ильдара Зиганшина и Димы Воробьева.

Еще одним источником вдохновения оказалась для Бутусова поездка на очередной ленинградский рок-фестиваль, откуда

он вернулся с горящими глазами.

«Я приехал из Питера немного шокированный, — вспоминает вокалист «Наутилуса». — Для меня ленинградский рок стал потрясением и чем-то гипнотизирующим, я получил от него огромный заряд энергии. У меня крыша съехала, когда в Питере на меня сыпали десятками незнакомых названий, и я сразу понял, что мы безнадежно пропали. Основной упор на Урале тогда делался на группы хард-рока. Поэтому после поездки в Ленинград мы просто хватали без разбора все диски, которые были достаточно свежими. Почти каждая вторая запись была в стилистике «новой волны».

Жить по-старому теперь было нельзя.

Бутусов с Умецким, наэлектризованные новыми впечатлениями, сразу поняли, в какую сторону им надо грести. Они решили похерить пагубную идею записи нового альбома вдвоем, и пригласили, как им тогда казалось, сессионного пианиста.

В роли клавишника друзьям теперь виделся их старый приятель по архитектурному институту Виктор Комаров по прозвищу «Пифа», добивавший себя в грустной конторе под названием «Главснаб». Буквально за неделю он отрепетировал все партии, а его любимой поговоркой стала фраза «нот не знаем, технички Роберт», смысл которой никто не понимал, отчего настроение внутри компании поднималось до недосягаемых высот.

В отличие от «Переезда» свежий материал «Наутилуса» «покоился» на трех китах: увлечение акустическим Led Zeppelin, энергетикой ленинградских групп и стилистикой The Police, альбом которых «Synchronicity» Слава услышал несколько месяцев назад. Соответственно, большинство песен получались эклектичными: несколько нововолновых рок-н-роллов, босса-нова, пара мистических рок-композиций.

Кроме того, Бутусов с Умецким уже несколько месяцев изучали подаренную Кормильцевым папку стихов. Спустя какое-то время молодые архитекторы «запали» на странную лирическую зарисовку «Кто я?». Рифма в ней отсутствовала, как класс, зато присутствовало ощущение шизового психоделического «трипа», описывавшего моральный вакуум на порядок глубже большинства отечественных аналогов того времени: «Я отрезаю от себя части, леплю из них сержантов внешней разведки/Посылаю их выполнять прокладку коммуникаций/Они не возвращаются/ Никогда, никогда, никогда...»

Двухкомнатная квартира Димы Воробьева была ловко переоборудована в студию. Клавиши, микрофоны, портастудия

и вся остальная аппаратура находились в гостиной комнате. Кухня была превращена в дискуссионный клуб и распивочную. Еды практически не было, как, впрочем, и не было возможности покупать ее.

«Выходить из студии нам было некогда, поскольку все происходило «нон-стопом», — вспоминает звукорежиссер Леонид Порохня. — Когда, сильно проголодавшись, мы с Тариком поинтересовались у Умецкого, нет ли чего поесть, он радостно извлек из-под кухонного стола ящик портвейна. Как справедливо заметил Кормильцев, «спецпитание за спецвредность».

Сессия начиналась глубокой ночью, вскоре после того, как вся необходимая аппаратура была собрана, а соседи, которым утром надо было пилить на условный «Уралмаш», спали глубоким сном.

Три архитектора записывались азартно и дымно, без шума, пыли и без «живых» барабанов. Ритм держался с помощью наивного ритм-бокса, упрощая и без того аскетичные аранжировки до минимума.

Ближе к финалу эпицентр жизни в «веселой квартирке» стал плавно перемещаться из «студии» в «закусочную». Началась весна. С лыжной прогулки вернулся Дима Воробьев с женой. Увидел заваленную пустыми бутылками квартиру, но ругаться не стал. Взяв кинокамеру, будущий директор ТПО художественных фильмов свердловской киностудии отснял на 8-миллиметровую пленку фрагменты последних дней работы. Теоретически этот артефакт сохранился где-то на антресолях московской квартиры Умецкого. По свидетельству его супруги Алены Аникиной, «они там сидят в шерстяных носках по колено и что-то мычат. Ужасно смешно».

Отмечать завершение недоделанного альбома вся компания начала, еще не успев записать «Гудбай, Америка». По воспоминаниям музыкантов, первоначально эту композицию включать в «Невидимку» вообще не планировалось.

«У Ильи была склонность к балладным вещам типа Боба Дилана и раннего Боуи, — вспоминает Слава Бутусов. — Он легко выдавал огромные баллады из семнадцати куплетов вроде песни “Когти”, с которыми я просто не знал, что делать... В этой ситуации Кормильцев подкинул нам текст “Кто я?”, который всем понравился, но слова упорно не ложились на музыкальную заготовку. Я пытался произнести их речитативом, но получалось настолько занудно, что было решено — текст куплетов будет наговаривать Пифа Комаров».

В итоге «Кто я?» записывался следующим образом. Стояла глубокая ночь и в соседних квартирах спали мирные люди.

Злобным голосом, пропущенным через ревербератор, Пифа мрачно вещал: «Школы, школки, университеты...»

Для того, чтобы записать припев, Бутусова уложили на кровать, дали в руки микрофон «Shure» и для лучшей звукоизоляции накрыли двумя одеялами. Сверху «для верности» был положен полосатый матрас. Находясь под этой спальной пирамидой, Бутусов что есть мочи ужасно орал в микрофон: «Где я? Кто я? Куда я? Куда?». А затем вылезал — весь красный и потный — и начинал глотать воздух.

«Вопрос профессионализма тогда не стоял вообще, — улыбается Бутусов. — Это был совершенно неуправляемый процесс. Если рассматривать те события с точки зрения техники, акустики и элементарной логики, то всё выглядело, как полный абсурд».

Вся работа над «Невидимкой» была завершена утром 8 марта 1985 года. Чтобы не пропустить семейный праздник, музыканты быстро демонтировали аппаратуру и отправились по домам. О подарках в тот момент никто даже и не думал. Ни денег, ни времени, ни душевных сил на это уже не было.

«Я помню, как тщетно пытался провести дома параллели между “Невидимкой” и Международным женским праздником, — говорит Слава Бутусов. — Без особых успехов я доказывал жене, что альбом посвящается ей — что, с моей точки зрения, должно было послужить оправданием, почему я в течение нескольких недель не появлялся в семье».

Музыканты «Наутилуса» вернулись домой, словно с войны — заросшие и небритые, с мощным запахом мужского общежития и портвейна. Они пока не понимали, что именно им удалось сделать. В свою очередь, прослушав записанный на кассету набор новых песен, Кормильцев не на шутку вдохновился.

Маститого поэта совершенно не смущало, что его авторству здесь принадлежал только один текст. Его радовало другое: треки с «Невидимки» оказались настолько далеки от своих стилистических аналогов, что в итоге получались чудо, как хороши. Сыграть так криво в сравнении с оригиналом, наверное, не смогла ни одна рок-группа в мире. И парадоксальным образом эта кривизна не убивала первоначальную идею, а создавала абсолютно новую.

И тогда Кормильцев задумался об идентификации стиля и названия группы. Он уже знал, что в Москве существует проект «Наутилус», поэтому во избежание путаницы придумал изящный выход из ситуации. Порывшись в энциклопедиях, Илья предложил изменить название на «Наутилус Помпилиус» — по имени своеобразно размножающегося моллюска, который отрезал

от себя членики с плодотворящей жидкостью. К тому же в песне «Кто я?» были слова «я отрезаю от себя части», и этот факт показался ему весьма символичным.

Так в марте 1985 года «Наутилус» стал «Помпилиусом».

Итальянский след

Вечность в музеях проходит испытательный срок.

Боб Дилан

Зная полдюжины иностранных языков, Илья переводил огромное количество книг, начиная от рок-биографий и заканчивая актуальными трудами современных поэтов и прозаиков. В эпоху «железного занавеса» Кормильцев чувствовал себя органичной частью мировой культуры, и для него это было крайне важное ощущение. Будучи «человеком мира», он постоянно иронизировал на тему специфического советского колорита и уникальности русского быта.

«Вывески и объявления в Свердловске принципиально непереводимы на другие языки, — жаловался он друзьям. — Читаю на мастерской: «Ремонт и заправка зажигалок по возможности»... На русском это означает: если есть мастер, если он не пьян, если есть газ... Но как перевести иностранцу, что ресторан работает по возможности? Наверное, у нас слово имеет значительно больше синонимов, чем в любой другой стране мира».

Тем не менее уже тогда стало очевидно, что для Мака не существует транснациональных границ и по факту он может перевести все что угодно. Причем, с какого языка производить конвертацию, для Ильи не имело решающего значения.

«У Кормильцева была просто феноменальная память, — рассказывает Женя Щуров. — Он признавался мне, что выработал собственную систему, и у него была идея написать учебник, как по-новому преподавать иностранные языки. Весь его дом был напичкан перфокарточками — с итальянскими, португальскими и испанскими словами, — которые висели на кухне, в туалете и даже на дверях. С одной стороны на них были написаны незнакомые слова, с другой — их перевод».

Говорят, что еще в студенческие годы Илья, увидев, как его тесть мучается с зазубриванием итальянских слов к опере «Сила судьбы», решил доказать, что куда проще выучить язык самостоятельно. Не очень понятно, где именно он доставал кассеты с итальянским обучением, а также словари и отксерокопированные учебники. Но к моменту окончания

университета Кормильцев начал экспериментировать с переводами итальянской прозы на другие языки. В частности, на французский, польский, венгерский и английский. Порой он напоминал археолога, который купался в пересечениях цивилизаций, по-детски радуясь разнообразным находкам, открывавшим ему пресловутую связь времен.

Друзьям Илья хвастался, что может читать почти на всех европейских языках, но буксует в «практическом разговорном». Мол, в отличие от времен учебы в Ленинграде ему катастрофически не хватает контактов и общения с носителями языка...

«Как-то раз мы с Ильей обсуждали статью из журнала “Вокруг Света”, посвященную современному Китаю, — вспоминает Боб Никонов. — Мы знали, что там часто гоняют по радио песню “В бурном море не обойтись без Кормчего”, а слово “стукач” по-китайски звучит как “гунан-дзю”. И вдруг Илья предложил расширить наши познания китайского, выучив на случай агрессии две основные фразы: “Не стреляйте в меня, я свой!” и “Оставьте меня хотя бы на время!”».

Необходимо отметить, что лингвистические потуги Кормильцева выглядели в глазах взрослых и серьезных людей делом абсолютно бесперспективным. Максимум, на который Мак мог рассчитывать — это подработки в должности интерпретатора фестивальных фильмов, которые периодически демонстрировались в городе.

«Кинотеатр в Доме культуры “Автомобилист” был одним из “мест притяжения" в тогдашнем Свердловске, — вспоминает друг Ильи, историк и актер университетского театра Алексей Кокин. — Директор Леонид Быков привозил туда фестивальное кино, а также организовывал лекции по философии и киноискусству. Мы с Ильей “живьем” дублировали фильмы по готовым монтажным листам. Эти фестивальные бобины возились по городам, в которых существовали киноклубы, а иногда мы и сами делали с нуля собственные монтажные листы... При этом я работал с итальянским языком, а Кормильцев — преимущественно с английским».

Подружившись с Кокиным и узнав об истфаковских корнях нового приятеля, Илья как-то заметил: «Раз ты изучал историю, значит, ты наверняка конченый пессимист!» Примечательно, что Леша Кокин всегда был закоренелым оптимистом, но о мировоззрении самого Мака эта фраза говорила немало.

Вскоре молодой писатель Андрей Матвеев привез из Ленинграда культовый роман «Ловля форели в Америке» Ричарда Бротигана, который ему одолжил читать Борис Гребенщиков.

Увидев в руках у Матвеева потрепанную книгу, Кормильцев начал судорожно хватать ртом воздух. Он много слышал про этот литературный гимн звездно-полосатого поколения Вудстока и Вьетнама, но никогда не рассчитывал подержать его в руках, а уж тем более прочитать. Как пелось в песне, «нас так долго учили любить твои запретные плоды...».

Неудивительно, что, получив заповедную книжку, Кормильцев на месяц исчез с горизонта. В народ он вернулся с толстой пачкой машинописных листов, которую критики спустя много лет назовут «прекрасным переводом, расслабленным, сентиментальным и вполне безумным».

«Илья перевел Бротигана, и позднее я попробовал пристроить его в журнал “Урал”, — вспоминает Матвеев. — Главный редактор криво улыбнулся, и если бы через несколько лет вместо одного главного не пришел драматург Коляда, то об этой истории можно было бы смело забыть. Но “солнцу русской драматургии” пришла идея сделать американский спецвыпуск Урала”. Он напряг меня, а я вспомнил про “Ловлю форели”. Тогда я позвонил Кормильцеву, и в итоге оказалось, что рукопись лежала у меня на шкафу, откуда и была изъята. Потом ее напечатали, и, к счастью, у меня сохранился единственный экземпляр перевода».

Порой жизнь сама подбрасывала Кормильцеву всякие волшебные приключения, связанные с его переводческой деятельностью.

«Как-то раз Илья за две недели выучил португальский язык, — вспоминает Дима Умецкий. — Свердловск, как известно, был закрытым городом. Это означало, что доступ капиталистических иностранцев в данный оплот социализма был теоретически ограничен, а практически — невозможен. Но на беду здесь существовала женская волейбольная команда международного класса под неожиданно оригинальным названием “Уралочка”. И, по чуждым нашему менталитету буржуазным правилам, португальская волейбольная сборная должна была провести товарищеский матч именно с “Уралочкой”. И не где-нибудь, а именно в Свердловске. Каких чудовищ в этот момент родил спящий разум партийных функционеров, останется загадкой, но то, что им понадобился коренной свердловский португалец, факт. Илья достойно выполнил поставленную задачу. Правда, город не заметил этого исторического события, но порой так бывает».

Кормильцев совершенно не расстроился, поскольку уже несколько месяцев находился на другой волне. Он был поглощен новой семьей, вальяжно расхаживая по дому в чешской пижаме, и нежно ухаживал за женой Мариной. Освоив кулинарную книгу XIX века «Современная кухня. Практическое руководство для

поваров и кондитеров», Мак полюбил жарить грибы и готовить изысканные мясные блюда.

В паузах между кулинарными подвигами мог поругиваться с родителями жены на тему унесенного им в ломбард семейного золота. В такие минуты Кормильцев абсолютно не подбирал выражения, а затем, «сладко обидевшись», шел в подъезд курить и писать стихи.

«Я была беременна Лизой, и у нас случился денежный провал, — вспоминает Марина Кормильцева. — Но тут Илья стал подрабатывать в Торгово-промышленной палате, специализируясь на переводе английских текстов. И как-то раз сотрудник предложил ему: “А ты не возьмешься перевести аннотации к китайским приборам, которые у нас закупают для предприятий?" Илья отвечает, что и языка-то не знает. А сотрудник говорит: “Ну, подумаешь, словари купи и переводи!" Илья купил эти словари, причем один был с иероглифами, а другой — русско-китайский. Мы сидели долгими зимними вечерами, и я искала, как правильно переводится иероглиф. А Кормильцев пытался технически связать незнакомые слова между собой, чтобы эти приборы не сгорели».

Шли месяцы, и рейтинг поэта, который, как выяснилось, оказался многогранным и виртуозным переводчиком, неумолимо рос. Теперь в мозгах администрации Торгово-промышленной палаты Кормильцев казался чуть ли посланником Бога на земле. Или настоящей палочкой-выручалочкой. И вот почему.

По проверенной информации, осенью 1985 года в сторону Свердловска направлялась целая бригада итальянских рабочих и инженеров для строительства кирпичного завода в городе Ревда. Почему место для объекта было выбрано на расстоянии полсотни километров от областного центра, тайна великая есть. Мало того, нужно было обеспечить строителей квалифицированными переводчиками, которые дислоцировались бы в Ревде, работая с бесстрашными итальянцами, число которых к концу стройки достигало временами двадцати человек.

Необходимо признаться, что в тот момент на уральский регион имелся единственный практикующий переводчик, загруженный работой в Консерватории и Оперном театре. Ситуация выглядела безысходной, пока кто-то не предложил испробовать кандидатуру Кормильцева. Тем более что после стремительного и успешного штурма португальского языка Илья, похоже, не боялся в лингвистических вопросах вообще ничего. Другими словами, к моменту появления банды итальянских монтажников он был готов к интернациональным подвигам любой степени сложности.

В конце 1985 года Кормильцев выехал в Ревду, где на строящемся заводе начал работать переводчиком с итальянского на промышленно-русский. Чуть позже перетащил к себе на подмогу Лешу Кокина, поскольку объем работы был гигантским. Вдвоем они трудились по пять-шесть дней в неделю, с восьми утра и до самого вечера. После завершения смены ехали с итальянцами в импровизированную гостиницу, построенную, по легенде, пленными немцами. Там Илья ненавязчиво приобщался к итальянскому алкоголю, национальной кухне и болтливому южному менталитету.

«Однажды после работы мы ждали Кормильцева в небольшом автобусе, чтобы ехать с завода домой, — вспоминает Кокин. — Потом ждать надоело, и итальянский шеф-монтажник скомандовал водителю уезжать без Ильи. Как потом выяснилось, утомленный трудами поэт уснул на крыше обжиговой печи, куда мы с ним периодически удалялись передохнуть, когда не было аврала на монтаже. Боже! Как потом Кормильцев орал на всех, придумывая на ходу самые сложносоставные ругательства. Например, “porcobabuino”, с которым и сами носители языка наверняка не были знакомы. Мастер художественного слова, что тут сказать... Когда разбушевавшийся поэт слегка поутих, авторитетный и пожилой механик Пьер Аккоссато сказал вполголоса: “Он, конечно, засранец, но котелок у парня варит!”

Вскоре Илья поднял свой незамысловатый итальянский до гурманского уровня и полного истребления уральского акцента. С инженерами и механиками он проводил сутки напролет, общаясь как на бытовые, так и на философские темы. Кроме того, раз в месяц сопровождал представителей компании в Москву.

Задания у скромного инженера-переводчика в процессе командировки были несложные: довезти итальянцев до аэропорта «Шереметьево-2», проводить до таможенного контроля, отметить командировку в «Загранпоставке». Или в обратном порядке, если требовалось встретить в Москве новых техников и увезти их трудиться на Урал, в город с населением в 70 000 человек.

Примечательно, что со многими итальянскими строителями коммуникабельный Кормильцев сумел крепко подружиться. Тогда ему и в голову не могло прийти, что через несколько лет он встретится с ними снова — в другое время и в другом месте. А пока, запустив в производство кирпичный завод, рабочие уехали на родину, оставив в подарок переводчикам великое множество художественной литературы.

«Когда контракт закончился, к нам “по наследству” перешли знаменитые записки маркиза де Кюстина “Россия в 1839 году”, практически запрещенные в СССР, — вспоминает Леша Кокин. —

Кроме того, мы стали обладателями заветного “Талисмана” Стивена Кинга, на примере которого Илья растолковал разницу между фантастикой, сказкой и фэнтэзи, тогда еще не девальвированным до состояния вампирского бурлеска. Но главной книгой в Ревде для нас стало “Имя розы”. Кормильцев немедленно предложил сделать перевод Умберто Эко, собираясь его куда-то протолкнуть. В итоге Илья перевел две главы, а я — авторское послесловие “Заметки на полях «Имени розы»”. Конечно, никуда дальше наш «пилот» не пошел, а когда в 1988 году в “Иностранной литературе” вышел великолепный перевод Елены Костюкович, мы дружно расценили его как не годящийся в подметки тому, что обещал наш совместный потенциал, в итоге оставшийся невостребованным».

На строительстве кирпичного завода Илья проработал почти два года. Иногда он не вылезал из ревдинской берлоги целыми неделями и, к своему сожалению, не смог вырваться на несколько крупных рок-фестивалей. Но, как говорится, нет худа без добра.

За этот период Кормильцеву удалось дистанцироваться от городской суеты и в паузах между командировками вдумчиво созерцать картинки провинциальной жизни. По пыльным проселочным дорогам неторопливо бродили несметные полчища доверчивых ревдинских девушек, которые стимулировали творческую активность наутилусовского текстовика. И к нему с небес спустилось вдохновение.

Вдали от семьи, старых книг и новых друзей у Ильи началась настоящая болдинская осень. Вдоволь пообщавшись с итальянскими ловеласами, которые с нездешним умением легко обольщали местных русалок, он написал «Казанову» — стих про «город женщин, ищущих старость». В других текстах («Рвать ткань», «Наша семья», «Всего лишь быть», «Эта музыка будет вечной», «Каждый вздох») Кормильцев отошел от расплывчатых образов эпохи «Урфин Джюса» и точно стилизовал настроения Бутусова с Умецким времен «Невидимки».

Пиком творчества Ильи того периода стала композиция «Скованные одной цепью», в которой было «сказано все, что накипело».

«В 84-м году Кормильцев часто сидел по ночам в собственном подъезде, — вспоминает Леня Порохня. — Одетый в пижаму, он писал на кусочках бумаги тексты. Тогда, холодной черненковской зимой, я прочитал два и с полной уверенностью сказал: “Илья, тебя посадят!” Кормильцев в ответ улыбался, но невесело. Он никогда не был героем. Тексты назывались “Скованные одной цепью” и “Метод Станиславского”. Впоследствии перешли к “Наутилусу”, и вскоре один из них стал песней. Второй

потерялся. Мне до сих пор кажется, что “Метод Станиславского” был лучше, но так всегда потом кажется... Увы, Бутусов не слишком осторожно обращался с бумажками, а Илья никогда не оставлял черновиков».

Но на этом Кормильцев не успокоился. Его душа и мегамозг отчаянно рвались в открытый космос. Как-то раз Илья под аккомпанемент доносившегося из автобусного репродуктора мяукающего вокала Modern Talking решил провести смелый эксперимент. Он мечтал чтобы в его новом стихотворении объект любви не был идентифицирован с точки зрения половой принадлежности Причем Кормильцев задумал это сделать настолько изящно, чтобы эти изысканные игры со словами долгое время никому не бросались в глаза.

Приехав на завод, Илья в разгар рабочего дня закончил писать стих. Будущая песня называлась «Я хочу быть с тобой.» и характеризовалась тем, что чуть ли не впервые в русской рок-лирике у лирического героя ни оказалось ни рода, ни племени. Вскоре Бутусов написал к этому тексту мелодию, и эта загадочная баллада стала чем-то вроде визитной карточки группы «Наутилус Помпилиус».

Так получилось, что поклонники зачастую воспринимали «Я хочу быть с тобой» как оду неразделенной любви и гимн молодежного поколения, который впоследствии оброс различными домыслами. Кто-то был уверен, что этот метафизический текст, который пел Бутусов, посвящен новой музе Ильи. Кто-то говорил, что это песня о Боге, а кто-то проводил аналогии с трагической судьбой Алексея Трущева.

Каждый раз Кормильцев отмалчивался, решительно не выдавая источники вдохновения и первичные импульсы, связанные в его жизни с «комнатой с белым потолком». Но, как говорится, это уже совершенно другая история.

Золото Маккенны

В маленьком городе люди ближе
друг к другу и ближе к Богу.

Илья Кормильцев.

Парадоксально, но сотрудничество Ильи с группой «Наутилус Помпилиус» воспринималось в кругах свердловских рокеров подобно взрыву атомной бомбы. От этого союза поэта отговаривали все кому не лень. И, в частности, его брат Женя Кормильцев, который тогда начал писать стихи для молодых рок-команд.

«Сначала Илья показал мне катушку, на которой был записан “Наутилус”, из Архитектурного института, — вспоминает будущий поэт “Апрельского марша”. — Текстов Кормильцева там не было, а звучали какой-то рочок и буги-вуги, которые вызывали у меня омерзение. И я спросил: “Неужели после Пантыкина ты будешь иметь с этим дело?” И вскоре выясняю, что у моего брата с этой непонятной группой начинаются какие-то шашни. Короче, в тот момент “Наутилус" меня просто поразил своей слабостью».

Здесь уместно вспомнить, что Илья всегда любил окружать себя толпой умников. Ему нравилось «мониторить среду», но на этот раз ничьи советы он слушать не стал. И продолжал писать новые тексты для «Наутилуса».

Любопытно, что в это же самое время Бутусова от сотрудничества с Кормильцевым удерживали многие, начиная от музыкантов «Урфин Джюса» и заканчивая Юрием Шевчуком. Во время одной из ночных бесед лидер «ДДТ» перешел от теории к практике. Шибко хлебнув водки, он заявил Бутусову, чтобы тот не связывался с Кормильцевым. Потому что «по-настоящему, по-рокерски», у Бутусова получаются песни только на собственные тексты.

«Например?» — осторожно спросил Слава. «Ну, например, “Ален Делон”!» — уверенно заявил Шевчук. Но на этот раз опытный Юрий Юлианович ошибался. Текст этой песни был написан Кормильцевым.

Впервые «Ален Делон» прозвучал на квартире у Пифы в разгар очередной дружественной попойки. Так случилось, что музыканты собрались отмечать день рождения Кормильцева, до которого оставалось еще добрых три месяца. Бутусов неторопливо

достал из чехла гитару и задумчиво сообщил: «Илья, вот ты мне когда-то стишок подбросил, а я написал на него песню». И, откашлявшись, эмоционально спел про французского киноактера, который «пьет двойной бурбон».

В комнате воцарилась тишина, и только потенциальный именинник явно воодушевился от услышанного. Порывисто оглядевшись по сторонам и увидев прислоненный к стене деревянный манекен по имени Федор, Мак зажмурился от приступа счастья и резким движением сбросил его балкона. Это был почти снайперский выстрел — у кого-то из соседей от вида падающего с четвертого этажа тела едва не случился сердечный приступ.

Импровизированный день рождения был в разгаре, и друзья радостно побежали на улицу. Умецкий, Пифа, Бутусов и Кормильцев с хохотом и причитаниями: «Осторожно, ноги не простуди!» — потащили невинно пострадавшего Федора обратно в квартиру. Так весело и нестандартно происходила премьера песни «Ален Делон».

Не все знают, что в черновиках у Ильи находился и альтернативный вариант текста. В другой версии героем этой песни выступал не Ален Делон, а киноактер Омар Шариф, сыгравший роль бандита Джона Колорадо в вестерне «Золото Маккенны»:

Омар Шариф, Омар Шариф — не пьет аперитив,
Омар Шариф, Омар Шариф — не смотрит на разлив,
Омар Шариф — говорит по-арабски...

Но, посоветовавшись с друзьями, Кормильцев выбрал вариант, посвященный Алену Делону. Так и родился первый «большой хит» творческого тандема Бутусов — Кормильцев.

«Мак притаскивал Славе пачку исписанных листов, на каждой страничке — стихотворение, — вспоминает Андрей Матвеев. — Бутусов начинал шаманить, выбирая из пачки то, из чего он мог сделать песню. Илья был химиком, а Слава в плане музыки — алхимиком. И как у него получалось делать все эти мелодии, знал только он, да еще Тот, кто управлял им в этот момент».

К 1986 году у «Наутилуса» уже были готовы несколько будущих хитов, написанных на стихи Кормильцева.

«Если Илья говорил, что текст шикарный, то он действительно был шикарным, — вспоминает Дима Умецкий. — Только пару раз было так, что слова не ложились на музыку. Например, «Поденки летят на свет, и в этом они правы. / Может, для них мы женщины или запах травы». Слово «поденки» звучало как «подонки», хотя задумка у Кормильцева была замечательная. Мы и так крутили, и сяк, но пришлось отложить это в сторону. То

же самое было с «Рвать ткань», и песня у нас получилась с великим трудом».

По методике, опробованной на „Невидимке», новые композиции решили записывать на квартире — на этот раз у кинорежиссера Леши Балабанова. К сожалению, во время сессии Бутусов ссорился со звукорежиссерами Тариком и Порохней, и в свет этот демо-альбом так и не вышел. На нем, в частности, остались зафиксированными песни Бутусова («Все кто нес» и «360 градусов обстрела») и пара композиций на стихи Кормильцева («Ален Делон» и «Каждый вздох»).

По версии Умецкого, политическая подоплека «замораживания» альбома выглядела следующим образом: «Славу тогда периодически зашкаливало. Он решил сделать нечто, что потрясло бы Вселенную. Все это происходило без моей редактуры, и когда я услышал, что там навалено, то сказал: “Слава, я этот альбом закрываю! Это просто несерьезно. После такого разгона, который мы взяли на «Невидимке», ты погубишь команду. Хочешь идти архитектором работать — конечно, иди, воля твоя. Но у меня другие интересы и другие амбиции по этому поводу”».

В принципе, ничего особенного не произошло, если не считать, что Бутусов поссорился со всем миром. По молодецкой традиции он ушел в запой, по воспоминаниям музыкантов, «совершенно черный и совершенно жуткий». Стоял декабрь 1985 года, и с рок-н-роллом лидер «Наутилуса» решил завязывать. Он подумывал вернуться на старую работу и уныло проектировать станции свердловского метро.

Ситуацию, которая выглядела критической, спасло внезапное назначение звукорежиссера Андрея Макарова директором клуба при архитектурном институте. В результате этого подарка судьбы «Наутилус Помпилиус» получил не только базу для репетиций, но и обрел второе дыхание.

Дело в том, что с наступлением весны Бутусов успокоился, вошел в гармонию с окружающим миром, и репетиции возобновились с новой силой.

В плане аранжировок «Наутилус» наконец-то отошел от спартанского саунда и стал звучать крайне модно — отчасти потому, что трио архитекторов-любителей усилилось мультиинструменталистом Лешей Могилевским. Выпускник музучилища, он добавил в звучание группы узнаваемые саксофонные соло и запоминающиеся, «липкие» проигрыши на синтезаторе. «Наутилус» наконец-то начал приобретать канонический вид, причем как в концертном, так и в студийном варианте.

В июле 1986 года музыканты оккупировали подвал клуба

Архитектурного института, превратив его в уютную мини-студию. Никто и не подозревал, что спустя несколько недель они запишут один из самых ярких альбомов в истории советского рока.

«Мы уже знали, что делать для того, чтобы звучать современно, — вспоминает Бутусов. — Нас поражало, как те же «новые романтики» столько всяких новых вещей понавыдумывали и вспомнили. И теперь перед нами стояла задача успеть все попробовать».

Новые песни показали, что Слава наконец-то определился с собственным вокальным стилем. Нервная заунывность, низкие тембры и мрачные интонации голоса создавали необходимую эмоциональную окраску. Вокалист «Наутилуса» привнес в энергетику группы нечто такое, что отличает неученого гения от образованных посредственностей.

И сердца даже самых отчаянных скептиков дрогнули.

«Альбом “Разлука” делался совершенно разгильдяйским образом, в достойной и легкой форме, — откровенничает Могилевский. — Было весело, потому что отсутствовал какой-либо намек на рок-индустрию. Со стороны это напоминало кружок по интересам — как нечто, сопутствующее общению. Как товарищеский чай в секции “Умелые руки”».

Когда сессия превращалась в благостный чилаут, пламя в огонь новой жизни добавлял приезжавший из Ревды Кормильцев. За короткий промежуток времени у него родились дочка Лиза и сын Игнат. В итоге счастливый, но слегка затраханный жизнью молодой отец догадывался, что прямо сейчас у «Наутилуса» наступает своеобразный «момент истины». И, не ограниченный вкусовой цензурой Белкина и Пантыкина, он вдохновенно строчил текст за текстом.

«Илья писал по три тома материала и бился насмерть за каждую страницу, — вспоминает Умецкий. — Из этого богатства можно было выбрать три-четыре текста, и то с последующими доработками. После того как закончилась рефлексия у Бутусова, началась рефлексия у Кормильцева, который считал, что мы все делаем не так. Он приходил в подвал, начинал разбивать ногами стулья, и успокоить его было сложно. Андрей Макаров бледнел прямо на глазах, поскольку нес за стулья материальную ответственность».

«Илья находился в очень взбудораженном состоянии, — откровенничает Бутусов. — Все, что происходило в студии, его либо устраивало, либо не устраивало. То есть все выглядело очень категорично».

Поклонник терапевтических методов в искусстве лютовал не на ровном месте. Скажем, Кормильцев еще мог смириться с тем,

что Бутусов отказывался петь в «Ален Делоне» словосочетание «тройной одеколон». Или с тем что в «Скованных одной цепью» вместо «за красным восходом коричневый закат» литературные цензоры заставляли исполнять словосочетание «розовый закат». Но нежелание вокалиста «Наутилуса» петь о том, как «дети приводят блядей», воспринималось Ильей как личное оскорбление. С трудом нашли компромисс: на альбоме решили про женщин с «пониженным уровнем социальной ответственности» все-таки спеть, а на концертах в этом месте делать многозначительную паузу.

«То, что на записи получается нечто эпохальное, мы поняли лишь в самом конце, когда сели прослушивать альбом, — признавался мне Кормильцев спустя десять лет. — Откровенно говоря, до “Разлуки” никто к Наутилусу" серьезно не относился и почти никто в них не верил. Многие тогда мыслили более глобальными категориями, включая меня самого».

Слушая монолог Ильи, я ударился в легкую ностальгию. Осень 1987 года. Эпохальный рок-фестиваль в Подольске был назван музыкальными критиками «советским Вудстоком». И не зря: это было мощное крупномасштабное действо с участием двух десятков рок-групп со всего Советского Союза, а также первое широко анонсированное выступление «Наутилуса» в окрестностях столицы.

Именно этого события я ожидал давно и с придыханием. Все мои циничные друзья взахлеб слушали на магнитофонах «Невидимку» и «Разлуку». Информации о группе не было никакой — говорили, что это осколки «Урфин Джюса» и «Трека», что песни написаны на стихи венгерских поэтов, что «Наутилус» — это русский ответ Duran Duran. До появления восторженной статьи Александра Житинского в журнале «Аврора» ни фамилия Бутусов, ни фамилия Умецкий, ни фамилия Кормильцев не были известны в двух столицах практически никому.

«Говорят, что свердловские группы слишком увлекаются мистикой и что первый диск “Наутилуса” был сплошной “мистикой”, — писал о “Невидимке” зимой 1986 года критик Матусов в андеграундном рок-журнале “Урлайт”. — Я не слышал первого диска “Наутилуса”, плохо разбирал слова на концерте группы “Трек”, не слышал Урфин Джюса”, но если кто-то должен напоминать в музыке о смерти — пусть это делает Свердловск».

За несколько месяцев до Подольска мои друзья во главе с редактором «Урлайта» Сергеем Гурьевым метнулись автостопом на выступление «Наутилуса» в Питере. Вернулись оттуда с горящими глазами. Долго вспоминали о триумфальном концерте, когда уральская группа фактически «убрала» легендарный

«Аквариум». Перебивая друг друга, взахлеб описывали их яркий милитаристский имидж, пытались напеть боевики и повторить реплики. Помню, особым успехом пользовался рассказ о том, как Бутусов, в очередной раз забыв слова песни, подошел к микрофону и хмуро сказал: «Нельзя!» Казалось, ничего более рок-н-ролльного придумать в тот вечер было просто невозможно.

В сентябре 1987 года я с неподдельным энтузиазмом настраивался на подольский концерт «Наутилуса». С какими приключениями доставались билеты на станции метро «Ленино» и как долго тянулось время в ожидании выхода «Наутилуса» на сцену Зеленого театра, отдельный рассказ...

На «советском Вудстоке» группа из Свердловска открывала субботний концерт. Илья находился в Ревде и не мог видеть, как «Наутилус» предстал перед зрителями в крайне агрессивном имидже: врангелевская унтер-офицерская форма, ордена, боевой макияж, галифе, эполеты и военные сапоги до колен.

Дима Умецкий повернулся к залу спиной, а Бутусов, Пифа и Могилевский истошно затянули а-капелла: «Разлука, ты, разлука, чужая сторона». Затем Слава врубил электрогитару, и громко грянули боевики — «Ален Делон», «Казанова» и «Скованные...».

«Экстракачественный звук и натасканная проникновенность вокала Бутусова сделали концерт “Наутилуса” праздником для тысяч москво-подольчан, — вспоминает Сергей Гурьев. — Неожиданный сюрприз ждал группу на "Шаре цвета хаки”: на сцену вломилась камера Центрального телевидения, подъехала к Бутусову и стала заползать ему объективом промеж челюстей. Это варварская акция, впрочем, неожиданно послужила Славе допингом: он перестал забывать тексты, вообще весь подобрался и запел с удвоенной выразительностью, словно засосав у телевизионщиков творческое биополе».

Андрей Макаров судорожно выставлял баланс на пульте, поскольку в наушниках не было слышно ни слова. Звукорежиссеру «Наутилуса» можно было посочувствовать: вокруг него орали сотни людей, размахивали куртками и шарфами, танцевали и хлопали стоя. Было неподдельное ощущение, что эти разукрашенные в боевой грим музыканты уже нашли свое «золото Маккенны», и знали о жизни нечто такое, что для остальных навечно оставалось тайной за семью печатями.

Подмосковный сет группы венчало саксофонное соло Могилевского в финале «Гудбай, Америка», которое потонуло в восторженном реве многотысячного зала. Возможно, с этой минуты и началось всесоюзное восхождение группы «Наутилус Помпилиус». Возможно, с этого вечера в стране и началась «наутилусомания».

Как белка в колесе

У свердловской музыки всегда было свое лицо. Ее отличало нечто вроде наивной серьезности, если можно так говорить... Все время у нас происходило изобретение велосипеда или колеса — такое невинное новаторство, туземный примитивизм, какой бывает у первобытных народов в искусстве.

Илья Кормильцев

Не стоит забывать, что параллельно работе в Ревде Кормильцев занимался массой важных общественно полезных дел. В богатом на события году его организаторский талант и пламенные речи способствовали открытию свердловского рок-клуба. Это означало, что теперь уральские группы могут выступать на фестивалях, давать концерты и зарабатывать гонорары.

И когда Илья почувствовал, что в стране реально началась перестройка, у него словно выросли крылья. Друзья вспоминают, что Мак не поверил Горбачеву и его политике, но каждый день старался пользоваться по максимуму вкусом новообретенной свободы. Он успевал многое: писал о свердловском роке в самиздатовскую прессу, предлагал выпустить альбом-компиляцию местных рок- групп, организовывал первые концерты в Казани, Куйбышеве и Перми.

В паузах между поездками и административной работой Илья писал стихи сразу для нескольких рок-команд. Здесь особенно выделялся альбом Егора Белкина «Около радио», состоявший из песен, написанных гитаристом «Урфин Джюса» на тексты Кормильцева. Так случилось, что, несмотря на высокий потенциал, всесоюзной известности эта работа не получила. Но шутливая композиция «Соня любит Петю» впоследствии неоднократно звучала в кинофильмах и позднее стала неофициальным гимном свердловской рок-сцены.

Важно отметить, что на первом рок-клубовском фестивале песни Кормильцева исполняли музыканты сразу ШЕСТИ рок-команд: «Урфин Джюса», группы Насти Полевой, группы Егора

Белкина, «Наутилус Помпилиуса», «Коктейля» и «Кунсткамеры». И это был далеко не предел. Общеизвестна байка о том, как к музыкантам «Чайфа» подошел Илья и с солидным видом сказал: «Ну, группа вы конечно, неплохая, но с текстами хорошо бы тщательнее поработать! Если надумаете, могу написать вам пару-тройку стихотворений...»

Любопытно, что в репертуаре «Наутилуса» было тогда порядка семи-восьми текстов Ильи и никакого всесоюзного прорыва ситуация не предвещала.

«Кормильцев приходил ко мне, и я ему показывал варианты песен под гитару, — вспоминав Бутусов. — Он имел право сказать: это мне нравится, это не нравится, а вот об этом тексте можешь вообще забыть. Потому что Илья работал на несколько фронтов, и иногда, чтобы тексты не пропадали, он их забирал».

Другими словами, летом 1986 года своего фаворита Кормильцев еще не выбрал. Поэтому, обслуживая духовную сторону местного рок-н-ролла, продуктивный поэт был вынужден крутиться как белка в колесе. Он словно играл в невидимый тотализатор, следуя в своей логике «закону больших чисел». Как тогда казалось Кормильцеву, в каком-то из вариантов что-то обязательно должно было выстрелить. Если не в одном месте, так в другом.

Выстрелило, как известно, у «Наутилуса». Но уместно напомнить, что даже у них первоначально не все шло гладко. К примеру, их стремительному восхождению предшествовал нервный момент, когда рок-клубовский актив «литовал» тексты «Разлуки».

В интервью казанскому журнал «Ауди Холи» Кормильцев описывал свердловскую цензуру следующим образом: «Тексты литует целая компания известных в городе деятелей культуры, которые устраивают и нас, и верхи. Этим в основном под сорок, но они врубаются. В литовочной компании должны быть персонажи со значками или с билетами, но которые нам сочувствуют».

Даже в этом монологе Илья проявил чудеса дипломатии, поскольку в жизни все оказалось не так просто. Дело в том, что первоначально альбом «Разлука» был разрешен для распространения не целиком. В частности, органы цензуры рекомендовали изъять две наиболее крамольные, как им тогда казалось, песни: «Скованные одной цепью» и «Гороховые зерна». И поэтому в августе 1986 года Кормильцев был вынужден носиться по друзьям и забирать назад подаренные им кассеты, содержавшие две «запрещенные» композиции. В первую очередь он не хотел подводить ни музыкантов, ни актив рок-клуба.

Праздника души при этом Илья, естественно, не испытывал.

В конце концов, было принято соломоново решение: по Свердловску альбом распространяется в усеченном виде, зато в другие города отсылается в каноническом варианте из одиннадцати композиций, без изменении и купюр.

Уникальный документ — как литовали тексты «Наутилуса», 1986:

О текстах песен группы "Наутилус"

Авторы представленных песен достаточно последовательны а постановке проблем, волнующих сегодняшнюю молодежь — бездуховность, потребительское отношение к жизни, конформизм. Однако в самом формулировании этих проблем, а также в попытках их разрешения сочинители песен не везде точны — не всегда выверена их общественная позиция, случайны зачастую слова, из которых "составлены" песни (насчет "составлены" я не оговорился, поскольку текст группы порой невнятны, подобно подстрочникам с чужого языка). Вместе с тем, особенно на фоне текстов других групп, нельзя не заметить, что лучшие песни "Наутилуса" достаточно интересны и вполне репрезентативны для того, чтобы свидетельствовать об уровне работы группы.

Считаю, что песни "Маленький подвиг", "Это так просто", "Превращение", "Каждый вдох", "Клипсо-Калипсо", "Последнее письмо", "Радиола", "Раньше было совсем другое время" можно рекомендовать к исполнению.

Член худ.совета Свердл.обл. рок-клуба, член СК СССР Е.С.Зашихин

«Я помню заседание, где рассматривался вопрос литовки текстов “Разлуки”, — объясняет президент рок-клуба Николай Грахов. И все вроде бы шло нормально, но некоторые товарищи вдруг сказали: “Нет, мы подписываться не будем!” Начался спор о “Скованных одной цепью” и все как-то подвисло. Кормильцев находился за дверью, волновался и ходил по лестничной площадке вверх-вниз. Я вышел и говорю: “Знаешь, Илья, думаю, что пробьем, но вообще-то очень сложно. Все вроде бы нормально, а вот с этой песней проблема возникла”. Он страшно переживал и заявил мне: Для меня крайне важно, чтобы эта песня вышла сейчас! Она сейчас должна быть услышана, именно сегодня!” Спустя некоторое время все конфликты разрешились, но для Кормильцева это был крайне драматичный момент».

Пока разруливалась политическая вакханалия вокруг «Наутилуса», Илья незримо почувствовал внутреннюю силу. Песни по-прежнему лились из него рекой, причем тексты становились все жестче и радикальней.

«У нас тогда был целый цикл антивоенных композиций, суть

которых сводилась к тому, что мы не хотим идти в армию, — вспоминает Бутусов. — И Кормильцев уже затачивал перо на Афганистан, строчил песни типа “Мой брат Каин”. Он тогда носил тексты пачками, искры из глаз сыпались, весь взъерошенный от такой образной злобы, эдакий анархист-цареубийца. Это была реакция на ту среду, в которой мы тогда находились».

Вскоре под жесткий прессинг Кормильцева попали и музыканты «Урфин Джюса». Теперь Илья брал своеобразный реванш и огрызался, что, к примеру, новый текст «Открытые пространства» — это его последний стих для группы. Зная вспыльчивый характер поэта, музыканты воспринимали эти заявления сравнительно спокойно. Возможно привыкли к подобным стычкам. А, возможно, понимали, что жить группе (после оглушительного провала на рок-фестивале) осталось всего несколько месяцев.

Тем временем на обломках «Урфин Джюса» был создан крепкий студийный коллектив, который помогал записывать дебютный альбом вокалистке «Сонанса» и «Трека» Насте Полевой. К моменту распада группы «Трек» выпускница Архитектурного института начала писать собственную музыку. Параллельно будущая «первая леди уральского рока» выступала в роли вокалистки «Апрельского марша», «Кабинета» и пела на нескольких концертах «Наутилуса». В свою очередь, Бутусов написал для Насти композицию «Снежные волки», мелодию к «Клипсо-калипсо» и текст к ее песне «С тобой, но без тебя».

«До этого Настя выходила на сцену в коже, была ослепительной крашеной блондинкой и пела на низком и безумно сексуальном рыке, от которого весь зал бился в оргазме, — вспоминает в книге “Сыновья молчаливых дней” Андрей Матвеев. — А потом Настя услышала Кейт Буш. И еще услышала Дженис Джоплин... И петь по-другому она начала через несколько лет, когда поняла, что “лом” с “драйвом" могут быть другими».

В определенный момент Настя решила делать собственный проект. Демо-кассеты с музыкальным материалом она вручила сразу трем поэтам: Аркадию Застырцу из «Трека», Диме Азину из «Степа» и Илье Кормильцеву. После чего стала дожидаться лучшего из предложенных вариантов.

Свой выбор Настя остановила на текстах поэта «Наутилуса», содержавших, в частности, такие строки: «Дьявол женщину всякому учит, и она на пружинке тугой / Справа крепит янтарное солнце, слева — клипсу с жемчужной луной».

Говорят, что Илья долго въезжал в состояние «поэта для женщин вплоть до семейных скандалов. Марина Кормильцева,

столкнувшись с увлечением мужа новым проектом, начала ревновать его к симпатичной певице. Заметим, совершенно беспредметно. Просто для поэта это был еще один творческий опыт, и в своей увлеченности он не останавливался ни перед чем.

Примечательно, что, начав писать тексты для Насти, Илья не без любопытства поинтересовался у певицы: «Ты хоть понимаешь, что я не буду описывать девичьи страдания?»

Как оказалось впоследствии, это было так и не так.

«Кормильцеву на первых порах было сложно изобразить какие-то женские чувства, — вспоминала Настя. — Вообще, по своей сути, у него в те годы был женский характер. Не истеричный, но взбалмошный. Я всегда говорила, что в прошлой жизни он, наверное, был женщиной».

Любопытно, что японизированная направленность будущих песен Насти возникла случайно. Во время репетиций у певицы в вокальной «рыбе» стали проскальзывать странные лексемы: «мацу», «тацу» и т. п.

«Я тогда не знала, что “тацу” в переводе с японского означает “дракон”, — вспоминает Настя. — Но тут демо-вариант этой песни услышал полиглот Кормильцев и решил, что это “джапанизм” и из всего материала можно сделать экзотику».

Несложно догадаться, что энциклопедические познания Ильи не могли не проявиться в новых стихотворениях. С безумным блеском в глазах Кормильцев использовал фрагменты лирики японского поэта Кобаяси Исса, а герои будущих песен «Ариадна», «Одиссей» и «Цунами» возникли в мозгу поэта из древнегреческого эпоса.

Можно вспомнить, что в основе центральной композиции «Тацу» лежала реальная история о юношах, засланных в конце Второй мировой войны сторожить крохотные острова, расположенные на юго-востоке Японии. После ядерной трагедии в Хиросиме и Нагасаки об этих бойцах японской армии все как-то подзабыли. И не случайно в контексте альбома сам воин Ямато воспринимался как реальный маленький дракон, а не забытый Богом и «погибшими вождями» японский Маугли.

В разгар создания альбома Илья, прослушав репетиционные записи, внезапно понял, что вся работа движется не в том направлении. У Кормильцева в тот момент музыкальным фаворитом была певица Шадэ. Тогда он всем став ее первые альбомы и считал, что именно в таком направлении и должна развиваться современная поп-музыка.

Увидев, как Егор Белкин переделывает аранжировки под пресловутый вальсовый размер, Кормильцев решил взорвать ситуацию изнутри. Он уверенно заявил Насте, что Белкин и

помогавший ему Пантыкин мыслят слишком традиционно. Мол, все это — «каменный век». И для альбома нужно искать другого аранжировщика, воспитанного на более современной музыке. Так на горизонте возникла кандидатура композитора Игоря Гришенкова из «Апрельского марша», с которым Настя выступала на первом свердловском рок-фестивале.

«Я была вынуждена отдать “Тацу и “Ночные братья” на аранжировку Грищенкову, — вспоминает Настя. — Такое вот с моей стороны получилось небольшое предательство...»

Но как только началась сессия, все интриги прекратились, и работа закипела — все-таки в студии собрались профессионалы: Пантыкин, Белкин и добрая половина концертного состава «Наутилуса»: Леша Могилевский на саксофоне, Леша Хоменко на клавишах и Володя Назимов на барабанах. Другими словами, Настя собрала в студии чуть ли не dream team свердловского рок-клуба.

Серьезность в этой сессии чередовалась с огромным количеством креативных находок. Так, к примеру, концовка саксофонного соло Могилевского в композиции «Тацу» была сделана на фоне убыстренного лопотания, найденного на аудиокассете с курсом японского языка, принесенном в студию Кормильцевым.

Сама Настя не без успеха имитировала японские мантры, а рок-журналист Александр Калужский, английское произношение которого очень нравилось Илье, убедительно имитировал «голос врага «Tatsu! Leave your rocks, gun-unloaded!», предупреждавшего «юного воина Ямато» об окончании войны.

Но самым большим достижением этой сессии стали не сверхдозы восточной экзотики, а новая, обволакивающе-мягкая манера вокала Насти, особо убедительно прозвучавшая в композиции «Вниз по течению неба»: «Я смотрю на голубой экран / С самой лучшей из любых программ. / Как туман облака, алый плот уносит река. / Я жду заката, плеска весла. / Я жду отъезда навсегда».

«Я была на сто процентов уверена, что "Тацу" выстрелит, — вспоминает бывшая вокалистка "Трека". — Желание свернуть горы и сделать что-то, чтобы все ахнули, у меня было всегда. А когда появляется подобная мотивация, я становлюсь метеором. Я бы все стерпела, чтобы получить конечный результат».

Несмотря на не очень удачное выступление Насти Полевой в Подольске, ее дебютный альбом воспринимался в 1987 году как пронзительные откровения инопланетянки, отражающие воздушную атмосферу полусна-полутанца. Эта эстетская работы оказалась на удивление востребованной — как гимн внутренней

свободе и абсолютной красоте. И для советских женщин неравно утверждавших в телепередачах, что «у нас в стране секса нет», после прослушивания «Тацу» был реальный повод пойти и повеситься. Смутно догадываясь, что вся жизнь прожита зря.

После выхода «Тацу» всесоюзная рок-пресса назвала Полеву «уральской Кейт Буш», а Кормильцев стал признанным мастером мультиформатного слога далеко за пределами Свердловска. А автором стихов для двух следующих альбомов Насти оказался текстовик группы «Апрельский марш» Женя Кормильцев.

Хождение по мукам

Ситуация к концу 1988 года была достаточно простая. Всем было понятно, что дальше остается только друг другу морды набить — и тогда уж последний момент действительно наступит.

Вячеслав Бутусов о распаде «Наутилуса»

Самый большой по абсолютной величине подарок Илье Кормильцеву подарили на день рождения 1987 года. Его однополчане из «Наутилуса» направлялись к нему на празднование с бутылкой традиционного портвейна, но в какой-то момент им этого показалось мало. Как гласит история, было около девяти часов вечера, и на город опускались сумерки. Воровато оглядываясь по сторонам, два архитектора (*лидер «Наутилуса» Вячеслав Бутусов и басист группы Дмитрий Умецкий учились в Свердловском архитектурном институте — прим. «Медузы»*) сорвали со стены Дворца пионеров детский плакат, на котором Чебурашка дарил подарки на день рождения. Надо было обладать немалой дерзостью, чтобы посягнуть на это эпохальное произведение искусства размером три на три метра, выполненное в духе откровенного соцреализма.

«Бутусов и Умецкий пронесли плакат с Чебурашкой кварталов десять, а затем мужественно дотащили его до моей квартиры», — рассказывал впоследствии Кормильцев в одной из телепередач.

Это был типичный для того времени случай. Атмосфера внутри команды казалась просто идеальной. После триумфа на фестивале в Подольске музыканты «Наутилуса» излучали азарт и вдохновение. Они укрепили состав группы профессионалами и отрепетировали совершенно новую программу, написанную Бутусовым на стихи Кормильцева: «Бриллиантовые дороги», «Мой брат Каин», «Ворота, откуда я вышел», «Стриптиз», «Доктор твоего тела», «Падал теплый снег». Материала набиралось на целый альбом, только времени на его запись не было.

Дело в том, что «Наутилус» целенаправленно готовился к штурму столицы, которая, казалось, уже давно капитулировала

перед уральскими неоромантиками. Москва приготовила музыкантам лучшие концертные площадки, а также массу призов и наград. «Лучшая рок-группа 1987 года», «Прорыв года», «Альбом года», «Лучший вокалист года». Непосредственно Кормильцева уже ждал диплом от газеты «Московский комсомолец» — как одного из главных рок-поэтов страны вместе с Гребенщиковым и Макаревичем.

После Ревды Илья находился в отличной поэтической форме. Как человек с тонкой душевной организацией, он остро чувствовал «ветер перемен» и грядущие сумерки: «Страна умирает, как древний ящер с новым вирусом в клетках». Как говорится, ни убавить, ни прибавить.

К этому моменту Бутусов и Умецкий уже понимали, что группа переросла Свердловск и настала пора перебираться в Москву. Но там их ждала засада. Столица к приезду «Наутилуса» была готова, но не готовы оказались сами музыканты. Как выяснилось, еще не прочувствовавшие местный маркетинг и волчьи законы «советского шоу-бизнеса».

И дело оказалось вовсе не в идеологических компромиссах и чудовищном количестве фестивалей, когда музыкантам приходилось выступать на одной площадке с поп-артистами типа Кузьмина и Пугачевой. Я отчетливо помню эти концерты, и все они выглядели весьма достойными и яркими. Мрачная «Разлука» в дебюте, блок резких хитов в середине и «Скованные одной цепью» в финале, когда публика начинала размахивать цепями над головой, — зрелище было поистине незабываемое. «Наутилус» с лихвой оправдывал авансы, и многим тогда казалась, что это была игра наверняка.

Опасность крылась в другом месте. Как жить дальше, никто в группе не знал. Ни Бутусов, ни Умецкий, ни Кормильцев. На следующий год верстался график из трехсот концертов, а на студии у Пугачевой планировалось записывать пластинку «Князь тишины». Телефоны менеджеров раскалились от звонков — и понятно почему. Отпускная цена на «Наутилус» была преступно низкая, и дилетантизм свердловчан пер изо всех щелей. Это касалось всего на свете — от менеджмента до вопросов быта.

Жили тогда в Москве где попало. Музыканты ютились в общежитии МГТУ имени Баумана, Кормильцев — у знакомых журналистов, Умецкий — у новых столичных друзей, а Бутусов, как правило, размещался в номерах гостиницы «Россия».

«Главными жертвами „головокружения от успехов“ стали, как водится, лидеры, — грустно вспоминал Кормильцев. — Бутусова с Умецким носило по Москве причудливыми орбитами

астероидов — с интервью на интервью, с одной важной встречи на другую, еще более важную. Музыкантам оставалось только догадываться, какие судьбоносные решения принимаются на этих орбитах».

Неудивительно, что события вокруг «Наутилуса» развивались с кинематографической быстротой. Тогда казалось, что ничто не предвещало беды. Но это было не так. Все проблемы начались с того, что в феврале 1988 года из группы внезапно ушел Дима Умецкий. Сыграл на фестивале «Звуковой дорожки» и на «Рок-панораме» в «Лужниках» и быстро растворился в пелене московской кинематографической тусовки.

«Распад произошел тогда, когда я решил, что коллектив находится на выдохе, — вспоминает спустя тридцать лет басист „Наутилуса“. — Нам надо было уходить в тину, нарабатывать новый материал, отдыхать, что-то переделывать. Потому что гастроли могли нас убить. И нужно было либо отказываться от них, либо… И я сказал: „Нет!“ Все знали, что если я принял такое решение, то со мной общаться на эту тему бессмысленно. Если я уперся — то это все, пустая трата времени!»

Буквально на следующем концерте на сцене стоял новый басист Алавацкий, стремительно выдернутый из недр очередного свердловского кабака. Тогда всем казалось, что отряд не заметил потери бойца. С горем пополам был записан недоношенный Бутусовым альбом «Князь тишины», а также два «концертника» с новыми песнями, вышедшие значительно позднее.

Итак, гастролей становилось все больше, а друзей все меньше. И времени на творчество не оставалось совсем. Участники бизнес-проекта «Наутилус Помпилиус» ежемесячно зарабатывали по 800–1000 рублей при средней народной зарплате 150 в месяц. Музыканты наивно пытались бороться с жестким графиком новой жизни, отказавшись, в частности, от двух десятков концертов по Белоруссии. Играть там не было ни сил, ни свободных дат.

Со временем становилось очевидно, что после ухода Умецкого в группе исчезла теплота отношений, пропало вдохновение. Бутусов мучился с горлом и на концертах пел через силу. В итоге за лето 1988 года он не смог написать ни одной новой песни.

«Кризис был заметен невооруженным глазом, — признавался Кормильцев. — Это же достаточно очевидная вещь. Каждый человек рождается со своей психической конституцией. Слава — не очень счастливый, но очень ранимый и очень талантливый человек…»

Конфликтов становилось все больше, и все чаще они

перерастали в откровенные скандалы. Менялись директора, менялись музыканты. На подмогу Бутусову был срочно вызван из Свердловска старый друг и собутыльник Егор Белкин. Но ничего не помогало. Слава тяжело переживал этот «расцвет упадка» и находился в перманентной депрессии.

В итоге, после одного из «приступов священного безумия», измотанный лидер «Наутилуса» принял волевое решение распустить коллектив. Дело было в вышеупомянутой гостинице «Россия» 10 ноября 1988 года. Как Славе тогда искренне казалось, он «распустил группу навсегда».

«Пресса потратила немало сил на пересуды о том, что же стало причиной гибели коллектива, находившегося на самой вершине популярности, — писал впоследствии Кормильцев. — Как это ни банально звучит, время — лучший судья. Близились времена „Ласковых маев“, и наутилусомания в некоторой степени была предвестником этих времен. Бутусов не захотел играть в такую игру, да и не смог бы по своему существу… Сделанная пауза в конце концов не стала кодой — она стала началом нового этапа».

Как писал другой поэт, «предназначенное расставанье означает встречу впереди»

«Надо понимать, что Бутусов не мог в сотый раз исполнять „Я хочу быть с тобой“, — вспоминает Влад Малахов, работавший в то время тур-менеджером. — Песню надо петь сердцем, а когда начинается чес, это становится просто невыносимо. Наступил момент, когда Слава почувствовал, что для него это перестает быть откровением и становится исключительно „процессом зарабатывания денег“. На этом ощущении первый „Наутилус“ и закончился».

Дальнейшие сообщения о судьбе сенсационно успешной рок-группы напоминали то боевые сводки с полей, то судебные репортажи на тему «Куда плывет „Наутилус“?» Примечательно, что в той нервной ситуации Кормильцеву право голоса никто не давал. Он никому не комментировал происходящее, не соглашался на интервью, а просто «залег на дно».

Так получилось, что вскоре после знакомства с Ильей у меня появилась возможность эту несправедливость ликвидировать. Как говорится, «задним числом», хотя бы на уровне воспоминаний, для истории.

Чтобы воскресить в памяти события тех лет, я прихватил на интервью архивный выпуск «Комсомольской правды». Публикуемый там материал назывался «Скованные одной цепью…» и представлял собой интервью с Бутусовым и Умецким, взятые по отдельности. Их совместная фотография была

демонстративно разорвана на части — так, словно распалась группа The Beatles.

Несложно догадаться, что Илье, который общался предельно доверительно, было о чем рассказать. Но то, что я узнал от Кормильцева, своим драматизмом поразило даже меня. Об этом никто не писал, не говорил, не знал. Поэтому публикуемый ниже фрагмент беседы воспроизводится с минимальными сокращениями.

— Каким был твой статус в «Наутилусе» накануне кризиса?

— К осени 1988 года ситуация была такова: при всяких драматических обстоятельствах Слава решил разогнать «Наутилус»… Я, естественно, не числился в числе разогнанных и отнесся к этому спокойно. Потому что считал, что группа уже износила себя… Разогнаны были все, кроме Бутусова и меня. И Слава, в общем-то, хотел оставить Лешу Могилевского и Егора Белкина, а остальных уволить. Он хотел разогнать всю старую гвардию: Пифу, Алавацкого, Елизарова, Хоменко. Эта четверка проходила у нас в разговорах по кличке «Битлз». Я к этой идее отнесся положительно… Затем, спустя некоторое время, Бутусов внезапно вспомнил про Умецкого. Насчет Димы я немного напрягся и спросил: «Слава, а ты его давно видел?» «Давно», — ответил Слава. «И что? Он ведь у нас очень московским стал?» Слава сказал: «Это неважно!»

Бутусов всю жизнь не любит деление людей по национальностям и городам… Это другая крайность, тоже очень опасная… Итак, они встречаются в Москве и начинают что-то делать. Я звоню Диме и понимаю, что мне не дают Бутусова к телефону. Потом Умецкий все-таки решился: «Давай встретимся!» Это произошло после длительного перерыва в несколько месяцев, и я все же приехал в Москву.

«Слава не в состоянии сам контактировать с окружающим миром, — заявил Умецкий. — Он не понимает, что нужно отвечать и говорить. Поэтому говорить буду я и моя жена Алена. Ты будешь передавать нам тексты, а я буду передавать тебе деньги!»

Меня эта ситуация обидела и напрягла. Летом 1989 года я еще раз съездил к ним, пытаясь установить контакт. Они встретились со мной, но Бутусова не показали. И показать не могли, потому что Слава лежал в больнице с сотрясением мозга и с переломом скуловой кости. Потому что в гостинице «Россия» ему навешали пиздюлей азербайджанцы. Произошло это по вине Умецкого, но это так, сплетни… Я был в очень настороженном состоянии и решил для себя, что раз такое продолжается, мне это уже неинтересно. Потом между Бутусовым

и Умецким случился очередной разрыв, а я отказался от премии Ленинского комсомола…

Затем мне позвонил новый директор и сказал, что нужно приехать. Мол, мы начинаем работать по-новому, набрали новый состав, будем снимать кино. Надо разобраться с материалами, которые сняли. Надо разобраться, как быть с Умецким и его покровителями, которые требуют назад аппаратуру…

Я приехал в Питер, пожил у них, пописал вместе с Леней Порохней сценарий для фильма, который так и не вышел. Сделал новый песенный материал. Честно говоря, материал был написан еще осенью 1989 года, но я его не хотел отдавать, потому что в группе еще находился Умецкий. Из отданных мною стихов Слава скроил два альбома: «Наугад» и «Чужая земля». Я в это не лез. Изредка появлялся у Бутусова в Питере, пару раз заезжал к ним на гастроли. Мне не нравилась убогая обстановка, эти пьяные гитаристы и все прочее.

А потом у меня с «Наутилусом» случился перерыв. Я не знал, будем ли мы вместе работать или нет. У меня в Екатеринбурге был свой проект — культурологический журнал, и я им с удовольствием занимался. А они где-то там ездят, опять начались проблемы с администраторами, которые не хотят давать денег, не берут меня в Америку, в Японию, еще куда-то. И я махнул рукой — да пошло это все на хер!!!

Имя стены

Я бы хотел рассказать от себя так много, что у вас не хватит пленки.

Илья Кормильцев в фильме «Сон в красном тереме»

Как пел когда-то Боб Дилан, времена сильно поменялись. Но трагические события вокруг «Наутилуса» никак не повлияли на философию Кормильцева. Он по-прежнему оставался в центре рок-н-ролльной жизни и заслуженно считался одним из главных идеологов уральской сцены. В особенности после того, как в «Московском комсомольце» был опубликован его аналитический репортаж с III фестиваля Свердловского рок-клуба. В самом конце этого эпохального материала, напечатанного миллионным тиражом, красовалась скромная подпись: «Илья Кормильцев, поэт, переводчик, член жюри фестиваля».

В этот период всесоюзную прессу буквально захлестнула волна публикаций о поэте «Наутилуса». О нем писали буквально все: от подпольного журнала «Урлайт» до газеты Московской рок-лаборатории «Сдвиг-афиша». В «Уральском следопыте» вышло архивное интервью с Бутусовым и Кормильцевым, еженедельник «Семья» опубликовал подборку стихотворений, а «Собеседник», «Юность» и «Комсомольская жизнь» напечатали интервью с поэтом.

Надо отдать Илье должное: шум вокруг собственной персоны он воспринимал достаточно спокойно. В статусе признанного мэтра он посетил крупную научно-практическую конференцию, где в итоге сумел здорово отличиться. Собственно, из таких многочисленных историй и баек рождалась впоследствии мифология «позднего» Кормильцева.

«Волею судеб я оказался в Свердловске, где выступал с докладом „Рок-н-ролл как зеркало русской революции“, — вспоминает музыкант и музыковед Олег Сакмаров. — После семинара в грязной привокзальной гостинице состоялся банкет, где кабацкая группа все время играла песню „Скованные одной цепью“. В разгар этого праздника жизни на стул забрался странного вида человек, внешне — натуральный хоббит. Он легко

заставил всех замолчать и в одиночку, но хором исполнил песню: „Я хочу быть как Цой! И я буду как Цой!“ Меня потрясла эта интерпретация, поскольку я был уверен, что Слава Бутусов, мой любимый красавец мужчина, сочинил весь репертуар „Наутилуса“. А этот маленький человечек в очках показался мне крайне странным… В итоге впечатлений от пьяных мелодекламаций Кормильцева у меня осталось значительно больше, чем от выступлений местных рок-групп и докладчиков».

Что тут сказать? У Ильи всегда было органичное чувство юмора, а с годами оно плавно переросло в утонченную самоиронию — качество, которое, согласитесь, крайне редко встречается у российских артистов. Но и это было еще не все.

После многих лет андеграундной деятельности Кормильцеву страшно нравилось быть в центре общественного внимания. Он в очередной раз развивает бешеную жизненную активность. Со скандалом отказывается от премии Ленинского комсомола, помогает журналисту Николаю Мейнерту готовить книгу про «Наутилус» и снимается в документальном фильме молодого режиссера Кирилла Котельникова «Сон в красном тереме». Эта кинокартина рассказывает о создании и расцвете свердловского рока, и яркие монологи Ильи занимают в ней центральное место.

«Пафос разрушения плохих вещей значительно лучше, чем пафос созидания вещей ненужных, — заявляет Кормильцев, стилизовав свою речь под выступление функционера-демагога на партийном собрании. — И поэтому рок-культура, даже если она и призывает разрушать какие-то гадости, в любом случае не так деструктивна, как культура соцреализма, которая призывает эти гадости созидать».

По приглашению местной рок-газеты «Перекати поле» Кормильцев выступает в роли эксперта и резко критикует участников IV Свердловского рок-фестиваля. Больше всего достается от Ильи его боевым друзьям: Саше Пантыкину, Леше Могилевскому, Насте Полевой, а также рок-группе «Водопад им. Вахтанга Кикабидзе», которую Илья незадолго до этого хвалил в «Московском комсомольце». Из всех рок-авторитетов его мнение тогда казалось наиболее категоричным, а оценки — самыми экстремальными.

Необходимо отметить, что специально для Кормильцева — как незаменимого VIP-деятеля — этот фестиваль записывался на видео. Самого поэта в тот момент в городе не было, причем — по весьма уважительной причине. Дело в том, что спустя пару лет после Ревды в его жизни нежданно-негаданно всплыл «итальянский след», и нужные люди вспомнили про незаурядные

лингвистические способности и навыки Ильи.

Так случилось, что летом 1989 года по инициативе местных спелеологов Мака пригласили участвовать в международной экспедиции в Таджикистан. А именно — выступить в роли переводчика во время похода в одну из самых глубоких пещер Средней Азии, изучать которую предполагалось совместно с итальянскими коллегами. Это был настолько неожиданный вызов судьбы, что Кормильцев его с радостью принял.

Вскоре выяснилось, что новое приключение несет в себе массу приятных моментов. Во-первых, Илья мог в очередной раз потренироваться в итальянском, напрямую общаясь с носителями языка. Это было ему жизненно необходимо, поскольку Кормильцев уже получил известность в литературной среде как автор таких переводов, как «Избранное» Джованни Папини, «Сердце» Эдмондо Де Амичиса, а также сказки Карло Коллоди «Приключения Пиноккио».

Во-вторых, участие в экспедиции давало возможность Илье побывать с ответным визитом в Италии. Кроме того, его «профессорский» гонорар за обе экспедиции позволял закрыть многочисленные семейные долги, которые накопились у него за время бездействия «Наутилуса».

И наконец, поэт мог отвлечься от неприятных событий вокруг группы, идеологи которой героически доделывали крайне неудачный саундтрек к фильму «Человек без имени». В тот момент два бывших архитектора, запершись на подмосковной даче, семимильными шагами двигались к трагической развязке, к финалу своей главной творческой неудачи. Со стороны это напоминало тупик.

Ощутив жесткость новых московских реалий, Кормильцев дал несколько язвительных интервью, в одном из которых честно признался: «Этот год я занимался не столько „Наутилусом“, сколько другими вещами. Тот материал, над которым сейчас работают Бутусов с Умецким, написан еще осенью прошлого года. С трудом представляю, чем они занимаются. Приходится судить по конечному результату. Последний раз я их видел по телевизору. Это произвело на меня удручающее впечатление. Там сейчас все решают другие люди, московско-ленинградские, в основном не имеющие отношения к музыке».

Пока вокруг «Наутилуса» творилась страшная неразбериха, Кормильцеву и подоспело заманчивое приглашение посетить Таджикистан. Бурно развивающийся роман со спелеологами носил условное название «пробить железный занавес». По инициативе своего приятеля Александра Вишневского поэт «Наутилуса» созвонился с коллегами из Италии и пригласил

их вылететь с научно-исследовательской экспедицией в СССР. По большому счету это мероприятие происходило в обход любых госструктур и было построено исключительно на энтузиазме его участников. Это было именно то, за что любил жизнь Илья Кормильцев.

Акция называлась «Самарканд-89» и планировалась Вишневским так. Команда из двух десятков русских и итальянских искателей приключений дружно вылетала из Москвы в Душанбе. Там, продвигаясь на машинах в сторону афганской границы, они должны были разбить лагерь в горах и исследовать глубочайшие пещеры Средней Азии: Фестивальную и Бой-Булок.

В этом походе Кормильцеву, скажем честно, приходилось непросто. В отличие от Ревды здесь Илья оказался единственным переводчиком. Его ежедневная занятость равнялась 12–15 часам в сутки. Маку пригодился его опыт геологических экспедиций в школе и военных сборов после университета. Наряду со всеми участниками Илья жил в палатке, ночевал в спальном мешке, ел из походной миски невкусные консервы. Как ответственный человек, таскал в горы тяжеленное снаряжение и транспортные мешки с продуктами. По собственному желанию спускался в подземные залы, периодически участвуя в «забросках» и штурмовых группах.

Порой Кормильцев надевал каску и комбинезон, часами путешествуя в безмолвном царстве сталактитов и сталагмитов с фонариком в руках. Правда, вылезая потом на белый свет, громко и смачно ругался. По воспоминаниям участников похода, самое мягкое выражение в его устах звучало как: «В какое же говно вы все меня засунули?!» Затем начинал отряхивать прилипшую глину и громко смеяться.

Уже на старте экспедиции Кормильцев набрел в небольшом поселке Байсун на забытый богом и людьми ветхий книжный магазинчик. Познакомившись с продавцом, Илья обнаружил в пыльной подсобке настоящий рай. На изумленного поэта обрушился целый склад дефицитной интеллектуальной литературы, которую никто из местных никогда не читал. Они почти не говорили по-русски, вели патриархальный образ жизни, и книги интересовали их исключительно на уровне школьных учебников.

При виде этого богатства глаза Кормильцева блеснули азартным огнем, и в считаные минуты он скупил столько книг, сколько смог унести из магазина вместе с друзьями. Основной своей находкой Илья считал огромный русско-таджикский словарь, выглядевший как очередной том Большой советской

энциклопедии, которую он запоем читал в детстве.

Кормильцев не расставался с книгой и таскал ее в горный лагерь на высоту более 3000 метров. Там, обдуваемый всеми ветрами, в условиях высокой солнечной радиации, он садился в тень и начинал штудировать этот талмуд. Мак был по-настоящему счастлив и старался не обращать внимания на ироничную реакцию земляков и особенности капризного климата.

Как бы там ни было, штурм очередного незнакомого языка не прошел для Ильи бесследно. Примерно через месяц он уже мог общаться с пастухами в горах, а спустившись в долину, любил вести в кишлаках долгие философские беседы с гостеприимными таджиками. Сидя, поджав ноги, на уютном ковре, поэт мог часами пить чай и, соблюдая местный этикет, непринужденно общаться с хозяевами. Наблюдая такие сюрреалистические беседы инопланетян, итальянские партнеры прямо в юрте периодически теряли дар речи. Как справедливо утверждал один из восточных мудрецов, «поместите художника в незнакомое место, и это место его разбудит».

Через несколько месяцев после поездки в Среднюю Азию команда Александра Вишневского совершила ответную экспедицию в итальянские пещеры. Правда, добираться до них пришлось достаточно долго — вначале самолетом до Москвы, затем — поездом до Будапешта. Потом последовала пересадка до города Тревизо, где на вокзале их радостно встречали местные исследователи, одетые в одинаковые футболки, на которых огромными буквами было по-русски написано «НИ В ПИЗДУ, НИ В КРАСНУЮ АРМИЮ».

Жизнь у советских туристов в Италии постепенно налаживалась. К примеру, Кормильцев, имея опыт спонтанной загранпоездки в Финляндию, блестяще реализовал на практике экономическую схему «спрос рождает предложение». Долго и не без задней мысли общаясь с итальянцами в Таджикистане, он четко усвоил, что дефицит, оказывается, существует везде. И даже на Апеннинах. Предметом первой необходимости, как ни странно, оказались элементарные каталитические грелки, которые безупречно поддерживали температуру тела альпинистов в горах или спелеологов в холодных пещерах.

В Италии подобная продукция не производилась, а в Свердловске ушлый Кормильцев резво приобрел целый мешок недорогих грелок. Покупал он их в магазине «Охотник», том самом, где в школьном возрасте находил взрывоопасные химикаты. Теперь довольный Илья выезжал в итальянскую командировку полностью упакованным — с формальной суммой

в кошельке, равной тридцати долларам. Но скажите, когда Илью Кормильцева смущали подобные вещи?

«Каждый из русских гостей привозил в Италию какие-то подарки, — вспоминает участник этой экспедиции Максим Климов. — Кто-то взял матрешки, кто-то — сувениры из уральского камня. Но только у Ильи оказалась правильная предпринимательская жилка. В таджикских горах он сильно намерзся и быстро понял, что каталитическая грелка будет востребована любыми пещероведами. Кормильцев прекрасно знал итальянский и смог разрекламировать свой товар настолько хорошо, что вся партия у него ушла влет. Грелка, которая стоила в России семь рублей, оценивалась им примерно в двадцать долларов. К концу поездки он продал их все».

Лихо впарив обмороженным скалолазам вожделенные грелки, Илья на вырученные деньги приобрел чуть ли не первый на Урале компьютер. В аэропорту Шереметьево эту бесценную технику проносили сквозь таможню буквально по частям: кто-то из друзей вез монитор, кто-то клавиатуру, а кто-то прятал в ручной клади железо и основные детали.

Необходимо заметить, что параллельно своим бизнес-победам Илья скрупулезно изучал экскурсионные пещеры, встречался со старыми приятелями по Ревде и общался с местными историками, сканируя в голове многие тонны информации. На этот раз вместо словаря он таскал с собой толстенный Коран, резонно полагая, что для чтения священных книг ему «нужен разреженный воздух высокогорья, без бешеного ритма жизни внизу».

Не всем известно, что по результатам этих экспедиций Кормильцев написал целый философско-исторический трактат на итальянском языке, который затем вошел в книгу «Пещеры и история Центральной Азии», выпущенную ограниченным тиражом. Его статья «Имя стены» посвящалась старинным караванным путям, затерявшимся в горах стенам и перевалам, сражениям времен Александра Великого — и заканчивалась удивительным по красоте финалом. Любопытно, что этот текст был написан спустя всего несколько месяцев после исторического падения Берлинской стены:

«Сказание не имеет окончания. Вопрос остается без ответа. Среди всех стен Азии, описанных в древних текстах, мне не удалось с уверенностью выделить нашу. Может быть, кто-нибудь поприлежнее меня все-таки сумеет найти правду. Впрочем, любой опыт может послужить уроком. Урок этого маленького исследования прост: все стены однажды рушатся. Мы это отлично знаем. Некоторые важные обрушения мы видели

недавно своими глазами. Никакое дело — неважно, правое или неправое, — нельзя выиграть под защитой стены. Стены рушатся и хоронят под собой имя архитектора. К несчастью, непреложна и другая истина: люди строят новые стены. Всегда».

Часть III. Шоу-бизнес 1990-1998

Жизнь без Кормильцева

Стихи — безнадежно семантический вид искусства.

Иосиф Бродский

Девяностые начались для «Наутилуса» на хмурой ноте. Бутусов, помаявшись в Москве, окончательно переехал в Питер. После болезненного разрыва с Умецким он временно открестился от общения с прессой, сменил друзей и в очередной раз попытался начать жизнь заново.

Слава собрал практически новую рок-группу, сделав упор на музыкантов, игравших модную инди-музыку: Гогу Копылова из «Петли Нестерова», Сашу Беляева из «Телевизора», Олега Сакмарова из «Аквариума». Теперь «Наутилус» состоял из ленинградских музыкантов плюс великолепный Джавадзаде на барабанах.

Новая гитарная концепция подразумевала нетрадиционное исполнение песен, написанных Бутусовым за последние несколько месяцев. Аналогичные тенденции прослеживались и с рок-лирикой. В тот период Слава пытался обойтись в текстах собственными силами, словно бросая вызов самому себе: смогу или не смогу? В каком-то смысле это была, как он любил говорить, «проверка на вшивость». И эту проверку восставшему из пепла «Наутилусу» предстояло пройти на грандиозном фестивале «Рок против террора», в котором приняли участие практически все ведущие группы страны.

Дело было в московском Дворце спорта «Крылья Советов» весной 1991 года.

Фестиваль начался еще на Ленинградском вокзале, где прибывшую из Питера внушительную рок-делегацию встречал бравурными маршами военный оркестр. Следующим пунктом акции оказалась пресс-конференция, состоявшаяся в одном из залов «Комсомольской правды». Журналисты, как правило, задавали поверхностные вопросы, сквозь которые музыканты продирались с превеликим трудом, пытаясь сказать что-нибудь значимое.

В монологе Бутусова — чуть ли не первом за последние полтора года — выделялось несколько моментов: о закрытии телепрограммы «Взгляд», о политической ситуации в стране и о

взаимоотношении армии и народа. Изначально не большой любитель крупных рок-тусовок, Слава придерживался того мнения, что в нынешнее время выступление в хорошей компании просто необходимо.

«Мы — злоумышленники по духу, — заявлял он, — и для проведения общей политики нужно действовать совместно, чтобы не скиснуть. И чтобы нас всех по одиночке не придушили».

Фестиваль «Рок против террора» состоялся через день и представлял собой восьмичасовое шоу, которое снимала телекомпания «ВиД». Когда на сцене объявили «Наутилус», в переполненном партере поднялся дикий визг. Одетый во все черное секстет музыкантов начал выступление с недавно отрепетированной «Монгольской степи». Затем пошли «Новые легионы», «Эти реки», «Князь Тишины» и — в качестве коды — «Бриллиантовые дороги».

Московские фанаты стояли в полной растерянности. Перед ними находился совсем другой «Наутилус», который связывали со старой группой лишь вокал Бутусова и новые тексты Кормильцева:

Ваську Кривого повязали во сне
И доставили в город на суд.
Жарко ныне судейским — они не таясь
Квас холодный стаканами пьют.
А над ними — засиженный мухами герб,
Страшный герб из литого свинца.
А на нем — кровью пахаря залитый серп
И молот в крови кузнеца

Это был принципиально другой подход к слову и звуку, к аранжировкам и построению композиций. В музыке «Наутилуса» модели 1991 года не осталось слащавого мелодизма, не было традиционного поп-тандема «клавиши — саксофон», куда-то пропала былая помпезность. Взамен появились скрытый нерв, внутренний надрыв, тяжелые барабаны и жесткая гитарная динамика, заструктурированная в сложные ритмические узоры. Прогнозировать, чего можно ожидать от такой группы, не мог, пожалуй, никто. На фоне остальных рок-монстров, от выступления которых на фестивале осталось ощущение «он пугает, а мне не страшно», «Наутилус» в этой непростой обстановке развала страны даже не пытался пугать. Но аура вокруг его выступления создалась страшная. И многие из зрителей чувствовали это.

Самая примитивная ассоциация, которая оставалась от концерта, — это ожидание приближающегося конца света. За спиной «Наутилуса» в тот момент проглядывал патологический

страх — страх жизни (и это не голословное утверждение), страх выбора, страх любви. В принципе, под эти композиции можно было даже танцевать — только это были бы танцы во время чумы. За двадцать минут этого аскетичного шоу на глазах у зрителей прошла вся драматургия вселенского ужаса, впоследствии нашедшая свое отражение в альбоме «Титаник».

«Такая программа вряд ли могла появиться у нас несколько лет назад, — признавался Бутусов в одном из интервью. — Все-таки раньше у “Наутилуса" были немного другие музыкальные наклонности и другой подход к аранжировкам. Для нашего собственного развития нам надо было немного пошуметь, так что этот крен носит чисто экспериментальный характер. Было бы неплохо иногда впадать в крайности — для того, чтобы до конца пройти все стадии переходного периода».

Вспоминая о переменах в музыке, нельзя не упомянуть о том, что представляла собой подводная часть айсберга и, в частности, административная кухня «Наутилуса».

Дело в том, что от «переходного периода» в наследство группе досталась разношерстная компания администраторов, которые до этого занимались совсем не музыкальным бизнесом. В частности, промоутер Дмитрий Гербачевский работал директором картин на «Ленфильме», а его помощник Михаил Милагин был сыном директора тюрьмы «Кресты» и долгое время числился главным инженером на станции техобслуживания.

После авантюрной поездки летом 90-го года на «New Music Seminar» стало очевидно, что Гербачевский начинает плавно спиваться. Находясь в Нью-Йорке в измененном состоянии сознания, он потерял загранпаспорт, а когда проходил американскую таможню, музыканты держали его под руки с обеих сторон.

«Нам надоело перевозить это бревно через границу!» — было единогласно решено на профсоюзном собрании группы. Народному терпению пришел конец, после чего коллектив остался без промоутера вообще.

На «совет старейшин» в срочном порядке был вызван Борис Агрест — директор «Наутилуса» 1988 года, человек, деловые качества которого заслуживают отдельной книги. К этому моменту Агрест перерос невинные рок-н-ролльные забавы и занимался экспортом-импортом всевозможного сырья в промышленных масштабах. В качестве замены Гербачевскому он предложил кандидатуру Андрея Кузьмина, который в свое время выполнял функции роуд-менеджера «Наутилуса». Мишу Милагина в итоге решили оставить — человеком он был ловким, и ему поручили заниматься изданием плакатов и кассет в центре

под названием «Наутилус».

В это время Милагин успел зарегистрировать вверенное ему предприятие при Управлении культуры Ленинграда, поскольку в те времена с организаций, связанных с культурой, не взимали налоги. При первой же серьезной финансовой проверке выяснилось, что вместо выполнения своих прямых обязанностей центр под маркой «Наутилуса» торгует финской сантехникой и стиральными машинами. После этого сотрудничество с Милагиным завершилось — первая попытка создания собственной юридической фирмы ознаменовалась полным крахом.

«Наш офис находился тогда во Дворце молодежи, — вспоминает флейтист Олег Сакмаров. — И я этому факту очень поразился, потому что, к примеру, в “Аквариуме” такого даже в самых смелых мечтах не было. А тут настоящий офис, секретарши стучат пишущими машинками, идут переговоры и происходит какая-то непонятная жизнь. Со стороны все это выглядело, как американские фильмы типа “Аферы”!

Просто Голливуд какой-то... Но никаких финансовых радостей музыкантам это не приносило. Директора менялись, но присутствовало неподдельное ощущение, что тебя хотят наебать. А Бутусову было все равно, как всегда. Я подошел с этим вопросом к Славе и спросил: “А почему так?" Он на меня изумленно по смотрел и глубоко вздохнул. Это было все равно что грустную, гениальную птицу спросили бы о чем-то. И я понял, что обратился совершенно не по адресу».

Ничего странного.

Вокруг царила эпоха безвременья, и, что произойдет в стране не следующий день, не знал никто. Похожий по настроению пейзаж нарисовался в итоге и у менеджмента беспризорной на тот момент рок-группы.

Следующим техническим директором, покинувшим «Наутилус», стал Андрей Тарасенко, который спродюсировал на «Русском диске» выход нового альбома «Родившийся в эту ночь» тиражом около полумиллиона экземпляров.

В разгар инфляции в это дело нежданно-негаданно вмешалась администрация группы «ДДТ», суетливо сообщившая Бутусову, что Тарасенко сбивает «нормальные цены» и задешево продал «Русскому диску» фонограмму.

Не сильно пытаясь вникнуть в нюансы, Бутусов устроил Тарасенко фирменный разнос: «Мы очень подводим наших коллег! А конкретно подводишь ты!»

В итоге Тарасенко покинул группу с расплывчатой формулировкой «по собственному желанию».

Вскоре на тусклом финансовом небосклоне возникла сказочная фигура Ирины Аскольдовны Воскобойниковой, работавшей бухгалтером нескольких кинокартин и обладавшей феноменальней способностями в плане коммуникаций с представителями бирж, банков и крупных финансовых структур.

«Наутилусу» она пообещала создать при киностудии собственную базу. «Я возьму в банке кредит, перекрою им ваш предыдущий кредит, и мы будем жить как у Христа за пазухой, — поклялась Ирина Аскольдовна. — Под маркой “Наутилуса” мы будем снимать фильмы и иметь огромный коммерческий успех».

Наивный Бутусов легко ей поверил, поскольку на первых порах ничто не предвещало беды. Воскобойникова подкупала всех в финансовом мире своей серьезностью и солидностью. Она набрала кредитов и организовала при «Ленфильме» Творческий экспериментальный центр, в котором хранились трудовые книжки музыкантов, менеджеров и администраторов. Доверие Славы она купила не слишком дорогой ценой, отсняв при помощи своих болгарских друзей несколько видеоклипов спорного художественного достоинства. Часть съемок проводилась в Сочи — естественно, в самый разгар курортного сезона.

Пока «Наутилус» колесил с концертами по стране, Творческий экспериментальный центр жил своей насыщенной жизнью. Как выяснилось позже, весьма оригинальной. Примерно через полтора года в новоявленную организацию «Рога и копыта» с аудиторской проверкой пришли мрачные люди в штатском. В процессе ревизии выяснилось, что Воскобойникова брала немыслимые деньги у каких-то бирж под создание фильма о «Наутилусе», а затем, под предлогом инфляции, значительную часть средств вкладывала в антиквариат и недвижимость.

С документами и финансовыми договорами творилась полная неразбериха Когда представители ОБХСС встретились с рок-группой, они искренне пытались понять, а куда же, собственно говоря, подевался весь этот антиквариат. Всем было сложно поверить, что так просто и в таких масштабах совершались немыслимые финансовые махинации. Затем произошла немая сцена, достойная пера классика. Надо было видеть лица музыкантов, когда ревизоры стали выяснять, не дарила ли им бывший бухгалтер шахматный набор со стойкой из малахита и золотыми фигурками...

В скобках заметим, что после выхода из тюрьмы финансовая звезда «Наутилуса» продала свою квартиру, раздала часть долгов и организовала Центр экстрасенсорики, который, в частности, пытался определять местонахождение пропавших родственников или украденных автомобилей. К слову, трудовых книжек

музыкантов с тех пор так никто и не видел.

Что же касается нового директора Андрея Кузьмина, то вскоре музыканты стали замечать, что концертов играется много, а наличных денег выдается на удивление мало. На все вопросы Кузьмин уверенным голосом автоответчика заявлял что группа «не пользуется популярностью». Его лукавые глазки при этом шустро бегали по сторонам.

Уход Кузьмина был делом времени. Он произошел во время осеннего тура 1991 года. Этому событию предшествовал «инцидент в Одессе», когда подвыпивший Кузьмин попытался провести мимо бойцов ОМОНа в гримерку разукрашенных жизнью барышень из ближайшего приморского кабака.

«Ты кто такой? Чего прешься в гримерку?» — спросили омоновцы, на что Кузьмин лихо ответил: «Да вы что, охуели? Я — Кузьмин!!!» Ему почему-то тут же больно ударили по почкам, добродушно приговаривая при этом: «Мы шо, в Одессе Кузьмина не знаем?!»

Буквально через несколько дней сильно подвыпивший Кузьмин бодро заявил Бутусову, что покидает «Наутилус», так как ему предложили быть директором то ли «Русских медведей», то ли «Красных ястребов».

«Мы, очень удивленные, спросили у него, — вспоминает Бутусов: “А кто это? Бандиты, что ли?” На что Кузьмин гордо ответил, что его теперь ждут большие дела, а “Русские медведи” — это перспективная команда, играющая в американский футбол».

После этого Кузьмин со смаком признался, как обманывал музыкантов и сколько денег воровал, пользуясь двойными договорами.

Безнаказанно покинув «Наутилус», Кузьмин оставил в группе своего приятеля Игоря Воеводина. По сравнению с предыдущими директорами Воеводин оказался порядочным человеком. «Он был и администратором, и завхозом, и всем, кем только можно», — вспоминает Бутусов.

«Воеводин был для нас всем на свете: отцом, братом, другом, — признается бас-гитарист Гога Копылов. — Он постоянно мотался с нами по городам, таскал на себе барабаны и охранял инструменты. Когда мы поздно вечером приезжали в другой город голодные, Игорь чуть ли не из-под земли находил для нас еду».

Вскоре Воеводин освоился в премудростях директорской деятельности и в ближайшие несколько лет проблем с «юридическим фасадом» у «Наутилуса» не возникало.

В начале лета 1992 года группа отыграла в Ленинграде

концерт, приуроченный к выходу диска «Родившийся в эту ночь», а затем, отказавшись от нескольких выступлений, сосредоточилась на создании новой программы.

Дело двигалось скоро и ладно. На одну из репетиций Бутусов принес наброски композиции «На берегу безымянной реки». Спев ее под гитару, Слава сказал: «В идеале она должна быть тропической. Теплой. Хорошей теплой песней». Музыканты, не сговариваясь, тут же вспомнили о ламбаде. Вернувшийся в очередной раз в «Наутилус» Егор Белкин с ходу сочинил симпатичное гитарное соло, и буквально через пару часов композиция была готова.

Особенно удачной получилась песня «Прогулки по воде». Будущий суперхит «всех времен и народов» был создан в кризисной ситуации, когда у «Наутилуса» отменились очередные концерты и музыканты сидели в холодной саратовской гостинице, злые, как черти, на весь мир.

«Пришел Бутусов и сказал: “Я вот песню сочинил на стихи Кормильцева, про апостола Андрея, давайте поиграем”, — вспоминает Олег Сакмаров. — Мы сели, и я на флейте придумал фокус, взяв в самом начале аранжировки ту же тональность и размер, что и у “Страстей по Матвею” Иоганна Себастьяна Баха. В итоге получилась красивая библейская песня, по-моему, лучшая композиция русского рок-н-ролла 90-х годов… Вот в таких антисанитарных условиях она и была сделана».

В ноябре музыканты сыграли два концерта с «ДДТ» и отправились в Москву записывать альбом «Чужая земля». В него вошло несколько песен на стихи Кормильцева: «Монгольская степь», «Эти реки», «Бесы», «Чужая земля», «Морской змей», «Летучая мышь» и «Прогулки по воде».

Готико-романтическая музыка с «достаточно жесткими, ритмичными, в меру сентиментальными композициями» нашла отклик у самых разных слоев поклонников.

Усложнение поэтических образов лило воду на мельницу таинственности. Как уже не раз бывало в истории русского рока, атмосфера пластинки залоснила некоторую аморфность и монотонность музыки. И произошло это, несмотря на то что «Чужая земля» оказалась бескомпромиссной работой — с налетом мистики в текстах и с десятком наслаивающихся друг на друга гитарных партий. Похоже, «Наутилус» выпустил именно такой альбом, какой ему давно хотелось записать.

Зимой 1992 года был подготовлен макет обложки, сделанный дизайнером «Урфин Джюса» Сашей Коротичем. Оформление винилового диска тяготело к интригующей анонимности. Вполне возможно, что этот альбом оказался одной из самых

таинственных пластинок «Наутилуса». Ни в одном из изданий «Чужой земли» не были указаны фамилии музыкантов и саундпродюсеров, в результате чего любой меломан вспоминал скажем, группу The Residents. Мало того, хитрющие картинки, иллюстрировавшие песни, служили темой для небеспочвенных домыслов о том, что в них скрываются разные варианты изображения вагины.

Стоит отметить, что параллельно «Чужой земле» вышли еще две архивные пластинки — «Разлука» и концертный альбом «Отбой». Примечательно, что ни на одном из этих трех дисков не была упомянута фамилия Кормильцева. Ее не было ни на пластинках, ни на обложках — в общем, нигде. Музыканты «Наутилуса» клянутся, что это было простое недоразумение. Можете вместе со мной им смело поверить.

Возвращение

Бесовщина у нас всегда присутствовала, и многие песни были о соблазнах и искушениях. Чтобы знать, что есть белое, надо увидеть черное.

Илья Кормильцев

Презентация «Чужой земли», прошедшая в Москве, Питере и Свердловске, носила чуть ли не истерически восторженный характер. Реакция поклонников на новый альбом превзошла тогда все ожидания. Возможно, свою роль сыграли видеоклипы и раскрученные по радио песни «На берегу», «Монгольская степь», «Чужая земля», не говоря уже о «Прогулках по воде». В итоговом хит-парада «Московского комсомольца» альбом попал в «Топ-10», Бутусов вошел в число лучших рок-вокалистов, а группа очутилась в категории «Возвращение 1992 года».

Это были неплохие новости, но отнюдь не они определяли настроение внутри коллектива. Самым весомым приобретением этого периода оказалось возобновление сотрудничества между Бутусовым и Кормильцевым.

Сейчас становится понятным, что начало девяностых оказалось для Ильи крайне мутным и трудным временем. Взлеты сменялись падениями, а громкая слава — многомесячной тишиной и унынием. После поездки в Италию у Кормильцева вышла небольшая книга стихов «Скованные одной цепью», которую обрамляли рисунки Бутусова с сопроводительным текстом Андрея Макаревича на задней обложке.

«Помню, как резанули меня песни “Наутилуса” — писал идеолог “Машины времени”. — Конечно, и музыка, и удивительный, ни на что не похожий голос, но слова... Жесткие, точные, без лишних связующих. Они били в цель, как одиночные выстрелы. Потом я узнал, что пишет стихи для группы некто Илья Кормильцев. А потом мы приехали в Свердловск, и Слава Бутусов нас познакомил. Я ожидал увидеть еще одного из "Наутилуса", такого бледного героя рок-н-ролла. А увидел коротко стриженного человека в очках, с совершенно несценической внешностью. Он скорее напоминал физика из фильмов шестидесятых годов. Потом я понял, что мастер совсем не

обязательно должен быть похожим на свое изделие. А перед нами, безусловно, изделия мастера».

После презентации в Свердловске Илья остро почувствовал, что книга закрыла определенный этап его жизни. Теперь, говоря современным языком, для него наступил период старт-апов и всевозможных инноваций.

Пытаясь найти себя заново, Кормильцев резко переключился на массу новых проектов, никак не связанных с музыкой: от увлечения переводами Толкиена до выпуска вместе с Андреем Матвеевым нескольких номеров культурологического журнала «МИКС. Мы И Культура Сегодня». Кроме того, Мак несколько раз съездил в уже ставшую ему родной Италию. Причем путешествовал он туда с самыми разными целями: начиная от поездки на джазовый фестиваль в Перуджу и заканчивая контрактом в Турине — по подготовке технических документов для строящихся в России новых итальянских заводов.

На шальные переводческие гонорары Илья слегка безрассудно покупает дачу в поселке Коркодино, находившемся на границе с Челябинской областью. Пилить туда на поезде надо было не менее двух часов, но Кормильцеву подобные приключения оказались по душе.

В огромном деревянном доме Мак старался уйти от суеты и слиться в мыслях с вечностью. Иногда вывозил на дачу семью, жарил шашлыки или ездил с друзьями собирать грибы — и пытался отдыхать душой. Это была его новая религия, новый стиль жизни — внимательного мужа и заботливого отца-философа. О «Наутилусе» он старался не вспоминать, интервью не давать, Бутусову не звонить. Как выяснилось со временем, многие музыканты «Наутилуса» отвечали Илье полной взаимностью.

«Виртуальное присутствие Кормильцева в группе чувствовалось всегда, потому что его фигура обсуждалась за каждым стаканом, — вспоминает душевную атмосферу начала 90-х Олег Сакмаров. — Тексты Ильи тщательно анализировались на предмет их полного несовершенства. Это делали все, кроме Бутусова. В “Наутилусе” тогда играл Егор Белкин, муж Насти Полевой и автор всех композиций группы The Beatles, как он, ха-ха, наверное, считает. Основным мотивом его разговоров был следующий посыл: Вот мы ездим, корячимся по всем этим жопам... А некоторые сидят у себя в квартире, в довольстве и тепле, и получают за это деньги!” Мол, накропали сомнительных стишков и имеют за это столько же, сколько мы за все концерты. Каждая вторая из песен Ильи подвергалась критическому анализу. И чем сильнее понималось в “Наутилусе”

несовершенство текстов Кормильцева, тем сильнее мне казалось, что человек пишет просто гениальные стихи».

До Ильи подобные настроения внутри группы, так или иначе, доносились. Он временно затих и затаился, но, как выяснилось позднее, совсем ненадолго.

«В 1992 году в “Наутилусе” появился Игорь Воеводин, который сразу сказал: “Что это такое? Почему нет Ильи? Нам надо писать новые песни”, — вспоминал впоследствии Кормильцев. — Воеводин — человек совершенно другого склада, чем предыдущие директора. И у меня стал устанавливаться с ним контакт. Он пригласил меня на юг — отдыхать вместе с группой. Я съездил и начал возобновлять отношения с Бутусовым».

Несмотря на локальные интриги в группе и общий беспредел в стране, на горизонте у Ильи наконец-то замаячила другая жизнь. Помучившись некоторое время, он принял решение уехать в столицу «на заработки», оставив в Екатеринбурге больную бабушку, маму Свету, жену Марину, троих детей и огромное количество друзей.

«Когда Илья перебрался в Москву, в Свердловске наступили очень грустные времена, — вспоминает Саша Коротич. — Было очень мрачно и уголовно. Людей убивали прямо среди бела дня, и, когда темнело, на улице никого уже не было. Никаких заведений, мест, чтобы вечером встретиться, что-то организовать и пообщаться, в принципе не существовало. Сейчас Екатеринбург — веселый город, в котором можно и поесть, и повеселиться. А тогда на дворе стояло мрачное время, и нам всем было очень тоскливо».

Подсев на проверенный жизнью наркотик ураганной рок-н-ролльной жизни, Кормильцев стал обустраиваться в Москве. На первых порах он с непосредственностью провинциального родственника попытался пожить у известной в театральных кругах журналистки Марины Тимашевой, но вскоре был выдворен из дома ее супругом. Потом Илья перебрался на раскладушку к православной издательнице и переводчице Ольге Неве. А спустя несколько месяцев влюбился в симпатичную москвичку Марину Рыжонкову, с которой затем встречался в течение нескольких лет.

«У нас была большая восьмикомнатная квартира на Остоженке, в которой никто не жил, — вспоминал Кормильцев. — Там были заняты две или три комнаты, а остальные оказались доступными для размещения большого количества людей. Теоретически в других комнатах должны были жить алкоголики и бандиты, которые уже лет пять сидели в тюрьме».

Как-то ночью несостоявшийся лауреат премии Ленинского комсомола совершил взлом и вскрыл гвоздиком дверь в одну из

пустующих комнат. В итоге до весны 1994 года у поэта появился надежный тыл, а у группы — место, где можно было останавливаться во время концертов в столице. Экономия средств и энергии была очевидной.

Много и продуктивно работая над переводами вместе с Ольгой Неве, Илья неожиданно для себя оказался в среде верующих. Все, кого он встречал у нее в доме, были церковными людьми. Кормильцев оказался в этой атмосфере волей случая, поскольку в Москве только обустраивался и прочного собственного круга у него еще не сложилось.

«Илья стал по-настоящему очень близким другом, — вспоминает Неве. — Религиозное пространство оказалось ему в жутко интересную диковинку, и он с восторгом в нем поселился... Осваивался бурно, изучал, читал, спрашивал, спорил, с упоением погружался в новое для себя знание, а по воскресеньям начал ходить с нами в церковь. Окрестили мы Илью в начале 1993 года в храме Космы и Дамиана в Шубине, куда он затем регулярно ходил с нами на службы».

Насколько нелегким оказался переезд в Москву, Илья Валерьевич рассказал мне спустя два года, за которые, как выяснилось, он успел прожить целую жизнь. Сидя на его кухне осенью 1995 года, мы наговаривали на диктофон текст, предназначенный для интерактивного проекта «Погружение». И я снова включил кнопку «запись»...

Александр Кушнир:

С чего для тебя в контексте «Наутилуса» начались девяностые?

Илья Кормильцев:

Осенью 1992 года я перебрался в Москву накануне презентации альбома «Чужая земля». Тогда я сказал Славке: «Как-то мы с тобой странно живем, надо все это по-другому делать». И мы решили собраться в Москве и написать новый материал. Я притащил Бутусова на Остоженку, и мы сидели с ним и что-то писали. За этот период были написаны «К Элоизе», «Кто еще», Железнодорожник» и «Тутанхамон». Из разных альбомов на самом деле. После того как Бутусов прожил у меня две недели, у нас восстановилось плотное общение.

Я поехал на гастроли и своими глазами увидел, что обстановка в «Наутилусе» просто невыносимая. Однажды я присутствовал на уникальном концерте в городе Вильнюсе, где песню «Тихие игры» группа пыталась начать шесть раз. Три музыканта шесть раз начинали играть в разных тональностях... Короче говоря, вот такая ситуация. Весной 1993 года я ездил практически на все гастроли, в Краснодар и другие города, и

много присматривался. Потом устал. И параллельно слепил кавер-проект, который называется «Отчет», включавший в себя выпуск диска и сборные концерты. Мы решили, что будем отмечать десятилетие «Наутилуса» в Горбушке с рок-командами из Питера, Москвы и Свердловска. Вместе с Игорем Воеводиным я занимался этими проектами, и в Питере в «Октябрьском» мы все вместе тоже сыграли. А ситуация в «Наутилусе» в это время становилась все хуже и хуже... Писать новый материал никто не хочет, заниматься творчеством никто не хочет. Один только пьяный гон, озлобленные, истерические демонстрации протеста. Все пьют, и Слава от этого как-то мрачно работает.

А.К.: Новый директор тоже пил?

И.К.: Как лошадь. Ведрами. И я понял, что это — кисляк... Увидел, что Воеводин спивается вместе с группой. В последние дни работы Игоря его норма дошла до двух бутылок «Распутина» в день. Как директор он очень хороший парень — надежный, честный человек... Но совершенно не способен появляться в приличном обществе, работать с массмедиа... Способен забивать гастроли, ездить по селам и весям. Я видел, что все кисло и плачевно. Весной 93-го я сказал: «Слава, ты не устал от всего этого?»

Летом мы поехали в Ялту, где фактически закончилась директорская карьера Воеводина. Он вручил паспорта какому-то хмырю, который обещал нам достать билеты на самолет из Симферополя в Москву. С тех пор этих паспортов мы больше не видели. Это была последняя точка. У Игоря начались проблемы с лимфатической системой, он начал опухать В общем, директора пришлось выгнать. Затем было три дня безобразных разборок в Калининграде — с киданием предметов, повсеместным пьянством, матом Белкина, плевками в лицо. И я сказал: «Все, Слава! Давай закроем этот печальный этап». И мы все закрыли...

А.К.: Если вы опять всех разогнали, то с кем планировали играть? И записывать «Титаник»?

И.К.: Славка отправился заниматься демонстрационной записью «Титаника» вместе с «Аквариумом». В процессе работы в студии на Фонтанке у Бутусова начали складываться хорошие отношения с Сакмаровым и другими музыкантами. Но потом напрягся Гребенщиков. Музыканты стали обсуждать совместные поездки, и Борис начал показывать свое недовольство. Славка сразу отрулил, поскольку относится к Гребенщикову со священным трепетом. И тогда встал извечный русский вопрос: «Что делать?» Из-за отсутствия других кандидатур я взял на себя роль продюсера коллектива. Каковым фактически являюсь и по сей день. Хотя публично себя так нигде не называл и нигде это не

написано. И никогда я не получал за это никаких денег... Это был октябрь 1993 года. Я понял, что если этого не сделаю, то скоро не буду получать денег вообще. Поэтому и пошел на этот отчаянный шаг.

Насчет нового альбома я сделал предложения фирме «Фили», попросив довольно наглые по тем временам цифры. Аванс $ 15 000, неограниченное время работы в студии и роялти от продажи пластинок и кассет. «Фили» долго копались и дали ответ на два дня позже, чем «JSP» — свердловская компания, которая выпускала пластинки «Чужая земля» и «Разлука». Там работали хорошо знакомые мне люди — в частности, с Сережей Кисловым мы вместе делали альбом кавер-версий «Отчет». В его же студии, где когда-то писалась «Пятнашка» «Урфин Джюса», все было переделано и куплена новая аппаратура. И там писалось много свердловских групп: «Чайф», «Агата Кристи», альбом кавер-версий «Наутилуса». Мы туда приехали, зарекрутировали на помощь Вадика Самойлова, потому что у нас в группе осталось мало народу: Бутусов, Гога Копылов на басу и Алик Потапкин на барабанах. Приготовились работать, отказали «Филям» окончательно...

А.К.: Скандала не было?

И.К.: Был, но в другом месте. Страшный скандал разразился между двумя директорами студии. Дело в том, что один жил с женой другого — за спиной у партнера. Поскольку один из них был связан с верхушкой бандитских кругов Свердловска, он начал выяснять все именно на таком уровне. Его жена тоже нашла каких-то защитников-покровителей. Вот так мы и писали этот альбом... Я помню запись «Титаника», состоявшую из следующих компонентов. Постоянно врывающиеся в студию какие-то бритозатылочные, которые начали орать: «А ну, блядь, всем встать! Где там этот пидарас, который...» Примерно с такими текстами они выступали.

Параллельно приезжали мрачные люди из охраны банка, в котором была заложена эта студия. С суровыми лицами они накладывали печати, и помещение закрывалось... Мы то выгонялись из студии, то снова в нее приходили. Вадик Самойлов, поглощающий с подноса заказанного в хоум-сервисе, невероятное количество жратвы, два салата, два первых, три вторых, мороженое сверху и еще эклер. Помню Вадика, который облизывает эти пальцы, жирные от сала и мороженого. И тыкает ими в компьютер, а компьютер покрывается пятнами...

А.К.: И кто оплачивал этот праздник жизни?

И.К.: Сам Вадик, который очень много ест. За год до этого они записали «Позорную звезду», и как-то у «Агаты» плохо шли

дела с концертами, с директором, со студией… Они были в полной жопе, и Вадик всерьез подумывал, куда бы ему свернуть. Тем более, что отношения между двумя братьями кислородом никогда не озонировали и не были особенно братскими…

По вечерам в студии постоянно устраивались танцы и пьянки. Вадик Самойлов, Алик Потапкин и второй директор «JSP» Паша Антонов приглашали каких-то бесконечных блядей из шейпинга. Однажды они так плясали, что сломали колонки, опрокинув их на пол. В очередной раз приехали бандиты с пистолетами.

Затем в студии появился очнувшийся от пьянства Воеводин… Картина такая: я и Слава сидим в валенках. Была очень холодная зима, минус сорок. Рядом сидит Гога Копылов и грустно говорит: «Эх, хорошо было при Воеводине! Всегда полтаху нальет». Ровно в этот момент бесшумно открывается дверь в студию. На пороге стоит Воеводин, в одной руке пистолет, в другой — бутылка «Распутина». И говорит: «Я слышал, у вас тут разборки? Скажите, кто вас обижает?» А надо сказать, что Игорь сам когда-то отсидел восемь лет в местах не столь отдаленных. Вот… явился защищать нас.

А.К.: А если надо было бы нажать курок, Воеводин бы нажал?

И.К. (смеется): Я думаю, да… В общем, запись проходила в странном сочетании мрачной внешней обстановки, просто военной. Мрачного зимнего Екатеринбурга, этих бандитов, кругом снующих. Разборок, угроз, каких-то перезвонов… То исчезает первый директор, прячется на конспиративной квартире. То первый директор побеждает, второй прячется на конспиративной квартире. Студию то опечатывают, то открывают. Чья власть будет завтра, никто не знает. Но у нас было ужасно бодрое настроение. И Славка все время бодрый, несмотря на то что перенес операцию по имплантации двенадцати зубов. Судя по всему, Бутусов становится веселым, когда вокруг начинается прессинг.

А.К.: На самом деле Слава как-то вспоминал, что, когда приходили на запись «конкретные люди», ощущения были неприятными… Мол, «такой нервяк дурацкий».

И.К.: Короче, мы записали этот альбом, финансовые последствия землетрясений вокруг которого расхлебываем до сих пор. Но тут вовремя появился Александр Васильевич Новиков, который перекупил студию у Паши Антонова и Сережи Кислова, чтобы записываться на ней самому. В общем, никто не погиб, никому бандиты голову не срубили. И на том спасибо. А я переехал с Остоженки жить на Нахимовский проспект… «Наутилус» снял новую базу на «Леннаучфильме», и мы стали репетировать программу с новым составом. По поводу которого

мы с Бутусовым сидели на квартире его родителей в два часа ночи. Наевшись пельменей и напившись водки, мы раскладывали карточки, выясняя, кто с кем совместим и кого пригласить на освободившиеся места.

А.К.: Что на карточках было написано?

И.К.: Фамилии.

А.К.: И все? Без астрологических знаков?

И.К.: Славка не верит. Это я сильно верю. На клавиши рвался Мурзик из «ДДТ», на бас рассматривался Сашка Титов, потом — Серега Галанин. В итоге решили оставить Гогу Копылова. Были разговоры о нескольких питерских гитаристах, фамилий не помню. В очередной раз говорили о неизменном Пантыкине в качестве клавишника, но потом решили, что он не согласится. И остановились на варианте, который получился сейчас. Вадик Самойлов согласился играть с нами столько времени, сколько ему будет позволять «Агата Кристи». В это время у них появились средства, они связались с «Росремстроем». Им нужно было ехать гастролировать, и Вадик попросил его отпустить. Иначе его из «Агаты» выгонят. Короче, мы опять остались без гитариста. И тогда Лешка Могилевский привел своего друга Колю Петрова, с которым учился еще в музучилище Чайковского и которого знал по группе «Ассоциация содействия возвращению заблудшей молодежи на стезю добродетели». В этом составе мы и провели презентацию «Титаника».

А.К.: Вы ведь уволили Воеводина... Кто занимался менеджментом?

И.К.: Я не горел желанием заниматься концертами и рекламой. Мне казалось, что это не нужно, и кажется так до пор. Нам надо было найти кого-то, кто бы выполнял эти функции «директора в пиджаке». Еще весной 93-го года мы были на очень удачных гастролях в Израиле и там мы познакомились с Вольфом Месхи, который тогда организовывал концерты советских коллективов по Израилю. Ему помогал Макс Лейкин, у них была фирма «Вольф Энд Макс». И нам очень приглянулся Месхи своим веселым нравом, обилием фантастических идей и тем, что у него из ушей всегда идет дым от шмали. На три версты кругом...

А.К.: Добрая киевская школа...

И.К.: Мне они оба были очень симпатичны. Я всю жизнь был таким ярко выраженным юдофилом. И поэтому сразу зарубился и сказал: «Хватит с нас этих пьющих Воеводиных. Пусть лучше в директорах будет пара хитрых и ловких южных людей, умеющих всем этим воротить».

А.К.: Бутусов как-то признался, что «Наутилус» побил все мировые рекорды по количеству директоров и администраторов,

перебранных в надежде на то, что найдется кто-то, кто научит жить правильно... Очень наивно...

И.К.: Ну да... Что было дальше? Месхи и его друг Леня Ланда приехали в Москву — заниматься концертами Агузаровой. Они появились яркие, как два павлина. Сразу произвели сильное впечатление — такие экзотические райские птички: Вова Месхи — впереди, Леня, как барсучок, скромно семенит сзади, с папкой Месхи и его кошельком. Потому что Вова их постоянно теряет. Ну не может человек после двадцатого косяка помнить, где у него что находится. Как ты сказал, «хорошая киевская школа»... Они позвонили мне и спросили: «Что у вас тут происходит? Давайте мы вами займемся, раскрутим... Денег море — мы только что продали корабль со свининой и окорочками».

Мы дописали «Титаник», передали им альбом, и где-то с марта 94-го года они начали рулить нашими делами. Буквально через месяц мы провели презентацию в клубе «Карусель». Вова с Леней начали раздувать пургу вокруг «Титаника» — достаточно успешно, так как в верхних слоях шоу-бизнеса о группе уже начали забывать...

Потом мы поездили по разным городам — к слову, в очень бодром настроении. В июне дали презентацию в «России». Со всеми киевскими брейк-дансами, с девицами — как говорится, по гранд-стилю. С пафосом, который раздували Вова и Леня... Это было очень мило, то есть «Титаник» прошел достаточно хорошо. Вместо вернувшегося в «Агату Кристи» Самойлова пришел гитарист Коля Петров, который сразу включился в работу. И лето очень светлое, и Славка был в нормальном настроении.

С осени начались напряги. Первым тревожным сигналом стала поездка в Берлин — на концерт, приуроченный к выводу российских войск из Германии. Идиотская поездка, против которой мы сильно возражали. Вова и Леня позарились на нее, потому что хотели украсть много денег У Министерства культуры. А украсть не смогли, потому что их очень вежливо подвинули в сторону Бари Алибасов и Людмила Зыкина. Мол, что это еще за мелкие мальчики? Откуда они тут взялись?

Еле-еле уговорили организаторов, чтобы нас взяли. Ни о каких миллионах уже и речи не было... Мы вылетали в Берлин на военных самолетах из Чкаловска. Это был последний день воздушного моста Чкаловск — аэропорт Шперенберг. Не поддающаяся описанию неразбериха... У меня в паспорте не сохранилось никаких следов пересечения государственной границы. Никакой таможни, никаких пограничников. Мы вышли в центре Германии, и никому до нас нет дела.

Мы жутко устали после этой поездки, которая сильно

подорвала доверие Славы к Месхи и Ланде. Бутусов начал напрягаться и несколько раз проверил, сколько наши директора брали за концерт и сколько денег группа получила на руки. Цифры, естественно, не совпадали. И мы со Славой поняли, что добрая киевская школа, кроме своих плюсов, имеет и свои обратные стороны.

Внутри «Наутилуса» начался напряг, который привел к изгнанию Вовы и Лени. И по доброй традиции их место занял первый заместитель — Саша «Хип» Пономарев, который до этого работал с «Браво». У нас он появился в июне 94-го года, когда пришел помогать делать презентацию в «России». Тогда он был администратором по рекламе. В октябре 94-го года Хип был принят на должность директора группы. Увольнение происходило здесь, прямо на кухне — в составе я и Хип. Группа в это время была в круизе вместе с Месхи и Ландой... Потом вернулся из круиза Слава, и мы ему сказали: «Знаешь, мы тут Вову с Леней уволили». — «Давно пора», — мрачно ответил Бутусов. Получив санкции Славы, мы тут же собрали профсоюзное собрание на котором сообщили музыкантам об этом увольнении. После этого у «Наутилуса» профсоюзных собраний больше не было.

Связи с общественностью

Я человек, который является частью коллектива, в котором происходит коллективное творчество.

Илья Кормильцев

Закончив интервью, я обратился к Илье с просьбой. На днях он должен был улетать в Екатеринбург, а мне надо было двигаться на юг Италии, дописывать «100 магнитоальбомов советского рока». Я думал, что энциклопедически образованному Кормильцеву сама идея фолианта о магнитофонной культуре была интересна и по-настоящему близка. Поэтому я слезно упросил «великого русского поэта» взять в Екатеринбурге несколько интервью у культовых рок-музыкантов. А я за это время допишу историю «Наутилуса».

Сделка состоялась. Вскоре Илья носился с диктофоном по плохо освещенным переулкам и виртуозно пытал очумевших от такого напора уральских рокеров. Зафиксированные на пленку интервью оказались выше всяких похвал. В то же время я оперативно написал текст, составивший основу второй части мультимедийной книги «Погружение».

Пообщавшись с Кормильцевым и не без труда осмыслив услышанное, я начал делать интервью с музыкантами «Наутилуса». Это была не самая сложная задача. Гогу Копылова я помнил со времен питерской группы «Петля Нестерова», Олега Сакмарова знал по «Аквариуму», Лешу Могилевского видел еще на рок-фестивале в Подольске. Накануне одного из московских концертов я накрыл их на саундчеке. Дождавшись окончания настройки звука, я зафиксировал на пленку их доверительные монологи.

Особенно меня поразила встреча с Могилевским, с которым мы попытались обсудить грядущую презентацию альбома «Крылья».

«Я не знаю, кто у нас заведует генеральной линией продвижения группы, — признался мне саксофонист “Наутилуса”. — Цэ мне неведомо. И звонить, узнавать это я, честно говоря, не хочу. Я просто боюсь... Боюсь показаться назойливым — директору, Славе с Ильей, у которых и без этого головы пухнут.

Если хочешь, можешь считать, что ты попал в очередную кризисную обстановку. Всякий раз, когда “Наутилус” презентует альбом, начинается невроз».

Мою репортерскую работу по мультимедийным проектам Кормильцева венчала встреча с Бутусовым. Схема беседы была старая. Мне надо было «убить двух зайцев»: получить информацию по «Наутилусу» 90-х, а также пообщаться на тему «100 магнитоальбомов советского рока». Наше первое интервью состоялось осенью 1995 года в одном из номеров гостиницы «Россия» — разумеется, при активной помощи Кормильцева.

Беседа происходила перед концертом «Наутилуса» в казино «Метелица». Первые полчаса вид у Бутусова был флегматичный и традиционно невеселый. Он пил пиво прямо из бутылки, смотря куда-то под нос. Но, вспоминая запись «Разлуки» и «Невидимки», Слава взбодрился и начал рассказывать со студенческим энтузиазмом. Рискну предположить, что воспоминания молодости согревали его значительно сильнее, чем мысли о предстоящем ночном выступлении. Лишь вскользь упомянул про песни вроде «Крыльев», «Тутанхамона», «Титаника» или «Прогулок по воде».

«Все песни Ильи, связанные с одиозными вещами энциклопедической направленности, носят притчевый характер, — говорил лидер “Наутилуса”. — То есть они выстроены на основе какого-то сюжета».

Кормильцев сидел поодаль и время интервью не проронил ни слова. Ни разу. Зная словоохотливость Ильи, я был поражен. Во всем этом молчании мне виделись огромная теплота и неподдельное уважение к Славе.

Пообщаться с Кормильцевым мне удалось лишь в «Метелице», заказав столик неподалеку от сцены. Правда вначале мы лицезрели так называемый концерт.

Мягко говоря, это было не лучшее выступление «Наутлиуса». Был будничный вечер, и казино кишело блядями и бандитами. Чувствуя это, Слава пел так, словно его сейчас расстреляют. В зал он пытался не смотреть и пару раз забывал слова. Группа спала прямо на ходу… Зрелище было так себе. Забудем скорее.

На следующий день мы продолжили общаться с Ильей на тему новейшей истории группы.

А.К.: Похоже, что сразу же после «Титаника» ты начал писать «Крылья»?

И.К.: История с «Крыльями» очень странная. На самом деле, там мало новых песен. Потому что они туда не попали — по тем или иным причинам. «Крылья» состояли в основном из поэтического материала, написанного одновременно с

«Титаником». Музыка к нему во многих случаях написана значительно позже. Новых песен там раз-два — и обчелся... «Золотое пятно», по-моему, вообще было написано одновременно с «Бриллиантовыми дорогами». Слава отнесся к новому материалу достаточно настороженно, потому что он оказался агрессивным, суицидальным и гранжевым по своей фактуре. Там преобладают сильные эмоции и довольно грубая форма высказываний... Славка очень боится. К сожалению, у него почему-то присутствует железное желание быть children kissing motherfucking corporated rock star. Очень ему нравится быть хорошим, таким вот семьянином во всех СМИ. Не нравятся ему эти эмоции. «Поздно ты, Кормильцев, собрался панком становиться», — сказал Бутусов, прочитав этот материал.

Первоначальное название альбома «Усталость» — по одноименной песне, которая начинается со слов, которые Бутусов никак не приемлет: «Если встречаюсь с ворами, мечтаю всадить в них свинец. / Не думай, что это безумие, я просто сошел с ума наконец. / Это усталость, это просто усталость». У этой песни есть мелодия, достаточно жесткая... Но потом Слава сказал, что не хочет делать никаких заявлений. Что мы берем на себя большую ответственность.

А.К.: Поговорим о форме. Как в период «Крыльев» у вас родилась идея смены прически?

И.К.: Мы со Славкой говорили об этом еще зимой. Тогда я в шутку сказал, что к новому альбому нужна новая кожа. Надо как-то по-другому выглядеть. Мол, давно мы шуток не шутили. Очевидно, У Славы в подсознании это осело, и через два с половиной месяца он предстал передо мной в новом облике. Я приехал в Питер, позвонил ему в дверь, совершенно не зная, что он постригся. Бутусов открыл дверь, абсолютно лысый, а я сказал ему: «Ну, здравствуй!» А Славка ответил: «Ну, у тебя и нервы!» Короче, я вообще никак не отреагировал... Я побрился наголо спустя два месяца после этого. Было непредсказуемое желание. Это как-то автоматически произошло. Я чувствовал, что это нужно. Мне какой-то голос сказал во сне: «Побрейся!» Наверное, мне в голову подсознательно пришла мысль, что было бы клево, если во время пресс-конференции рядом сидело два таких вот безволосых человека. Ну, я и побрился. А через несколько дней мы с тобой познакомились...»

Жизнь «Наутилуса» тем временем шла своим чередом. Раскрутка не вышедшего альбома «Крылья» началась со скандала. Известие о том, что «Европа Плюс» получила на месяц эксклюзивные права на трансляцию нового материала «Наутилуса», вызвало бурную реакцию других радиостанций. В

частности, «Радио Максимум» решило вообще бойкотировать альбом и группу.

«Даже если от слушателей поступят заявки на новые песни “Наутилуса”, то очевидно, что пока они выполняться не будут, — заявил программный директор “Радио Максимум” Михаил Козырев. — Я считаю что музыка принадлежит всем... И надеюсь, что наши слушатели отнесутся к этому шагу с пониманием. Я вполне осознаю, что это — очень радикальная мера. Но с ее помощью я надеюсь показать музыкантам, что такой метод раскрутки альбома нецивилизован».

Ответный ход не заставил себя долго ждать. Заявленный хедлайнером «Наутилус Помпилиус» выступать на рок-фестивале «Максидром» отказался. Для организаторов с «Радио Максимум» это был сильный удар.

На войне как на войне. Следующая битва происходила между звукозаписывающими компаниями — вышеупомянутой фирмой «JSP» и новым лейблом «Апекс Рекордз». Обе организации решили одновременно выбросить на рынок два альбома «Наутилуса»: «JSP» выпускал архивный «Человек из ниоткуда», а «Апекс Рекордз» — «Крылья».

В один прекрасный момент до руководства «Апекс Рекордз» доперло, что с такими раскладами музыкальный рынок будет перегружен «Наутилусом» и они не смогут отбить $ 100 000, вложенные в рекламную кампанию «Крыльев». В итоге представители звукозаписывающей в резкой форме выразили свое недовольство в адрес конкурентов. «Ситуация усложняется тем, — писали газеты, — что на все телефонные звонки, исходящие от ”JSP”, члены группы “Наутилус Помпилиус” не отвечают».

Узнав о конфликте из прессы, я понял, что ситуация с загрязнением СМИ ненужной информацией контролируется в «Наутилусе» слабо. Точнее, вообще не контролируется. Я спросил Илью, что он думает по этому поводу, но продюсер/поэт пустился в при странные рассуждения о том, что роль пресс-службы в «Наутилусе» выполняют сразу несколько человек: сам Кормильцев, Саша «Хип» Пономарев и представители лейбла. Музыкально-информационного агентства, ответственного за «связь с общественностью», у группы толком не было. Да, пожалуй, в 1995 году ни у кого из русских артистов пресс-службы не было. Так тогда и жили...

К самим журналистам Илья Валерьевич относился в ту пору с недоверием, а порой и с легким презрением. Вспоминаю, как во время одного из завтраков он откровенно признался:

«В начале девяностых всесоюзная рок-пресса здорово помогла группе, вытащив "Наутилус” из того места, в котором он

находился. Но в дальнейшем массмедиа исчерпали свой энтузиазм. Сегодня журналисты чувствуют себя особенно хорошо, только кого-то похоронив, поплясав на его могиле и пописав на нее. Без этого они считаются как бы несостоявшимися. Большая часть их не верит ни во что, кроме денег, да и в те не особенно верит».

Говорил так жарко Илья Валерьевич вовсе не беспочвенно. В его памяти еще были свежи эмоции от пресс-конференции «Крыльев», которая предшествовала выходу альбома. Кормильцев отнесся к этому мероприятию с отеческой любовью. Для всех представителей СМИ были подготовлены сброшюрованные пресс-релизы, стилизованные под обложку «Крыльев». В те славные времена факт существования у артиста внятных комментариев к альбому был чем-то сродни культурной революции в Китае.

Находящийся внутри пресс-релиза развернутый текст был настоящим бенефисом Кормильцева. Причем составленные поэтом «Наутилуса» аннотации к новым песням порой воспринимались ярче, чем сам предмет исследования. Судите сами:

«Песня «Крылья связана с проблемами общения с девушками в условиях становления капиталистического общества»;

«Небо и трава» — религиозный спор опять же с девушками, приспособившимися к существованию в становящемся капиталистическом обществе»;

«Кто еще» — попытка с помощью девушки спасти нарождающееся капиталистическое общество»;

«Русский рок» — это песня про то, какие мы козлы позорные, вместе со всеми своими дурацкими музыкальными занятиями»;

«Человек на Луне» — единственная светлая песня в альбоме, потому что она тесно связана с темой алкоголизма... В этой композиции, наконец, находится единственное спасение девушек в условиях становящегося капиталистического общества».

В качестве резюме Кормильцев в финале пресс-релиза пришел к выводу, что «сейчас на Руси жить никому не хорошо, в том числе и группе "Наутилус Помпилиус".

В отличие от легкого и ироничного буклета, пресс-конференция «Наутилуса» носила спонтанный и более болезненный характер. Два лысых философа и директор Пономарев, сидевшие в «президиуме», понадеялись на собственные силы. Как выяснилось впоследствии, зря. Дело происходило в наспех подготовленном зале МДМ — без баннеров, без предварительного прослушивания альбома, без ведущего. Роль модератора взял на себя Кормильцев.

Несмотря на то, что это была первая московская пресс-

конференция группы, начало брифинга напоминало плач Ярославны.

«Я не могу припомнить, чтобы когда-нибудь раньше мы с таким усердием делали альбом, — заявил Бутусов. — Во-первых, было много материала, во-вторых, он очень долго готовился и, в-третьих, долго записывался. Так что я вынужден сформулировать это таким образом: альбом записан с усердием шахтеров, добывающих уголь в канализации».

После столь «оптимистичного» дебюта в зале зависла тяжелая пауза. В это время отряд фотографов ослеплял вспышками темные стекла очков Кормильцева и желтоснежного (по цвету волос) Бутусова, серьга которого в левом ухе жила своей, не зависящей от вопросов массмедиа жизнью.

Лидер «Наутилуса» мрачнел и пытался уйти от любви. Но не тут-то было. Первый вопрос кого-то из телевизионщиков был адресован именно ему — что-то про незримую связь... между кризисом в стране и творчеством группы «Наутилус Помпилиус».

Полагаю, что опытный спикер попросил бы повторить этот мудовый вопрос, чтобы выиграть время. Но Слава, что называется, полез в бутылку: «За последние годы я привык к дестабилизации на всех уровнях и поэтому отношусь к этому несколько отвлеченно... Легче всего впасть в состояние, близкое к пространственному идиотизму. Для меня это естественный физиологический процесс, но я не рекламирую своей сегодняшний образ жизни».

Видя, что пресс-конференция движется не в ту сторону, на пару с Бутусовым загрустил и Кормильцев. Это «отсутствие счастья на лицах» не укрылось от внимания прессы.

«Скажите, а чего вы такие усталые?» — внезапно поинтересовался Миша Марголис из «Недели».

«Я очень инертный человек, а всю повозку тянет за собой Илья, — после некоторой паузы признался лидер "Наутилуса". — В чем причина моей усталости, непонятно. Наверно, надо бросать пить. Ведь все дурные привычки отягощают и затмевают».

Реакцией на это высказывание стал вопрос от газеты «Сегодня»: «Раз вы так устали и вас уже ничего не радует, стоит ли продолжать выпуск новых альбомов?» Недолго думая, Бутусов ответил: «Ну что же поделаешь, если я сам по себе такой скучный человек? И я вовсе не собираюсь опровергать ваше высказывание по поводу того, что в наших словах чувствуется какая-то мрачность. Что поделаешь, если все так и есть на самом деле?»

Не в силах выдержать подобный декаданс, в дело опять вмешался Кормильцев. Он бросился в бой с шашкой наголо, напоминая своей неожиданной лысиной легендарного комдива

Котовского.

«Очень сожалею, что мы не можем вас чем-нибудь заинтересовать, — вступил в перепалку с журналистами поэт “Наутилуса”. — Лично я являюсь скучным по понятиям этой страны человеком. Не педерастом, к сожалению, и не наркоманом... Что вы хотите, если нам уже по тридцать с небольшим лет? И естественно, что мы не будем прыгать до потолка, чтобы вас развеселить. Мы все устали, а если кто-то не устал и может прыгать до потолка, пусть идет на концерт Филиппа Киркорова».

От мрачных мыслей всех отвлек вопрос газеты «СМАК»: «В одном из интервью вы, Вячеслав, говорили, что готовитесь к замысловатой прическе. Скажите, это уже окончательный вариант, или все еще идет подготовительный этап?»

«Это пока что подготовка, — заметно подобрел блондинисто-пергидрольный Бутусов. — А дальше волосы будут расти и трансформироваться во что-то другое. Но это я шучу. А на самом-то деле я просто пытаюсь привести в гармонию свою внешность и внутренний мир... Я даже обложку “Крыльев” предложил оформить в виде фотомонтажа: моя голова и тело Ильи».

Разговор плавно переключился на Кормильцева. Присутствующих взволновал вопрос, кем господин Кормильцев хотел быть в детстве. Выяснилось, что «сначала химиком, потом — биологом, потом — писателем». Илья признался, что хотел посвятить себя стихосложению, но вместо этого ему все больше приходится иметь дело с финансовыми документами, обеспечивающими функционирование рок-группы. Поэтому сейчас заветная мечта поэта «Наутилуса» — стать пенсионером.

«Я чувствую себя трупом, нет, даже чем-то большим, — категорично заявил Илья. — Потому что между мной и теми, кому сейчас восемнадцать, просто никого нет. То есть существуют в музыке новые люди, у них нормальные мысли, но о них никто не узнает, потому что никто не вложит в них денег. Дело не собственно в деньгах, а в умных деньгах. Когда появляется Влад Сташевский, спаси нас Бог от таких денег».

Отвечая на финальный вопрос пресс-конференции, не посещала ли автора текстов «Наутилуса» мысль подарить свои стихи еще кому-нибудь, Илья Валерьевич весомо заявил: «Я выкидываю девяносто процентов из того, что пишу. Этим, наверное, и объясняется то, что я не пишу больше ни для кого, кроме группы “Наутилус Помпилиус”.

Летать!

Кормильцев, помимо того что он полиглот, он еще и штурман настоящий. Илья держит перед собой карту и, не видя, куда идет, просто идет — туда, куда надо.

Вячеслав Бутусов

После тура, проведенного «Наутилусом» в поддержку «Крыльев», группа начала готовить программу «Акустика». Пользуясь паузой в концертной деятельности, Кормильцев укатил в Прагу, где в течение нескольких месяцев писал новые тексты. К презентации «Акустики» весной 1996 года Илья вернулся совсем другим человеком.

«В Чехии я писал стихи, чувствуя, как с меня сходит весь невроз, приобретенный в Москве за последние три года, — признался мне Илья сразу после отпуска. — У меня появились уверенность в собственных силах, необходимая жесткость и образность мышления. Я посетил кучу концертов: от King Crimson до Dead Can Dance. И постепенно начал “отмокать”. Вернувшись домой, я почувствовал себя как заколдованный. Теперь я впервые поверил, что никакая сила не сможет меня сокрушить. Впервые за много лет мне все стало похую».

Мы часто общались с поэтом «Наутилуса», и мне очень нравилось его бодрое настроение. С одной стороны, в его голове улеглись ошибки и недочеты последних лет, с другой — в его словах и поступках появилась какая-то решительность.

«Как это часто бывает с затянутыми альбомами, с выпуском “Крыльев" мы опоздали, — рассказывал Кормильцев после возвращения из Праги. — Теперь становится очевидным, что “Крылья” давались нам очень тяжело — как никакой другой альбом. Честно говоря, материал “Крыльев” достаточно достоверно отражал тогдашнее полуистерическое состояние — и Славино, и мое. Мы ошибочно поддались инерции, заставлявшей наши группы проводить презентации в Москве и открывать ими тур. Эта традиция была создана попсовиками, у которых фонограмма звучит одинаково на первом концерте и на тридцатом, в Перми и в Москве. Мы наконец-то поняли, что не должны оглядываться на этих людей и можем позволить себе

идти своим путем. И ничего страшного после этого не произойдет — ни разорения, ни голода, ни вареного риса с уксусом».

В этот период Илью буквально разрывало от обилия идей. Все тексты, написанные в Праге, он передал Бутусову и почувствовал себя свободным человеком. Он наконец-то закончил работу над интерактивным диском «Погружение» и успешно издал его. Осторожный стартовый тираж в 3000 экземпляров разлетелся по оптовикам буквально в день выхода. Тут же началась работа над допечаткой следующей, более серьезной по цифрам части тиража.

Вкусив запах издательской деятельности, Илья убедил меня модернизировать тексты из «Погружения» и дописать несколько глав для новой книги про «Наутилус». Леня Порохня писал про свердловский период истории группы, а непосредственно сам Кормильцев отвечал за поэтическую часть фолианта, где планировал опубликовать все тексты «Наутилуса».

В свободное время Илья начал активно заниматься рок-критикой — писать рецензии на диски, в частности, в газету «Живой звук» и в мою рубрику газеты «Неделя». Схема сотрудничества была простой. Кормильцев кропал литературные шедевры, а я презентовал Илье актуальные альбомы — от Chemical Brothers до Prodigy. Поскольку Интернета в 96-97-х годах еще толком не было, Кормильцев привозил тексты на дискетах ко мне домой на Шаболовку. Мы их бегло смотрели, верстали и запускали в печать.

Помню, я окончательно поверил в литературный гений Ильи после того, как в своем микроэссе про новую пластинку Blur он перевел название композиции «Essex Dogs» как… «Шавки из Капотни». Для меня это был высший и практически недостижимый пилотаж креативного перевода.

В тот период было много щемящих моментов — совместные дни рождения, ночные разговоры, походы на концерты, обмен книгами, пластинками, написание рецензий на них. Отдельные нетонущие истории — делегирование в «Мумий Тролль» уральского гитариста Юрочки Цалера + продюсирование Кормильцевым моих рецензий для архивной серии «золотых» альбомов «Наутилуса». Иногда Илья писал эти тексты сам, под псевдонимом Лемке — так, кажется, звали его немецкую прабабушку-оппортунистку…

Как-то под вечер я затащил «великого русского поэта» в гости к начинающему продюсеру из города Владивостока Леониду Бурлакову. Поздно вечером мы с Ильей мотнулись в Перово, не без труда найдя съемную квартиру идеолога никому не известной тогда группы «Мумий Тролль». Развалившись на диване, мы поглощали изысканные приморские яства и слушали песни новых

для нас групп, от «Тандема» до «Туманного стона». Затем смотрели только что смонтированные клипмейкером Хлебородовым клипы «Кот кота» и «Утекай».

«Смазливый чертенок, — задумчиво отозвался Илья Валерьевич о своем тезке Лагутенко. — Да и Бурлаков парень не промах. Шустрый. Судя по всему, далеко пойдет».

Проводив Кормильцева на Нахимовский проспект, я, буквально сгорая от любопытства, перезвонил Бурлакову: «Ну, скажи, как тебе поэт “Наутилуса”? Не человек, а глыба?» Леонид подумал полминуты, а затем как-то весомо сказал: «Мне кажется, он уже перерос рамки не только рок-поэта, но и рок-музыки. По-моему, вся эта история с рок-н-роллом его тяготит».

Я, надо признаться, сильно удивился. Но для себя решил, что недавно прибывший из Владивостока Бурлаков в нашей московской жизни ничего не понимает. Ведь Кормильцев написал в Праге действительно драйвовые тексты, в чем я убедился ночью, прослушав подаренную Ильей демо-кассету с новыми композициями. Запись, как выяснилось, была сделана Бутусовым на домашней портастудии. На кассете шариковой ручкой было написано: «Китайское яблоко».

В самом начале пленки Слава приглушенным голосом вещал: «Проверка на вшивость номер четыре», а затем на одном дыхании пел двенадцать хитов: «Странники в ночи», «Девятый скотч», «Три царя», «Апельсиновый день» и другие. Пел под гитару, под простенькие клавиши и ритм-бокс. Похоже, что писал ночью, прямо на своей питерской кухне. Как во времена «Невидимки», честное слово...

Когда я с нечеловеческой гордостью ставил эту кассету знакомым журналистам, они долго цокали языками. Затем откровенно признались: «Если все у “Наутилуса” в студии получится, этот может быть покруче “Князя Тишины”... Даже если “Князь Тишины” был бы записан по-человечески, а не в скотской электронной студии».

Услышав демозапись «Китайского яблока» и мнения друзей из музыкальной индустрии, я не на шутку впечатлился. От Кормильцева я знал, что следующий диск «Наутилус» планирует писать в Англии — с приглашенным продюсером и музыкантами. Чтобы узнать подробности, я через несколько дней встретился с Ильей в клубе «Бедные люди» на Ордынке, где периодически проводил небольшие рок-концерты. Кроме свежей информации о новом альбоме мне надо было взять у поэта финальное интервью для книги «Введение в наутилусоведение». С этого мы, собственно говоря, и начали.

Александр Кушнир: Мы заканчиваем работу над книгой, и

этот разговор — своеобразное подведение итогов. Какие бы ты вы-делил для себя основные приоритеты?

Илья Кормильцев: Главными событиями 1996 года, если брать какие-то логические моменты, было завершение флирта с попсовым подходом к продвижению своей продукции. Завершение флирта со средствами массовой информации, попсово ориентированными. С московским духом, назовем это так. Это был необходимый компромисс со столичной помпезностью, который делался без воодушевления — с сердцем, зажатым в кулаке, с «отвернутыми» яйцами. Просто потому, что нужно. Параллельно у нас начались два очень перспективных флирта.

Первый — это флирт с психоделикой. Второй — с компьютерами, с компьютерной эстетикой и с компьютерным миром. Они оба отличаются большой влюбленностью и делаются по огромному желанию. Это те моменты, которые определили все настроение 96-го года. Флирт с компьютером начался, строго говоря, летом 95-го года... Тогда было еще не очень понятно, что из этого выйдет.

А.К.: Что послужило импульсом?

И.К.: Так получилось, что руководители «Апекс Рекордз», будучи людьми с физико-математическим образованием, всегда питали слабость к новым технологиям. И ваш покорный слуга, будучи человеком с естественно-научным образованием, тоже питал слабость к новым технологиям. Поэтому когда пришли эти люди и сказали, что есть такое предложение, я с восторгом за него ухватился. Хотя не до конца понимал, что из этого выйдет. Все вокруг относились к этому как к пафосному некоммерческому предприятию. Никто тогда не ожидал, что это окажется выгодным коммерческим и рекламным шагом. Делалось это как эксперимент — для того, чтобы застолбить новую дорогу...

Было видно, что эта компьютерная история, на самом деле замечательный роман. Благодаря ему я лично снова вошел... немного отстав от компьютерного мира за последние три года... я окунулся в него с большим удовольствием, увидев в этом огромные перспективы. Вплоть до того, что вся ближайшая работа «Наутилуса» планируется в основном интерактивными мыслями, мультимедийными. Один из проектов — это проект осуществить новый альбом, так называемый «CD +», который, помимо аудиодорожек, содержал бы также компьютерную мультимедийную дорожку.

А.К.: Это как на последнем альбоме Rolling Stones «Stripped». Скажи, ведь приятно с умным человеком поговорить?

И.К. (смеется): Мне тоже приятно. «Pleasure is mine» — как

говорится в таких случаях по-английски... Следующий наш шаг — открытие интернет-сайта, который уже работает. Он еще не доделан, но с него уже можно получать какую-то информацию: альбомы, тексты, все прочее. Сейчас его нужно довести до ума. Он позволит поклонникам получать не только ту информацию, которая есть на «Погружении», но и свежие новости. Задавать вопросы, писать письма, обращаться с коммерческими предложениями... Знакомиться с девушками. И так далее. Ну, вот эти два компьютерных проекта сейчас продолжаются. Я очень тащусь от этого и сосредотачиваю внимание на мультимедийных и интерактивных технологиях. Потому что считаю, что темпы, которыми они будут внедряться в музыкальную жизнь, значительно выше, чем сейчас ожидают скептики. То есть это то, куда нужно кидаться очертя голову, потому что именно в этом на правлении лежит будущее.

Второй большой роман, который во многом определил настроение 96-го года — это роман с возрождением психоделической культуры. С брит-попом и все, что вокруг него происходит. Когда я только начал входить в это дело, то принял его сразу — эту перемену в направлении английской музыки. Без оговорок. Мы сейчас говорим о более психоделической стороне брит-попа. Той, которая ориентирована на «neohippy ideology», на возрождение психоделической культуры. Я не имею в виду совсем попсовые варианты, хотя они мне тоже нравятся. Сегодня Джарвис Кокер из Pulp стал для меня одним из самых любимых людей. Новый культовый герой, вытеснивший в моем сознании, например, Мика Джаггера. И преемственность этой культуры, и новое увлечение психоделикой... Интерес к 60-м годам, снова возвратившийся. И в связи с этим появление нового психоделического оптимизма в творчестве «Наутилуса», который связан с преодолением социальной заторможенности, социальной загипнотизированности тем, что происходит вокруг. И в итоге посыланием этого всего нахуй.

За этот роман нужно выразить огромную благодарность группе «Аквариум» и тому культурному посланию, которое она несет в себе и своих отдельных членах. И которое, к сожалению, не всегда, по ряду различных причин, творческих, объективных и субъективных, находит отражение в творчестве самой группы. Увы. И традиции хранителей духовного наследия 60-70-х годов, которой следуют многие члены этого коллектива... Она, может быть, в каком-то смысле является их значительно большим достижением, чем музыка, которую они в последнее время играют.

Другими словами, роман с психоделиками привел меня к

коренной переоценке сознания. Ка-те-го-ри-чес-кой. К какому-то духовному отрыву от тяжелого наследия так называемых “русских проблем”. Несмотря на весь риск подобного поведения в этом обществе... У меня уже давно, в течение нескольких месяцев, не было никаких интервью... Меня последние публикации о «Наутилусе» скорее радуют, чем расстраивают. И я собираюсь внаглую внедрять тексты антипрогибиционистского характера повсюду, так сказать.

А.К.: А это движение какое название носит? «Свобода марихуане»? Или «Свобода легким наркотикам»?

И.К. (смеется): «И не только легким»», — ответил я задумчиво... А вообще, это называется антипрогибиционистское движение.

А.К.: Я с тобой сейчас советуюсь. Может быть, не переводя артиллерийский огонь на «Аквариум», рассказать о психоделической дружбе Ильи Кормильцева с Олегом Сакмаровым?

И.К.: В такой формулировке, как «окружение группы «Аквариум», это звучит настолько... Кто нужно, тот поймет. А кому не нужно, нехуй и понимать.

Можно этим все сказать. Без имен и ничего.

А.К. (жалостно): Мне бы конкретики хотелось услышать.

И.К. (включая вторую космическую скорость): Какой, блядь, конкретики!? Вряд ли это для книжки про «Наутилус может иметь значение... Ну, короче говоря, запоздалое знакомство с духом 60-х, выраженным в виде конкретных веществ, вызвало у меня большую радость и одновременно большую грусть. Блядь, ну почему это не произошло лет пятнадцать назад? Понимаешь? Потому что уже все равно возраст есть некоторый. Конечно, лучше было пройти через все это в более молодом возрасте.

А.К.: Я правильно понимаю, что в восьмидесятые годы всякие психологические-психоделические-возбуждающие проплыли мимо «Наутилуса»?

И.К.: Ну как? Мы покуривали... Но это никогда не носило культового характера. Это было такое экзотическое развлечение. Теперь это стало как бы нормой. Ряд людей выбрал себе траву в качестве энджина, а отдельные люди и кое-что покруче. В общем, каждый выбрал себе топливо и понял, что алкоголь отупляет. Он является одним из мощных средств развития специфического русского менталитета, такого очень угнетающего. Который не ведет никуда, кроме длительных разборок и стенаний про жизнь. В итоге долбание привело к категорическому изменению содержания в лучшую сторону. Впервые за много времени у нас появились радостные, а также юмористические нотки. И даже

трагические и мрачные вещи стали трагическими совсем по-другому и по-другому мрачными. Они потеряли привкус скулежа, стали просто драматическими.

Ну и дальше. Во всей этой обстановке духовного подъема и разрыва с традициями появилось естественное желание записать альбом в Англии. Пример Гребенщикова, записавшего в Лондоне «Навигатор» и «Снежный лев», сыграл здесь положительную роль в смысле опыта, показывающего возможности такого мероприятия. Непосредственным толчком была попытка оторваться от всей этой заебавшей реальности. От ее проблем. И, в общем, оторваться где угодно. И когда у БГ появились в Англии связи, стало понятно, что если писаться где-нибудь не здесь, то в самом лучшем месте, которое можно вообразить по наработанному культурному материалу. Ну, на родине жанра творить. С этой целью началась разведывательная работа — поиск английских продюсеров, которые могли бы за приемлемые деньги заинтересоваться нашим проектом и смогли бы его реализовать... Так нами был нащупан Билл Нельсон.

Про Билла ничего рассказывать не буду, дам пачку его материалов, его пластинки. Ты сам досочиняешь... Потом я съездил на разведку в Великобританию, познакомился с людьми, и процесс пошел. Сейчас заключаются соответствующие контракты, платятся деньги, и в ноябре мы отправляемся туда, чтобы сварганить что-то.

А.К.: Последний вопрос — об эволюции личности Бутусова модели 1996 года. Что делал Бутусов все это время? Девочки-студентки бегают, интересуются...

И.К.: Бутусов частично разделил эти веяния на три романа, которые мы с тобой нащупали: роман с Европой, назовем его гак, роман с компьютерами и роман с психоделиками и новой музыкой. Из этих трех увлечений Слава разделил одно — психоделики. И собирается разделить второе — поездку в Европу. С компьютерами роман не очень разделился — по причине патологической техно-боязни господина Бутусова. Главное, что он понимает важность этого романа. Даже если сам не может психически и интеллектуально в нем участвовать. Эволюция — то, что человек тоже очень расслабился и понял, что его позиции непоколебимы. Что ему не нужно бороться каждую минуту, доказывая, что он есть то, что он есть. А он может просто начать делать то, что ему хотелось бы сделать. И чувствовать себя свободным.

На этом месте беседы в диктофоне тупо закончилась пленка. Мы завершили интервью, немного поболтали, попили чаю и разъехались по делам. А через несколько недель Илья улетел на

запись в Англию.

Одинокие герои

Мы уже немолодые люди и прекрасно понимаем, что нужно что-то менять… И в силу этих обстоятельств мы все-таки, может, наберемся мужества и предпримем какой-то экшн типа ухода на дно. Для того, чтобы в несуетливой обстановке посмотреть на себя в зеркале.

Слава Бутусов

В Москву Илья вернулся лишь под Рождество. Приехал заросший, без пресловутой бороды и темных очков, весь какой-то светлый. Привез записанный, но пока не смикшированный альбом, который назывался "Яблокитай".

"Ну, рассказывай", — с нетерпением начинающего журналиста подсел я на уши мудрому Кормильцеву.

Английская картина вырисовывалась следующая. Основным действующим лицом в студии, как и планировалось, оказался Билл Нельсон — "живой символ британской рок-музыки". Человек, два альбома которого попали в английский Top of the Pops. Затем игра в глэм-рок Нельсону надоела, и он уединился на своей ферме под Йоркширом, где писал музыку для кинофильмов и спектаклей.

"У вас в композициях всё слишком отточено и поэтому немножко скучновато, — откровенно заявил Билл при первой встрече с Кормильцевым. — Нам надо добавить задора и легкого сумасшествия. В идеале хотелось бы немного побесшабашничать".

И работа закипела. В йоркширской студии трудились четыре человека: сам Нельсон (продюсирование, клавиши, программирование, гитары), микс-инженер Джон Спенс, Бутусов и Кормильцев. Непосредственно Илья отвечал за общий моральный дух, идеологические нюансы и волю к победе.

"Мы с Бутусовым решили, что в студии последнее слово будет за Биллом, — вспоминает Кормильцев. — Поэтому все расхождения во взглядах происходили исключительно между мной и Славой. Когда я увидел, в какую сторону клонит Нельсон, то слегка запаниковал. Мне показалось, что это не "actually". Мол,

не Black Grape и не Pulp… Все-таки Нельсон — человек немного другого поколения. Но в какой-то момент я успокоился и решил: "Может быть, Слава всю жизнь мечтал исполнять именно такую музыку".

В свою очередь, Бутусов, попав в студию, начал нервничать, как невеста перед свадьбой. Затем, увидев, насколько уверенно Нельсон рулит "пейзажем звука", Слава успокоился — вслед за Кормильцевым. "Если бы Билл умел петь по-русски, нам можно было вообще не приезжать", — пошутил Илья, отдавая должное профессиональной выучке Нельсона.

Потянулись трудовые будни. Студийные смены проходили без выходных и праздников. После работы наши поэт и певец заходили в паб, где вели оживлённые беседы с местным населением. В частности, обсуждались метаморфозы капризной английской погоды, которая менялась по несколько раз на дню — от мокрого снега с дождем до "плюс пятнадцати". Затем Илья и Слава возвращались в коттедж, где философски общались возле камина с забиванием косяков, распитием виски и обсуждением новых песен.

Со стороны все выглядело на редкость благостно — без истерик сами знаете кого, с соблюдением всех планов и сроков. Ближе к финалу сессии "Яблокитая" случилась кульминация, а именно — запись композиции "Нежный вампир". Текст к этой песне был придуман Кормильцевым последним и заслуженно считался одной из главных удач альбома. Чтобы усилить коммерческий эффект композиции, "Нежный вампир" было решено спеть дуэтом… с Гребенщиковым. Это выглядело реальным, поскольку идеолог "Аквариума" в то время проживал в Честере — в полутора часах езды от Йоркшира.

Идея была обречена на успех и хранилась в строжайшей тайне. Опыт исполнения Бутусовым и Гребенщиковым песни "Я хочу быть с тобой" подсказывал Кормильцеву, что в таком варианте "Нежный вампир" должен превратиться в радийный суперхит. Также на него планировалось снять клип — с участием Бутусова и БГ.

Встреча с главным поклонником Боба Дилана в России проходила на захолустном полустанке Йоркшира и напоминала, по словам Кормильцева, прибытие Ленина на Финляндский вокзал. Гребенщиков приехал, сверкая новыми зубами, и сразу принялся за работу, внося в нее позитивную энергетику. В "Нежном вампире" Борис со Славой пели по куплету — в порядке живой очереди. Получилось эротически, таинственно и проникновенно. На этом эмоциональном всплеске запись альбома "Яблокитай" была завершена.

Я выслушал рассказ Кормильцева, а дома, в наушниках, несколько раз прослушал весь альбом. Я понимал, что Бутусов и Ко рискнули и попытались записать модную танцевальную музыку — с образными, но несложными текстами и современным саундом. Разуверившись в отечественных музыкантах и звукорежиссерах, Слава отдался с потрохами в руки опытного англичанина, который довольно удачно сделал экспериментальный альбом. Это выглядело смело и свежо: а) для "Наутилуса", б) для России. Более того, пресса вскоре поддержала новую концепцию, впервые за несколько лет разразившись комплиментами в адрес группы.

"Альбом "Яблокитай", постскриптум к третьему этапу жизни "Наутилуса"… вышел угловатым, неровным, шероховатым и, как следствие, совершенно диковинным, — писал Алексей Крижевский в газете "Известия". — Похоже, именно здесь дуэт Бутусова и Кормильцева отыскал ту текстуально-мелодическую прощальную интонацию, которую уловил и использовал Алексей Балабанов в своих "Братьях".

Вопреки волнениям и тревогам, становилось понятно, что опытный старый волк Билл Нельсон "Наутилус" не подвел. Тем не менее, вопросов к самому Кормильцеву у меня была масса — не меньше, чем комплиментов аранжировочным паутинам англичанина. Например, драматургия "Яблокитая". Почему "Апельсиновый день", который, ясен пень, должен был открывать компакт-диск, находился на последней позиции? А самая спорная композиция теперь стояла на альбоме первой? Почему в "Яблокитай" не вошли отлично звучавшие на демозаписи "Матерь богов" и "Бедная птица"? Куда делось первоначальное название "Китайское яблоко"? И, наконец, почему проект называется "Виртуальная группа "Наутилус Помпилиус"? И как данный студийный вариант музыканты будут озвучивать "живьем" — все эти искусственные шумы, кольца, лупы, сэмплы?

"Никак не будут озвучивать, — жестко ответил Кормильцев. — Выпустим альбом, сыграем тур, напечатаем книгу, переиздадим архивные записи и… все. Лавочка закрывается. "Наутилуса" больше не будет!"

Подробности Кормильцев комментировать отказался. Наотрез.

Я извинился и вышел на балкон — перекурить и осмыслить услышанное. Мне было обидно и ни хрена не понятно. Глаза на мокром месте, и комок подобрался к горлу. Хотелось пожаловаться и поскулить на нелогичную жизнь. Люди и машины, метавшиеся в панике по Нахимовскому проспекту, казались суетливыми, крохотными и малозначимыми…

Об истинных причинах этого решения я мог только догадываться. Мне казалось, что вся эта игра в рок-продюсера Кормильцеву очень нравится. Значит, инициатива распада исходила не от него, а от Славы. Почему?

Ни для кого не было секретом, что Бутусов не любил ездить в затяжные туры и давать частые концерты. Было похоже, что он действительно устал от гастрольной беготни и российского шоу-бизнеса. Кроме того, на него постоянно давило чувство ответственности — за коллектив, за духовные послания поколению и т. д. Плюс в последнее время он сильно увлекся эзотерикой и мистикой — такой вот период в жизни у человека. Но это были не больше, чем мои предположения.

Позднее Илья частично рассказал, что именно произошло в ноябре 1996 года в Англии.

"Группа распалась при обстоятельствах, достойных ремейка рассказа "Проклятие гробницы фараона", — вспоминал он в одном из интервью. — В самый разгар записи "Яблокитая" у меня умерла бабушка, и мне пришлось уехать в Россию. Вернувшись через две недели в Йоркшир, я увидел надгробие: Слава вкопал во дворе камень, на котором написал годы жизни группы. Очевидно, не поленился. Хотя я отнесся к этому совершенно спокойно. Меня эта смерть вполне устраивала — мне тоже надоела игра в русский рок. И хотелось делать совершенно другую музыку и даже под другим названием. Но мы по-разному интерпретировали эту смерть. Я-то расценивал это, как смерть "Наутилуса", каким он был, а Слава расценивал это, как смерть абсолютную".

Внешняя сторона процесса выглядела действительно так. Внутренняя — значительно сложнее.

Дело в том, что в этот период Слава попал под сильное влияние тусовки питерских неомагов, фактически — эзотерической секты с явно выраженной деструктивной энергетикой и некрофильскими манифестами. Одним из идеологов этого движения был художник Сергей де Рокамболь, явно неординарный человек с болезненным обаянием и мутным прошлым. Блестяще владея техниками НЛП, он пытался применять их к Курёхину и Гребенщикову, но неудачно. В середине 90-х годов Рокамболь записывал диски с Юрой Каспаряном и снимал фильмы про морги, совершенно взорвав мозги Бутусова философскими теориями. Бытовые подробности мы упоминать не станем исключительно по соображениям политкорректности.

Весь 1997 год Илья пытался спасти лидера "Наутилуса" от влияния новых друзей и новых религий, но безрезультатно. Славу тогда словно околдовали, и он совершенно не воспринимал

никого из своего рок-н-ролльного окружения. В свою очередь Кормильцев в смертельных битвах за душу Бутусова получал от жизни удары по полной программе. Начиная от подосланных курьеров с гробами по месту жительства и заканчивая мистическими проклятиями от Рокамболя с обещаниями сгноить поэта в течение последующих десяти лет.

У этой сатанинской истории могло быть очень печальное продолжение, но безнадёжную, казалось бы, ситуацию вытянула Славина жена Анжелика. В локальных боях за мужа и сохранение семьи ей удалось сделать то, что не получилось ни у Кормильцева, ни у Пономарева, ни у сотрудников питерских спецслужб.

"Некоторые периоды в моей жизни были весьма туманными, но весь мой осознанный путь ведёт к просветлению и очищению, — неохотно говорит о событиях той поры Бутусов. — Даже за тридцать лет человек способен намусорить столько, что потом остаток жизни будет разгребать весь этот хлам… В молодости у меня была совсем другая траектория движения, другая динамика. Сейчас я очень серьёзно отношусь к окружающей действительности, а раньше мог её игнорировать".

Встретившись после завершения этого мрачного детектива с Бутусовым, я узнал, что у Славы почти готов сольный альбом. В тот момент он, похоже, искал исключительно амбициозный лейбл, готовый издать его дебютный диск. Но всё это происходило словно во сне или в другой жизни — в период восхождения группы "Мумий Тролль" и триумфа нашей компании "Утекай звукозапись".

Напомню, что последние дни плавания "Наутилуса" оказались, мягко говоря, не радостными. В клубе "Жёлтая подводная лодка" прошла скромная презентация "Яблокитая" — вместе с Бутусовым, Кормильцевым, Гребенщиковым и Алексеем Балабановым. Там Илья подарил мне новый компакт-диск и футболку с расписанием прощального тура, настоятельно пригласив на последние концерты "Наутилуса" в "Россию".

Я посетил эти торжественные музыкальные похороны вместе с Лагутенко и Бурлаковым. Мы сидели на шикарных местах, только впечатления были отнюдь не шикарные. Музыканты старались, играли с большим рвением, но без вдохновения. Пылко любимая преданной публикой романтическая хандра "Наутилуса" скатилась куда-то в зону инфернальной мрачности и оставалась там до конца шоу. Со стороны это напоминало, по излюбленному выражению Бутусова, "усердие шахтеров, добывающих уголь в канализации". Их движения были скованны, лица грустны, а глаза печальны. Аплодисментов и выходов "на

бис" в тот вечер не было, что выглядело по-своему честно и адекватно.

Когда я вышел из "России" в темную июньскую ночь, было ощущение, что у меня отобрали любимую игрушку. Заканчивалась одна эпоха, начиналась другая.

Потом вышла VHS-кассета или DVD, уже и не вспомнить, под названием "Последнее плавание", состоявшая из фрагментов концерта в "России" и серии закулисных интервью. Смотреть на этот "пир духа" было невыносимо тягостно и тяжело.

"Группа "Наутилус Помпилиус" просто завершила свой жизненный путь, как завершает его любая вещь в этом мире, — Кормильцев оказался чуть ли не единственным участником фильма, который пытался "держать марку". — Поскольку группа "Наутилус Помпилиус" — это артефакт, это вымысел. Собственно говоря, любой художественный коллектив состоит из людей, которые, слава богу, все живы. И у каждого из них наверняка есть свои разносторонние замыслы. И я думаю, что они себя смогут реализовать их, так или иначе..."

Впоследствии я узнал, что ещё до начала съёмок музыканты "Наутилуса" не по-детски обиделись на Бутусова и Кормильцева. Которые, как "конченые сволочи", не позвали их в Англию. И которые, по причине своих странных и внезапных решений, оставили музыкантов безработными.

Руководителю лейбла Dana Music, который это концертное видео выпускал, стоило немалых трудов провести за спиной у Бутусова цивилизованные переговоры с остальными музыкантами, чтобы они разрешили снимать прощальный концерт для Первого канала.

Затем в группе началось "восстание Спартака". Руководителем бунта оказался милейший Лёша Могилевский, к которому примкнули остальные музыканты. И объектом их ненависти был не Бутусов, который не желал выходить "на бис" в "России", не директор Саша "Хип" Пономарев, а поэт Илья Кормильцев. Сейчас никто вспоминать про это не любит, но, в общем, так оно и было.

Затем последовал тур агонизирующего "Наутилуса" по городам-миллионникам, но с атмосферой внутри группы стало ещё хуже. "Меня провезли в кандалах по всей стране, — обмолвился позднее Слава в одном из интервью. — После чего всё и закончилось".

В интернете есть стенограмма пресс-конференции в Нижнем Новгороде, и это был сущий кошмар, конечно. И всё, что было сказано сгоряча членами группы в отсутствие Бутусова и Кормильцева, топором не вырубишь. Музыканты "Наутилуса"

выпустили наружу своих демонов и раскрыли внутреннюю сущность в полный человеческий рост. Судя по всему, не всем музыкантам легко было прощаться с этой прекрасной халявой…

После проведённого на свердловском стадионе "Юность" финального концерта, который напоминал похоронную церемонию, озверевший от скотской жизни в шоу-бизнесе Князь Тишины даже не зашёл в гримерку. Он решил не прощаться с музыкантами, а отправился со сцены прямо домой. Видеть друг друга никто из них уже не мог. Всех, похоже, объединяло только одно желание — "чтобы всё это как можно скорее закончилось".

Корпоративный концерт на подмосковной даче у Михаила Прохорова, где с музыкантами обращались, как с халдеями, стал закономерной точкой в их блестящей "наутилусовской" карьере. В сборной эстрадной солянке группа выдала "на-гора" три песни, причём последней исполнялась "Гудбай, Америка". Участники бывшего флагмана русского рока получили на руки по 500 баксов, и, похоже, были счастливы.

Слава Богу, на этом празднике жизни Илья уже не присутствовал. Наша книга "Введение в Наутилусоведение", по сути, оказалась никому не нужна. Она поступила в продажу через две недели после завершения тура уже не существующей группы.

Музыка для поколения бритых лобков

Я тоже шаман, но другой.

Борис Гребенщиков

После распада “Наутилуса” и выхода “Введения в Наутилусоведение” Кормильцев исчез из моего поля зрения. Он не подходил к домашнему телефону, не появлялся на концертах, не ездил меняться пластинками, не давал интервью. Похоже, он стал затворником и маргиналом. Я думал, что Илья уехал в Екатеринбург, Лондон, Питер или Прагу.

Через несколько месяцев я случайно узнал, что Илья забаррикадировался в своей московской квартире и экспериментирует с электронной музыкой. Компанию Кормильцеву составил его бывший коллега по “Наутилусу” Олег Сакмаров. В тот момент он оказался за бортом “Аквариума” — аккурат после того, как Гребенщиков разогнал всю группу и начал записывать “Лилит”. Похоже, уходя в свободное плавание, Бутусов и БГ мыслили прямо-таки синхронно…

Сакмаров переехал в Москву, где безвылазно сидел дома у Кормильцева, с утра до вечера занимаясь созданием новой музыки. Их совместный проект назывался “Чужие”. Еще в 95–96 годах Илья мечтал сделать необычный электронный альбом — даже придумал название: “Музыка для поколения бритых лобков”. Но в одиночку ему эту затею было не потянуть. Теперь эту идею реализовывали двое.

Кормильцев отвечал за тексты, компьютерные технологии, сэмплы, пытался читать рэп и играть на гитаре. Остальная музыкальная фактура легла на плечи Сакмарова. Идеология проекта “Чужие” была общая.

Предчувствуя, что намечается что-то интересное, я приехал в домашнюю студию Кормильцева вместе с дизайнером и фотохудожником Сашей Коротичем — к слову, автором обложек альбомов “Пятнадцать” и “Титаник”.

“Незваные гости хуже татарина”, — глубокомысленно заметил выходец из древней Казани Олег Сакмаров. Я догадался, что нам обрадовались. Мы прошли в логово затворников и осмотрелись по сторонам. Вся квартира была усеяна проводами,

инструментами и компьютерами, а два взрослых дядьки энергично ползали на карачках по полу и старательно что-то записывали.

Усадив нас в холодные кресла, они включили несколько треков. Первое впечатление — какой-то необычный гибрид Chemical Brothers с ORB и Prodigy. Плюс радикальные тексты на русском языке. У меня было твердое ощущение, что эти люди опережают время настолько, что это выглядело просто вызывающе. Стиль, на который Гребенщиков замахнулся лишь спустя восемь лет на альбоме “Беспечный русский бродяга”, Кормильцев с Сакмаровым начали разрабатывать еще в 97–98 годах.

…Весь вечер затворники с Нахимовского проспекта говорили исключительно о новом проекте. Было очевидно, что их колбасит. Колбасит от ощущения создания “другой реальности”. Показательно, что в их речи слова “Аквариум” и “Наутилус” не звучали как социальное табу. Правда, на перегородке в кухне, которую музыканты называли “стеной ненависти”, висел большой портрет Гребенщикова, превращенный ими в мишень.

Я сильно удивился подобному экстремизму, но этой деликатной темы решил не касаться. В тот момент будущее моих приятелей меня интересовало в гораздо большей степени, чем их прошлое или настоящее. Наслушавшись новой электронной музыки, мы решили поужинать и поговорить “за жизнь”.

Александр Кушнир: Самое приятное в истории с проектом “Чужие” — то, что Кормильцев с Сакмаровым вполне сознательно разрушают сложившиеся о себе в течение многих лет стереотипы. Расскажите, как ваша электронная эпопея рождалась и эволюционировала…

Илья Кормильцев: Все очень просто. К определенному моменту мы поняли, что нас не тащит от того, что мы делаем. И что если нас и дальше будет не тащить, то нас самих скоро оттащат.

Олег Сакмаров: Что мы можем заболеть.

И. К.: Что мы можем заболеть, и нас оттащат. А поскольку мы люди пожилые, мы поняли, что единственный способ продлить нашу жизнь — это стать моложе. Это была главная идея, которая за этим лежала. Мы поняли, что сделали в жизни лишь десять процентов того, что могли сделать. И вот эти девяносто процентов, которые мы не сделали, это и есть наша кажущаяся старость. Мы решили, что пора разрушать мифологему…

Я человек антиромантических убеждений, и для меня главным было разрушить идеи интуитивизма и харизмы, которые определяют лицо нашего рок-н-ролла. У нас с Сакмаровым

постоянно происходят большие культурологические дискуссии. Я всегда говорил, что мой любимый поэт — Иоганн Вольфганг Гёте, который прожил очень долгую жизнь, очень успешную, будучи премьер-министром небольшого, но государства. И при этом он никогда не позволял себе впасть в состояние мобильного телефона — потому что писал о том, что видел. О том, что пережил… Он все это обобщал в мудрость. Для меня это всегда очень важно.

Человек должен девяносто лет прожить так, как будто ему все время восемнадцать. И это не ложь. Не способ грим себе сделать, подтяжки и прочее. Это должна быть душа. Душа должна быть молодой, потому что душа человека бессмертна. Если только ее не отдавать на растерзание телу, деньгам и прочей хуйне. Душа всегда должна быть восемнадцатилетней. Я подумал, ну нам по сорок лет… А тем, кто сейчас ходит на дискотеки, на рэйвы, читает Пелевина, — им сейчас восемнадцать лет. Ну и что?

Мы слушаем ту же музыку, ходим на те же дискотеки, а уж по поводу того, как долбаться, мы каждого можем научить. Я посмотрел на неутомимого Шона Райдера из Happy Mondays, у которого сейчас Black Grape… Вообще для меня в концепции этой идеи было… Если не считать моих друзей, если не считать Сакмарова, получается, что в этой стране не было никого, кто бы меня толкал. В какой-то момент у меня появилась последовательность откровений, что нужно что-то делать совсем по-другому. Эта последовательность складывалась следующим образом: Шон Райдер — Underworld в лице обоих пидарасов — Бил Нельсон, как ни странно. Бил Нельсон показал мне пример карьеры, может, не очень удачной в каких-то отношениях, но это пример человека, который мастер, мессир. Который умеет работать с материалом. Вот эти три человека для меня были самыми важными из внешних людей.

…К сожалению, кроме друзей, мне в этой стране никто не дал ничего. Ни у кого не было возможности ничему научиться. Потому что все очень успешно идут к своим похоронам. И к своему некрологу. И как-то это все очень скучно. То есть это момент такой, неизбежный для каждого. Но его надо пережить как-то на лету, даже не заметив. Ну, хуячил ты музыку для людей, а потом для ангелов начал хуячить. Даже не заметив, что в руках лежала та же самая гитара. Я думаю, что вот так, наверное, Фрэнк Заппа перешел в мир иной, так и не поняв, чем его 49-й альбом, записанный на небесах, отличается от 48-го, записанного по эту сторону бытия.

А. К.: Вернемся к вашим экспериментам. С идеологией все понятно. А как технологически это все создавалось? И как в итоге

та стадия, которую мы сейчас слышим, материализовалась в жизнь?

О. С.: Что касается технологии, то есть подключения проводов и набора программы, управления всей аппаратурой, это скорее вопрос к Кормильцеву. Я в этом смысле лишь скромный подмастерье. А что касается того, как все это рождалось… Не совсем так, как Илья излагал, — у меня другой путь к этому был. В последние годы я просто лопался и взрывался изнутри. От переизбытка идей и совершенно очевидных вещей… Которые я знал, как надо делать, но не мог сделать там, где я занимался музыкой. И те ориентиры музыкальные и этические, которые я видел вокруг: Трики, Бэк, которые в какой-то момент меня смели просто… И я понял, что они отражают мое мироощущение. И я загрустил совсем сильно, что у меня нет никаких шансов в этом культурном пласте что-нибудь сделать. И я начинал уже перегорать. Внутри кипит, когда ты знаешь, что делать, а тебе не дают. Все как будто бы знают, что делать, но ничего не понимают…

И тут вдруг повезло, что мы с Кормильцевым, вроде перестав работать вместе в “Наутилусе”, уже несколько лет корешились по поводу общих психоделических впечатлений, жизненной философии… И этот период длиной в два-три года, он вдруг вызрел в идею, что мы можем работать вместе… И я, по крайней мере, могу все свои идеи неограниченно реализовать… Самые безумные. И на меня никто не будет показывать пальцем и говорить: “Ты что? Ты что придумал? Ты же песню убиваешь этим!” Гораздо проще, когда песня твоя. Хочешь — убиваешь, хочешь — не убиваешь. Вот ты слышал, убили ли мы свои песни? Нет, не убили. Они сами кого хочешь убьют, я думаю. Или оживят. И то, что мы сейчас делаем, это сегодня близко к пониманию творческой свободы. Свободы вылепливания в звуке своей картины мира — с одной стороны, и с другой стороны — такого ремесленного смирения. Когда полная свобода формализуется очень сложной технологией изготовления продукта.

И. К.: Я бы даже добавил слово “мучительной”.

О. С.: Меня это очень порадовало и показалось близким. Потому что я эту технологию в свои консерваторские годы хорошо представлял — как мучительно тяжело в музыке делается настоящее. А потом, попав в рок-н-ролльную среду, я слышал много мнений о том, что весь этот труд не нужен… Это кропотливое обучение, образование и потом реализация того, чему ты научился, — все это не нужно. Мол, все идет от Бога. А музыкант — это всего лишь проводник. И ничего не надо делать.

Мол, надо бухать, долбаться, набираться жизненных впечатлений, а потом выплескивать это в альбомах и на сцене. Это такая традиционная точка зрения. И в рок-н-ролле меня последние годы угнетало то, что по-русски называется “халявность”, “быстрота” и “спонтанность”...

У нас с Кормильцевым другой метод. Мы очень долго и кропотливо работаем, как все техно-музыканты в мире. Идеологи ORB несколько лет делают свой альбом, тщательно возясь с каждым звуком, — это достойно уважения. И два полюса в моей жизни сомкнулись неожиданно — консерваторский и самый радикальный. Новый, электронно-авангардный какой-то, постмодернистский. И у меня не порвалась связь времен, а восстановилась. Я какую-то внутреннюю гармонию здесь нашел. И поэтому то, что мы сегодня слушаем, для меня это был вопрос какого-то гигантского наслаждения. Самое главное — получилось сделать то, что хотелось. И мы здесь отвечаем за каждую ноту, за каждое слово. И это счастье.

А. К.: Как вы дополняете друг друга?

И. К.: Прекрасно. Мы настоящие, нормальные солдаты во взводе. Мы в меру ругаемся, в меру прощаем друг друга. Порой посылаем на хуй — как полагается между двумя взрослыми мужчинами, которые уже не имеют особенных иллюзий по поводу этой жизни. Которые много чего повидали на своем веку… Главная проблема у нас сейчас — как и когда почистить зубы. И правильно ли с точки зрения стоматологии чистить зубы первый раз в восемь часов вечера? У нас две ключевые фразы при создании этого альбома: “Я иду чистить зубы” и “Где карандаш?”. Карандашом записывается в монтажные листы новое состояние треков. А зубы — это такая вечная проблема… Мы начинаем их чистить в десять часов утра и завершаем в восемь вечера. Потому что человек, который идет по дороге к зубочистительному центру, вдруг поворачивается и говорит: “Да, кстати, а неплохо бы здесь сделать корректуру звука”. “Как?” — спрашивает второй, сидящий за пультом. Первый возвращается в комнату: “Ну, вот так”. И после этого продолжает рассуждать: “Да, хорошо звучит. Ну, я пойду зубы почищу, пока ты это делаешь”. По дороге поворачивает назад и говорит: “Слушай, а неплохо бы вот этот сэмпл немного прибрать, потому что слишком жирно получается”. “Как?” — говорит тот, который сидит за пультом. “Ну, вот так. Ну ладно, ты делай… А я пойду почищу зубы”. И так происходит с десяти утра до восьми вечера.

А. К.: Каковы функции каждого в проекте “Чужие”?

И. К.: Я бы сказал, что в силу нашего образования Сакмаров больше ответственен за то, что называется “музыкой”. В узком

смысле этого слова — то есть гармония, ноты и прочее. Я больше ответственен за то, что называется “звуком”, — в узком смысле этого слова. Сэмплы, подобранные звуки, звучание, обращение с аппаратурой. Но мы стараемся меняться функциями, как-то передавать их друг другу. И постепенно этот процесс инфильтрации происходит. И я начинаю играть, а Сакмаров начинает крутить ручки. Я думаю, что пройдет время, и мы будем друг другу идентичны в этом смысле. Это — если брать технологическую сторону.

Если брать душевную сторону, то я, будучи человеком истеричным, темпераментным и требовательным к жизни, в каком-то смысле вношу во все это струю какого-то критицизма, энергии такой мужской. В свою очередь Олег вносит в это энергию душевности. Его основной вклад — в лиричность, в чувства, в эмоцию. В нежную сторону всего того, что мы делаем.

А. К.: Можно сказать, что вы начинали “Чужие” как дуэт композитора и музыкального коллекционера? А потом это куда-то начало смещаться?

О. С.: Музыкальный коллекционер — это Гребенщиков.

И. К.: Я скажу, что мы начинали как дуэт двух наркоманов и, в общем-то, надеемся оставаться в том же качестве.

О. С.: А я с ужасом представляю момент, когда Кормильцев начнет писать музыку, а я — стихи. Вот что тут будет…

И. К.: Если поставки травы и кислоты будут оставаться на прежнем уровне, я думаю, что мы будем наслаждаться тем, что делает каждый из нас. Сакмаров хочет меня научить гармонии, я хочу научить его писать стихи… И мы считаем, что это очень важно… По крайней мере, подписывать все мы собираемся творческим коллективом — по старой проверенной схеме Леннон—Маккартни. Потому что уже очень трудно сказать, кто что придумал. И если, например, Олег написал всего несколько строчек в композиции “Сумочка”, а я написал всего лишь несколько партий в той музыке, которую мы сделали… Это состояние — оно быстротекущее, потому что все может обернуться обратной стороной. И я очень буду счастлив, если мы будем совершенно универсальны и научим друг друга тому, что умеем.

О. С.: Я получаю колоссальное удовольствие от неожиданных хитросплетений нашего сюжета, нашего звука, наших идей вообще… Когда я с удивлением смотрю, как какая-то моя музыкальная идея в такую сторону выруливает, что я даже сам себе представить не мог никогда. То, что называется коллективным творчеством, и чем многие рокеры щеголяют — мол, “у нас коллективное творчество”… И чего уже давно нет ни у

кого из известных мне людей… Вот мне кажется, что у нас это получается. Что мы наслаждаемся совместной работой. Такой каскад интеллектуальный, все это забавно и остроумно иногда получается. Иногда грустно и трагично.

А. К.: Огласите названия основных композиций…

О. С.: Первая называется “Химический ангел”, есть вариант “Химическая женщина”. Вторая — “Сумочка”. Это пока рабочие названия. Третья называется “Свеча”, она же “Муха”. Четвертая — “Фармакология”, в народе она называется “Моцарт”. И пятая называется “Не тащит”.

А. К.: Чем были обусловлены включения в ткань композиций индийских и тибетских мелодий?

О. С.: Ни одной индийской, слава богу, и тем более тибетской. Исключительно наши родные мусульманские мелодии. И немецкие. Больше ничего. Ну и там всякие африканские, но тоже мусульманские. Мы не склонны поддаваться экспансии восточных религий. Мы не думаем, что они должны завоевать мир, как они сами считают. У нас своя строгая немецко-татарская идеология и религия…

А. К.: Каковы ее основные постулаты?

О. С.: Джихад и много чего другого. Есть основополагающие труды классиков на эту тему, можете почитать. Различного рода Кораны. Немецкие… Кушнир хотел нас обидеть — “тибетские, индийские мелодии”...

И. К.: Буддизм — это главный объект нашей внутренней философской критики. Ты можешь посмотреть на “стену ненависти”, которая располагается на кухне.

А. К.: Вы можете приоткрыть секреты творческой кухни и продекларировать источники музыкальных цитат?

О. С.: Все сэмплы на альбоме мы честно укажем. Это даже не секрет творческой кухни, это обыкновенная порядочность. Когда мы берем кусок произведения Моцарта из записи татарских друзей, то, в общем, их и укажем. То, что огромный поток world music предоставляет нам, мы этим активно пользуемся. А Кормильцев у нас — неисчерпаемый источник мировых впечатлений.

И. К.: Если вас, к примеру, интересует текст, идущий на заднем плане в композиции “Не тащит”, то его перевод следующий: “Продолжаются свирепства исламских фундаменталистов в Алжире. В северо-западной части Алжира группа исламских фундаменталистов захватила деревню. После чего удерживала заложников в течение пяти дней”.

О. С.: Ну, и чего ты, Илья, сразу все рассказал?

А. К.: Не боись, Олег, в надежные руки это попало. А как это

богатство будет реализовано на живом звуке? Сопоставление студийного и концертного звучания?

И. К.: У нас постоянно происходят всякие технологические находки, которые могут иметь применение на сцене. Мы, в принципе, пришли к выводу, что эту музыку можно играть живьем. Ее можно играть так же долго и нудно, как играли Led Zeppelin и Grateful Dead. Интересно играть звуками, играть мирами, объективными по отношению к тебе…

О. С.: Простор для импровизации сценической очень большой — словесный и музыкальный.

А. К.: Какие звуки и инструменты во время концерта будут звучать с пульта, а какие — идти со сцены?

И. К.: На самом деле все будет идти со сцены. Просто что-то будет идти от компьютера, что-то будет идти от человека. От компьютера будет идти в основном ритмическая подкладка. Потому что, как хорошо написано в последнем номере журнала Mojo, чем отличается drum box от ударника? Тем, что в drum box программу нужно внести только один раз. Необходимость в живом ударнике — это совершенно ложная вещь. Возможно, она в шоу хорошая. Может быть, мы когда-нибудь придумаем что-нибудь для перкуссионистов, если нам захочется этого для новых оттенков. Для того чтобы просто видеть живую обезьяну, которая стучит по бонгам, как поется в знаменитой песне группы Dire Straits. А в принципе компьютер — это сетка координат. Такая бывает у художников — нанесенная сеточка из координат, в которых они что-то строят. Это хорошо, что в электронной, технологической музыке эта сетка не живая. Она не человек, именно потому что она должна быть абсолютно надежной. Люди на этом фоне могут выебываться как угодно. Это живые люди — они отражают свои эмоции, душу…

Музыка, собственно говоря, это искусство времени в первую очередь. Даже прежде чем искусство звука. А время… Люди не считают время, у тебя есть часы для этого. Собственно говоря, компьютер — это те же самые часы для музыканта, которые носят на руке. И, когда нужно, на них смотрят. Зачем на них смотреть, когда не нужно на них смотреть? И в этом смысле появление компьютера как организующего темпа, ритмического элемента музыки — это огромный прогресс, который делает музыку намного более свободной. Хотя не все это понимают… Многие видят в этом какое-то рабство, какую-то механичность. Но музыка вся механична, размер в музыке — это железный канон. Когда человек отходит от музыкального размера, от темпа, это всегда служит проигрышу музыки. Если этот отход не предусмотрен, специально не задуман, это называется лажа. В этом смысле мы

считаем, что в этой сетке можно делать очень живую, охуительно живую музыку. Не менее динамичную, не менее напористую, чем рок-н-ролл. Не меньше оставляющую простор для игры.

А. К.: Тексты у вас были первичными?

И. К.: Изначально — да. Но очень много поменялось в процессе работы над вещами… Под динамику, под содержание, под мысль.

А. К.: В тех композициях, которые я слышал, используется сильный элемент ассоциативного мышления. Там присутствует пространство для импровизации восприятия. И композиции ваши, похоже, уже живут своей жизнью…

И. К.: Мы как-то особо не рефлексируем на эту тему. Я вообще всегда считал, что текст — это некое высказывание. И это твоя проблема — как ты мое высказывание понимаешь. Для меня такого специального ассоциативного мышления, отдельного от всякого другого мышления, не существует. Когда люди собираются ассоциативно мыслить, это называется “трип”. Конечно — это полезно, музыку послушать в таком состоянии сознания… Но если ты не знаешь, что сказать, тебе ни одно состояние не поможет. Если ты не умеешь водить машину, ты не доедешь даже от станции “Нахимовский проспект” до станции “Таганская”. Если ты не знаешь, куда тебе ехать, ты можешь съесть все наркотики в мире, но в итоге никуда не приедешь.

Глубина проникновения

Мистика и психоделические опыты — это постановка под сомнение всей реальности.

Илья Кормильцев

Многие, наверное, помнят, что к концу 90-х годов вся рок-н-ролльная Москва плотно сидела на кислоте. От «Агаты Кристи» до Агузаровой и от Дельфина до «Алисы». Качественные, неправдоподобно чистые амфетамины, колеса и марки плыли в столицу, казалось, отовсюду: из Лондона и Питера, Берлина и Амстердама. Цензура и «защитники морали» тогда еще не зверствовали: в кафе и самолетах можно было курить, в кинотеатрах гоняли наркотическо-криминальные боевики Тарантино, а люди запоем покупали в видеоларьках «На игле» и «Страх и ненависть в Лас-Вегасе». Списки продаж в книжных магазинах возглавляла пелевинская «Generation P», а цитировать Кастанеду считалось признаком хорошего тона.

На дворе стояла эпоха ренессанса электронной музыки и рейв-революции. Целевая аудитория журнала «Афиша» тусила по сквотам и запоем слушала Бека, Massive Attack и «Дельфинов» Лагутенко. Модные издания «Птюч» и «ОМ» вроде бы и писали о том, что наркотики — вред, но делали это так завораживающе, что читателей неумолимо тянуло этот «запретный плод» попробовать. В недрах тусовки ходили легенды про известных рок-промоутеров, которые обзванивали всех по ночам с традиционным вопросом: «Брат, у тебя есть чё? Мы тут сидим дома, типа загибаемся…»

«Как плохой человек, я подсадил Кормильцева на источники великолепного расширения сознания, — признался спустя двадцать лет Олег Сакмаров. — До этого Илья пил водку, рассказывал об итальянских фильмах и ничего интересного о жизни не знал. Теперь же он покрасил волосы в рыжий цвет и ходил в рейв-клубы в измененном состоянии. На рассвете мы любили гулять по Коломенскому парку и встречать у входа в залив крейсер «Аврора» в натуральную величину».

После подобных экзистенциальных переживаний Кормильцев начал меняться буквально на глазах. Он стал больше смеяться и меньше истерить. Вкусив сладость психоделических переживаний,

Илья, словно булгаковский Воланд, проницательно наблюдал за жизнью со стороны. В одно прекрасное утро он заявил друзьям, что не квартирный вопрос испортил москвичей, а недостаток глубины проникновения. Спорить было бессмысленно. Да, честно говоря, никто и не пытался.

При этом космические приключения Кормильцева начали затягиваться на несколько дней-недель. Домашний телефон зачастую был выключен, и его новые приятели приходили в гости по-простому, без звонка. Дверь в квартиру закрывалась эпизодически. На кухне порой случались небольшие пожары, но на такие мелочи никто не обращал внимания. Здесь творились дела поважнее.

По вечерам за нездешним количеством вискаря и кислоты обсуждалось все на свете: от истории «химической волны» до теории и практики иконописи. Современники поэта вспоминают, что не все очевидцы этот перегруз выдерживали. В частности, уральские друзья Кормильцева, увидев, как из репродукции известной картины художника Шишкина начали вываливаться медведи, неловко спрыгивая на кафельный пол, срочно поменяли билеты и свалили на историческую родину ближайшим рейсом. Говорят, что вплоть до Домодедово их преследовали фиолетовые сфинксы с огненными крыльями за спиной.

Но долго пребывать в подобном научно-исследовательском угаре Сакмарову с Кормильцевым не удалось. В разгар очередного путешествия два химических ангела неожиданно узрели мираж. В центре студии нарисовалась высокая девушка слегка диковатого вида и с первого дубля безупречно пропела по бумажке новую композицию «Сумочка».

Как ни странно, поэт-технолог и рэпер-флейтист не спрятались за диваны и не стали размахивать бейсбольными битами, как приключилось накануне, когда при прослушивании арии Фигаро они почувствовали угрозу от музыки Моцарта и приготовились обороняться от внеземных цивилизаций.

Опасливо поддерживая друг друга, два странника отправились знакомиться и плести разговоры. Выяснилось, что не запеленгованная в сознании девушка пришла по надежной рекомендации «Хипа» Пономарева и ее зовут Алеся. Алеся Адольфовна Маньковская. Из Минска. Приехала в Москву из бывшей дворянской семьи, пела в мюзиклах у Стаса Намина, а по ночам репетировала среди скелетов в Дарвиновском музее, выступая в поп-группе идеолога «Дикой мяты» Андрея Клюкина.

«Я закончила в Минске спецшколу при консерватории как дирижер-хоровик, — вспоминает Алеся. — После этого поступила в ГИТИС, хотя мечтала учиться в школе-студии МХАТа. Но мама

мне не разрешила, авторитетно заявив, что все артистки — бляди».

Оперная певица и актриса по призванию, взрывоопасная Алеся пришлась в химической тусовке с Нахимовского проспекта ко двору. Кормильцев с «Дедушкой» Сакмаровым уже давно искали по принципу Massive Attack новых вокалисток на каждую композицию. У них намечались кое-какие удачи, но в итоге слабо управляемая Маньковская переплюнула всех.

Ее буйный темперамент и депрессивный вокал органично интегрировались в недра психоделической культуры. Будущая участница Эдинбургского театрального фестиваля никогда не слышала «Наутилус» и воспитывалась исключительно на традиционном джазе и альбомах группы Chicago. Понятно, что при подобной музыкальной девственности она представляла собой идеальную глину для двух обдолбанных электронных гурманов.

«Тебе надо послушать все сборники хип-хопа за последние десять лет, — убеждал Маньковскую Кормильцев. — Там треть музыкантов уже убили, а половина оставшихся сидит в тюрьме. И после этого ты поймешь, что это честная музыка, в отличие, скажем, от шансона».

На Алесю подобные терапевтические методы действовали, но слабо. Она больше доверяла житейской интуиции, которая в Москве ее не подводила ни разу. При этом Маньковская не на шутку загорелась новым приключением, и ее было несложно понять. Не слишком опытную белорусскую студентку судьба пригласила в волшебный мир философского суперпанка, принципиально записанного без бас-гитары, но с тяжелыми электронными барабанами.

В текстах про порванные зубами колготки Кормильцев выжигал свою любовь к рок-н-ролльным героям вчерашних дней. Внезапно открывший для себя новые горизонты поэт призывал отречься от прошлых подвигов и активно строить новый мир. Любыми способами, пусть даже и психоделическими. Все это сопровождалось неподдельным энтузиазмом и невероятным восторгом участников процесса, словно здесь снимался документальный фильм про создание параллельной реальности.

В итоге звукозаписывающая сессия альбома «Подполье» завершилась на очень громкой ноте. А именно — высокохудожественным романом между Кормильцевым и юной Маньковской, который развивался у всех на глазах и в который первоначально никто не верил. Но все оказалось серьезно.

Илье нравились в Алесе ее неполиткорректность, бесстрашие и легкое безумие.

«Маньковская — это человек, у которого из одного кармана торчит виски, а из другого — бутылка пива, — не без гордости представлял Кормильцев друзьям эту странную девушку. — И если ее спросить, почему такая смесь, она ответит, что виски без пива ее не вставляет».

С появлением минской русалки в жизни Ильи завершилась бесконечная череда историй со славными московскими барышнями. Кормильцев черпал в них вдохновение, цитируя любимую фразу БГ о том, что «настоящий музыкант и поэт всегда должен быть влюблен». По правде говоря, истинным автором этого высказывания являлся Курехин, но в данной ситуации это не имело никакого значения…

Неудивительно, что после того, как новая муза Ильи переехала жить на Нахимовский проспект, финальная часть записи оказалась заточена под вокал Алеси. В песни были внесены кардинальные изменения, порой неоднозначные.

С точки зрения Сакмарова, активная интеграция Маньковской в творческий процесс дала двусторонний эффект. С одной стороны, она гениально спела несколько композиций. С другой стороны, ей удалось невозможное — разрушить казавшийся незыблемым тандем единомышленников и повернуть ход истории в другую сторону.

«Как настоящая женщина, Маньковская сумела охмурить Кормильцева, и через несколько месяцев в нашей компании все стало понятно, — признается Сакмаров. — Алеся зациклила на себе все аранжировки, и бороться с этим оказалось невозможно. В итоге вопрос встал ребром: или я, или она. Поэтому я не сильно удивился, когда ко мне как-то подошел Кормильцев и, заикаясь от смущения, тихо сказал: “Мы с Маньковской наконец-то выпустили альбом “Чужих”. Правда, Алеся некоторые композиции переделала, а некоторые выкинула». И я подумал: а чего еще от женщины можно ждать? Забавно, что она выкинула мою песню Come Down, сказав, что это унылое говно. Наверное, потому что там пела не она, а я. Такая у нас с Ильей случилась лютая Санта-Барбара…»

Ответный ход «Дедушки» Сакмарова последовал мгновенно. Во-первых, он метнулся к Славе Бутусову записывать альбом «Овалы», а затем отправился с ним в тур по стране. Как будто и не было у него двухлетних попыток избавиться вместе с Ильей от влияния и незримой ауры лидера «Наутилуса». Во-вторых, бывший соратник Кормильцева выпустил в Нью-Йорке альтернативную версию альбома, назвав его «Химический ангел». Почти во всех треках с женским вокалом Олег поставил других певиц — начиная от участвовавшей в записи Светы Плетенко до

бывшей вокалистки группы «Девчата» Кати Бочаровой.

Но это еще не все. Кроме опальной песни Come Down Олег включил в альбом апокалипсический вариант композиции «Парашютизм», исполненный свердловчанином Игорем Гришенковым в жестком стиле «Мамонов на кислоте». С моей точки зрения, это один из самых страшных электронных боевиков конца 90-х, несправедливо незамеченный и недооцененный. Душераздирающим голосом вокалист «Апрельского марша» буквально воет в микрофон: «Мама, не выкидывай меня из люка/ Мама, мама, я не хочу быть парашютистом!/ Что ты наделала, мама-а-а…»

У всего этого химического триллера неожиданно оказался красивый и сентиментальный финал. В конце 2015 года Маньковская и Сакмаров, позабыв былые разногласия и обиды, дали единственный «живой» концерт проекта «Чужие». Сакральное действие происходило в старинном особняке на Покровке, где за сотню лет до этого выступал великий Шаляпин. Специально прилетевшая из Лондона Маньковская пронзительно исполнила весь наркотический репертуар «Чужих»: «Фармакология», «Химическая женщина», «Сумочка» и «Муха». Выглядела она как стервозная дьяволица в духе Диаманды Галас и была неотразима.

Олег Сакмаров в императорском кителе, с капельками пота на лице, вещал в темноту мрачные кормильцевские мантры: «Кому нужны новые дети за пару лет до конца света? Come Down! Come Down!»

Им подыгрывали музыканты лучших московских групп, а слушали это, затаив дыхание, человек сто вышколенной столичной интеллигенции. У Олега тряслись руки, у Алеси проступали слезы, а ее голос местами предательски дрожал. С момента записи «Подполья» прошло почти двадцать лет, но при этом ни один звук, ни одна нота не потеряли своей актуальности и честности. Пожалуй, это была та самая искомая глубина переживаний, о которой так искренне мечтал Кормильцев в затуманенном экспериментами 1998 году.

Никто из ниоткуда

Прогремел дефолт, отделивший зубчатой пилой валютного курса время надежд от времени безнадежности.

Илья Кормильцев

Когда Илья закончил работу над проектом «Чужие», всем казалось, что ничто в округе не предвещает беды. Журналистам и друзьям альбом нравился, а Гребенщиков разразился хвалебной тирадой из серии «ну кто-то же у нас должен был сделать такое!» Бывший директор «Наутилуса» Володя Месхи, выступая в роли национального топ-продюсера, предлагал проекту шикарные туры по всей России. Генеральный директор компании Rise Music уже давно торчал на подобной «умной музыке» и, подозреваю, самозабвенно сидел на такой же жизнерадостной диете, как и Кормильцев с Сакмаровым.

Но реализовать эти планы не удалось. Грянул кризис 1998 года, и всей музыкальной индустрии пришлось урезать бюджеты. В итоге ни один из лейблов, с которыми сотрудничал «Наутилус», выпускать «Чужих» не отважился.

«Новые артисты сейчас никому не нужны, — заявил Кормильцеву представитель одного из мейджоров. — Причем не нужны агрессивно!»

«Это был, конечно, щепетильный момент», — признался спустя двадцать лет после этих событий владелец Dana Music Андрей Сумин. Его отказ стал для Ильи Валерьевича не просто неожиданностью, но и сильным ударом. Окончательно добил Кормильцева отрицательный ответ музыкальных FM-радиостанций. Начиная от MAXIMUM и заканчивая «Нашим радио», которое при этом умудрилось продать на благотворительном аукционе рукопись «Скованных одной цепью» за 1500 долларов.

Не оправдывая программных директоров — этих вечных «церберов формата» — надо заметить, что и сам Кормильцев проявлял чудеса маркетинговой недальновидности. Дело в том, что в репертуаре «Чужих» находилось как минимум два радиохита: спетая Сашей Васильевым из «Сплина» лирическая композиция «Дождь» и трогательная зарисовка «Звонки» в

исполнении Насти Полевой. Но замутненный наркотиками поэт решил концептуально воевать с собственными хитами и в альбом эти шедевры не включил. В итоге — за что боролись, на то и напоролись: ни один радиохолдинг проект «Чужие» не поддержал. Ни физически, ни химически.

После постоянного триумфа альбомов «Наутилуса» это был полный провал. И озверевший от такого жизненного поворота Илья резко ушел в тень. Правда, прогрессивная рок-общественность не могла забыть своего героя еще долго.

Вскоре после выхода ограниченным тиражом альбома «Подполье» с Кормильцевым неожиданно связался Максим Фадеев. С профессиональным обаянием композитор Линды предложил Илье делать новый рок-проект. Речь шла про безымянную группу Total, которая тогда называлась «Тату». Ровно до тех пор, пока этот звонкий бренд не украли. Как любил говорить Сакмаров, «сами знаете кто»…

Схема будущего сотрудничества была простая: Кормильцев предоставляет тексты, а будущий продюсер «Фабрики звезд» пишет на них музыку. Все коротко и ясно.

Илья съездил на несколько переговоров с менеджментом Фадеева, но вместо текстов неожиданно предложил… пиар-менеджмент в моем лице. Сам же с проекта незаметно соскочил. То ли тексты не писались, то ли не захотел писать. Не знаю.

«Вся эта история происходила на моих глазах, — вспоминает Олег Сакмаров. — Кормильцев возлагал на Фадеева серьезные надежды и сильно огорчился, когда что-то стало не получаться. Уровень грустного скепсиса и самоиронии Ильи по отношению к проекту увеличивался и увеличивался, а потом все сошло на нет. Мне кажется, что это была для Кормильцева такая немножко пораженческая история».

При этом Кормильцев не был бы Кормильцевым, если бы не согласился прийти на презентацию Total. У меня сохранилась видеокассета, где Илья задает музыкантам единственный вопрос: «Вот вы вроде бы играете рок-музыку… Не чувствуете ли себя марионетками, исполняя чужие мелодии на чужие тексты?» Надо признаться, что ответ группы интересовал поэта в последнюю очередь. Мне стало любопытно: уж не унылые ли лица участников «Наутилуса» породили в мозгах Ильи Валерьевича подобный вопрос? Эх..

После несостоявшегося альянса с Фадеевым мы с Кормильцевым встретились у меня на дне рождения. Илья был бодр и весел, а на оригинальный вопрос «как дела?» поведал прямо-таки анекдотичную историю.

Для начала он положил на стол два модных компакт-диска:

«Брат» и «Брат-2». Как известно, в каждом из них были песни на стихи Кормильцева. «Ты что, хочешь мне эти диски подарить?» — без энтузиазма спросил я. «Не-а, — радостно ответил Кормильцев и, подражая героям кинофильма «В августе 44-го», сказал: «Морщи лоб, шевеля губами... Я как-то утром посмотрел на эти альбомы и подумал — а вот если существуют фильмы Леши Балабанова «Брат» и «Брат-2» и они успешно продаются, то почему на прилавках до сих пор нет диска с названием «Брат-1»?»

Предчувствуя суперрассказ, я уже задыхался от смеха. Но Илья в этот вечер решил пленных не брать. Бесчеловечным голосом он поведал повесть о том, как можно стать условным миллионером за неделю. Вначале он слетал в Питер и подписал документы на смежные права с Бутусовым и Настей Полевой. Затем убедил звукозаписывающую компанию издать еще один диск — с актером Сергеем Бодровым на обложке. После этого Илья лично подбирал шрифт надписи «Брат-1» — чтобы не существующий в природе саундтрек внешне ничем не отличался от своего диска-предшественника и диска-последователя.

«И как ты думаешь, каким тиражом продалась пластинка?» — спросил Илья. Я не слышал вопроса, поскольку хохотал так, что чуть гланды не выскочили. Третий раз приступы смеха накрыли меня после того, как я спустился в метро. На самом видном месте в ближайшем ларьке стояли три сборника: «Брат», «Брат-1» и «Брат-2». «Нет, все-таки Кормильцев определенно гений», — в очередной раз подумал я.

Но такие счастливые истории были скорее исключением из правил. А правила заключались в том, что вскоре после выпуска альбома «Брат-1» все финансовые сбережения у Ильи закончились. Миллионами там, конечно, не пахло и в помине. Денег от проекта «Чужие» не было, а роялти от альбомов «Наутилуса» приносили Илье, по признанию Андрея Сумина, «практически один только воздух».

«В какой-то момент я через друзей попыталась проверить количество лицензионных и пиратских дисков «Наутилуса», — вспоминает Алеся Маньковская. — Оказалось, что легитимных пластинок было выпущено всего четыре наименования, а пиратских альбомов — больше семидесяти. И это абсолютно типичная и характерная проблема для русского рока. Диски всё издавались и издавались, а Илья постоянно оставался с голой жопой. Его очень оскорбляло то, что всё, что он создавал, у него каждый раз воровали. Кормильцева это бесило, порой — до состояния истерики».

Осенью 1999 года у Ильи с Алесей родилась дочка Каролина, а денег у молодых родителей по-прежнему не было. Чтобы

заплатить аренду за очередной месяц, Кормильцев был вынужден продать винтажный усилитель, поскольку других источников дохода у него не наблюдалось.

Вскоре любимая мной двухкомнатная квартира на Нахимовском проспекте завершила существование. Неожиданно вернувшаяся из Бельгии хозяйка повела себя, как последняя скотина. Она вставила в дверь новые замки и в обход существующих законов выставила семью на улицу. Им еще крупно повезло: через знакомых Алеся оперативно нашла новую квартиру в Васнецовском переулке, куда чета Кормильцевых переехала за одну ночь.

Еще одна сложная тема «кризисного периода» — отношения Ильи со Славой, которые после распада «Наутилуса» стали напоминать американские горки. То бывшие друзья ездили друг к другу в гости, жарили курицу, ставили новые записи и душевно общались. То начинали нервно решать проблемные финансовые вопросы, причем — каждый раз по-разному.

К примеру, как-то раз Бутусов позвонил Кормильцеву — договориться об использовании названия «Наутилус Помпилиус» во время американских гастролей. А, кроме того, об исполнении композиций, слова к которым написал Илья. Насколько мне известно, речь шла об акустических концертах перед русскоязычной аудиторией в небольших клубах Нью-Йорка.

Говорят, что большим желанием лететь в Америку Бутусов особенно не горел, но в итоге согласился на аргументы жены Анжелики. А аргументы были железные — дефолт, музыканты сидят без денег, и, вообще-то, семью кормить надо.

«Ну, поезжай, — сказал Кормильцев Бутусову, выслушав по телефону эти грустные новости. — Давай договоримся так: за любой концерт, где ты поешь мои песни, я получаю сто долларов. Неважно, какие у тебя гонорары. Ты платишь мне ровно сто долларов».

Этот разговор касался исключительно выступлений в Америке. В России Слава в тот период строил концертную программу, состоящую из песен, написанных на собственные стихи, а также на стихи Головина, Гуницкого и Димы Умецкого. Позднее Бутусов начал исполнять композиции из репертуара «Кино», но тогда Кормильцева подобные нюансы волновали мало. Никто и предположить не мог, какое развитие эта история получит в дальнейшем.

В тот период Илья вместе с семьей переехал в Минск, где с головой ушел в музыку. Он научился играть на синтезаторе, делать скретчи и начал самостоятельно (!) записывать альбом «Opera Mechanica», основанный на современном переосмыслении

классической музыки. Спустя несколько лет Кормильцев подарил мне журнал «Ночная жизнь столицы» с компакт-диском этого кроссовер-проекта, несколько композиций из которого впоследствии звучали на «Радио Classic».

Параллельно созданию инструментальной музыки поэт «Наутилуса» писал стихи, но, скорее всего, для себя, «в стол». Хотя при этом требовал от родственников полной тишины.

«Если Илье надо было что-то написать, не дай Бог вам постучаться в кухню, — вспоминает Маньковская. — Ему нужно было полное отсутствие людей, а ты можешь кушать, где угодно. Он плотно прикрывал дверь, и в такие моменты его ничто не раздражало так сильно, как люди».

В Минске Кормильцев жил крайне скромно, практически не выходя из домашней студии, аппаратуру для которой привез из Москвы. Мама Алеси, милейшая Нина Ивановна, помогала нянчиться с маленькой Каролиной и подкармливала молодожёнов — на четвертый год совместной жизни поэт и певица решили расписаться.

«Илья тогда приехал к маме с коробкой конфет и попросил моей руки, — вспоминает Алеся. — Мне тогда казалось, что всё это не круто. На что мудрая Нина Ивановна заявила: «Немедленно прекрати эти выпендрежи! Я не понимаю, о чем ты думаешь? Каждая приличная женщина хоть раз в жизни должна побыть замужем». И в феврале 2003 года мы расписались в Минске, в соответствии с обычаями и законами Республики Беларусь».

Вскоре Кормильцеву позвонил Сакмаров и заявил, что слышал композицию «Come Down» в голливудском фильме с участием суперзвезды Жан-Клода Ван Дамма. Фильм назывался «В аду», и под бессмертную мелодию «Чужих» в американской тюрьме пытали бандитов, убийц и русских разведчиков. Музыка при этом была соответствующая.

«Тогда я был уверен, что это — большая победа, — признается Сакмаров. — Гребенщиков не без зависти мне сказал: «Ну, Дедушка, твои финансовые проблемы до конца жизни решены». Я перезвонил Илье и радостно заявил: «Есть мнение, что наши финансовые проблемы решены!» На что мудрый Кормильцев ответил: «Да ты совсем охренел!» И бросил трубку. Я примчался к нему с видеокассетой, на которой были указаны авторы: Кормильцев и Сакмаров. «Илья, мы с тобой — голливудские композиторы и сейчас заработаем много денег!» На что Кормильцев сказал: «Слушай, мы получим не денег, а монтировкой по затылку!» В итоге монтировкой мы не получили, но и денег не заработали тоже».

Можно утверждать, что после этой «истории из прошлого» Илью Валерьевича Кормильцева не связывало с шоу-бизнесом абсолютно ничего. Теперь он выглядел типичным аутсайдером. Без коммерческого потенциала и блестящих перспектив. Без настоящего и будущего. Другими словами, «никто из ниоткуда».

Во многом это было действительно так. Теперь Илья официально нигде не работал, жил без прописки, переезжая с квартиры на квартиру. Бродил по эсхатологической Москве в кислотно-апельсиновой рубашке Diesel, с рыжими волосами и блуждающим взглядом. Казалось, что он в те месяцы поменял не только прическу, но и сознание. Порой его останавливали милицейские патрули — за подозрительный внешний вид и странную неземную энергетику, как я полагаю…

Как-то раз молодой сержант, изучая документы Кормильцева, внезапно задумался и настороженно спросил: «Это ты, что ли, написал «комнату с белым потолком»? Такое, не покурив, не напишешь!» На что Илья мгновенно ответил: «А такое не покурив, не подумаешь!»

На том, довольные собой, они и разошлись в разные стороны. Каждый — в свое никуда.

Часть IV. Повелитель книг 1999-2007

Пока мы лиц не обрели

Я бы с удовольствием работал в каких-нибудь музыкальных проектах, но в этой сфере ситуация сейчас очень плохая. Гораздо хуже, чем в литературе. В музыке силы сопротивления исчерпаны в гораздо большей степени, чем, к примеру, в книгоиздательской среде.

Илья Кормильцев

Как-то раз Кормильцев позвонил и безапелляционно заявил, что надо немедленно встретиться. Подробностей объяснять не стал, а только сказал: «Через час буду в офисе “Кушнир продакшн”. Можешь не объяснять дорогу — я уже по карте все посмотрел. Сейчас сяду на велосипед и приеду».

«Не забудь взять компас», — попытался отшутиться я, но Илья меня уже не слушал. По-моему, он в тот период вообще мало кого слушал.

Кормильцев действительно приехал на велосипеде. Притаранил с собой кучу новых книг, преимущественно — переводной прозы контр-культурного плана.

«Я редактирую и продюсирую выпуск серии книг под названием “Альтернатива”, — выпалил с порога Кормильцев. — И сотрудничаю с журналом “Иностранная литература”».

К стыду своему, я даже не предполагал, что такой журнал еще существует. Ну да ладно. Единственное, что я понял, вернее, почувствовал, — что Илья живет очередной, бог знает какой по счету, новой жизнью. Меня Кормильцев почему-то решил в нее пригласить. А точнее, в редакционный совет «Альтернативы» — в одной компании с Гребенщиковым, Лагутенко, Вадимом Самойловым, Козыревым и Бухариным. Эти люди в преломленном сознании Ильи Валерьевича представляли, ну, если не лицо, то совесть русского рок-андеграунда.

«Что делать-то надо?» — беззаботно спросил я в самом конце беседы. «Да, честно говоря, ничего не надо, — ответил поэт-переводчик. — Твоя фамилия будет стоять в списке редакционного совета, а я буду присылать тебе подарочные экземпляры книг».

«А, понятно, — сказал я. — Бизнес по-русски. Если тебе очень надо, то пиши. В принципе, я не против».

Илья подарил новые книги, сел на велосипед и уехал. Со стороны все выглядело благородно и, казалось, совершенно невинно. Мол, дух просветительства в лице Кормильцева облагораживает человечество. Но это было не совсем так.

Первая ласточка «Альтернативы», которую Илья прислал мне в подарок, была оранжевого цвета и называлась «Отсос». Как позднее признавался Дима Умецкий, увидев книгу с таким названием, он поставил ее на полку и больше не открывал. В отличие от автора «Гудбай, Америка» меня съедало чисто профессиональное любопытство — чем именно занимается Илья сейчас. Тем более что на обложке «Отсоса» красовались слова Кормильцева: «Для нашего времени эта книга — то же самое, чем были «Бесы» Достоевского для конца XIX века. Прочитав этот роман, вы поймете, почему за красным восходом неизбежно следует коричневый закат.»

Написано это было столь интригующе, что начал читать. Тем более что в самом начале книги действительно была-таки напечатана редколлегия с моей фамилией. «Ну, прямо вся доска почета», — радостно подумал я, но книгу Стюарта Хоума до конца не дочитал. Наверное, фестивали какие-нибудь делал. Не помню.

«Ты вообще-то гордиться должен, — веселился Илья по телефону. — Книга “Blow Job” в аутентичном переводе должна была называться “Минет”. Но маркетологи мне поклялись, что с такой обложкой ее ни один книжный магазин страны не возьмет. Пришлось назвать “Отсос”. Теперь продавцы и дистрибьюторы говорят про нее только шепотом и не произносят название вслух! Типа, им нужно десять экземпляров ЭТОЙ книги».

Так начиналась новая эпоха в жизни Кормильцева. Шоу-бизнес остался для него в далеком прошлом, вместе со всеми регалиями, победами и поражениями. Третье тысячелетие Илья начинал как дебютант, с чистого листа.

Сегодня становится понятно, что первичным импульсом к его новейшей деятельности послужила история с романом «Пока мы лиц не обрели». Желтоватые листки кормильцевского перевода Клайва Льюиса валялись у него в столе в течение нескольких лет. Ровно до тех пор, пока в 1996 году Илья не дал почитать эту рукопись Ольге Суровой, которая совмещала преподавание на филфаке МГУ с переводческой деятельностью в рамках международного проекта «Яблокитай».

«Илья показал перевод Льюиса с таким видом, как будто это самое заветное дело его жизни, — вспоминает Сурова. — Он вручил мне текст и немного грустно сказал: “Почитай,

пожалуйста! Я переводил все это с большим увлечением. Понятно, что этого никто и никогда не увидит, но для меня эта работа очень дорога”». Я прочитала рукопись за ночь. На следующий день передала ее заведующему кафедрой Леониду Григорьевичу Андрееву, доктору наук, ветерану войны и специалисту по французской литературе. Он сказал, что перевод изумительный. И он приложит все усилия, чтобы это вышло, к примеру, в журнале “Иностранная литература”.

Андреев свое слово сдержал. И в январе 1997 года роман «Пока мы лиц не обрели» вышел в «Иностранке», а спустя несколько дней Илья оказался в Екатеринбурге, где с гордостью читал отрывки Светлане Алексеевне.

«Я была довольно взрослой, когда Илья принес “Иностранку” с льюисовским романом и много рассказывал о его библейских истоках, — вспоминает Ксения Устюжанинова. — У меня сложилось такое впечатление, что брата обуревала тяга к безгрешности. Жажда утраченного рая, когда Адам и Ева еще не вкусили плодов «древа познания». У Ильи было тяготение к подобному райскому бытию. В его детских рассказах и в книге “Никто из ниоткуда” это очень заметно».

После выхода этой публикации восторгу Кормильцева не было предела. С одной стороны он сумел прорваться внутрь московской секты переводчиков, поскольку журнал «Иностранная литература» оказался еще более закрытым предприятием, чем секретный космический объект. С другой стороны, Илья чувствовал, что академическая составляющая его личности до сих пор не реализована. Ему не хватало респектабельных акций и серьезных шагов, которые оставили бы свой след в современной культуре.

По приглашению Ольги Суровой он начинает преподавать на филфаке МГУ спецкурс по русской рок-поэзии, вкладывая в эти семинары всю душу. На них Кормильцев досконально анализировал поэзию Башлачева, Летова и Ревякина, и при этом мог жестко «проехаться» по лирике, скажем, Лагутенко.

Выяснив на одном и занятий, что его студенты-филологи не сильно слушают «Мумий Тролль», Илья Валерьевич закатил глаза к небу, выдержал театральную паузу, а затем громко спроси «Ну, кто же мне объяснит это экономическое чудо? Кому это они втюхали два миллиона пластинок?»

Гробовая тишина была ему ответом. Параллельно Кормильцев пробует себя в смежных отраслях — начиная от написания аналитических статей по поэзии до экспериментов в области креативной рекламы. Его ролик для пива «Доктор Дизель» с остроумным слоганом «твоя рука, моя рука» крутился

на федеральных каналах более полутора лет. И никто не догадывался, что этот прилипчивый закадровый текст был сочинен поэтом «Наутилуса».

«Мой знакомый предложил написать несколько сценариев, и мне это показалось забавным, — вспоминал впоследствии Кормильцев. — Дело было после кризиса, и тогда еще можно было реализовать смешную идею. Сейчас там работают только кадровые сотрудники, и ироничный концепт пропихнуть туда нереально. Потому что реклама стала откровенно тупой и ориентированной на кретинов. Реклама могла бы быть интересным видом художественного творчества, но теперь это возможно исключительно в сфере политической рекламы и пиара».

«Илья, наверное, наконец-то осознал свое призвание литератора и поэта с большой буквы — считает Сакмаров. — Мол, “поэт в России больше, чем поэт”, как в итоге и оказалось. Он искал в тот момент продолжение себя. Мне казалось, что его реклама пива — это коммерческое фуфло, а Кормильцев отвечал: “Какая разница, где моя фраза выстрелит? Песня «Скованные одной цепью» выстрелила в рок-н-ролле, а фраза «твоя рука, моя рука» — в рекламе. И этот слоган может производить такой же эффект на сознание масс, как и мои стихи».

Не останавливаясь на достигнутом, Илья забросал журнал «Иностранная литература» массой переводов — начиная от Ежи Косинского и Фионы Макдональд и заканчивая рассказами Балларда и Толкиена.

«Прошло много лет с момент распада “Наутилуса” и меня часто спрашивают: “Кем вы себя сейчас воспринимаете?” — откровенничал Кормильцев в одном из интервью. — Последнее время я выступаю как переводчик, критик, культуролог, композитор. Всего понемногу. Давно пишу прозу, но никак не могу ее толком собрать и подготовить сборник. Несмотря на то что провожу восемьдесят процентов времени в обществе издателей. Я очень загружен как переводчик, это даже начинает меня раздражать. Как только выполню взятые обязательства, буду с этим завязывать».

Но завязать с переводами у Ильи категорически не получилось. Более того, их становилось все больше и больше. Затем добавились всевозможные аналитические тексты и материалы. В частности, в «Иностранной литературе» у Кормильцева выходит программная статья про «Поколение Х», где он рассуждает о «безграничной свободе осознанного выбора». Также в одном из ее номеров у Ильи был опубликован перевод рассказа актуальнейшего автора Ирвина Уэлша «Вечеринка что

надо» и эссе «Жан Жак Руссо химического поколения», посвященное его творчеству.

«Любопытно, что статью про Уэлша Кормильцев предоставил не в машинописи, а в рукописи, — вспоминает ответственный секретарь “Иностранной литературы” Алексей Михеев. — Мне было совершенно в новинку, когда Илья принес аккуратную, исписанную его почерком стопочку, даже не черновик. И это притом, что с компьютером он был вполне «на ты». Я спросил: «Зачем ты пишешь от руки?». И Кормильцев ответил, что ему это принципиально важно. Мол, на компьютере так никогда не получится».

Мощным импульсом для Ильи стал крупнейший международный конкурс переводчиков «Современная зарубежная художественная литература», инициатором и спонсором которого являлся Фонд Сороса. Зная непростой характер Ильи Валерьевича, друзьям было непросто убедить поэта принять участие в этом мероприятии.

Алеся Маньковская, которая с детства обожала всякие соревнования и конкурсы, давила на Илью с одного фланга а его коллеги из «Иностранки» — с другого.

«Я предложил Илье участвовать, хотя первоначально он был настроен скептически — признается Алексей Михеев. — У него не было уверенности, что он пройдет в финал, поскольку конкуренция была огромная. Мне все-таки удалось убедить его подать заявку. Среди кандидатов на перевод в его списке был и роман Ника Кейва. Но у Кормильцева существовали серьезные сомнения, что это будет кому-то интересно. Я его активно поддержал, он остановился на прозе идеолога Bad Seeds, и в итоге выиграл грант на перевод “И узре ослица Ангела Божия”. После того как книга вышла, Илья обрел уверенность и стал человеком, который не просто робко стучится в двери издательств».

Зимой 2001 года Илья пригласил меня на презентацию книги Кейва, состоявшейся в клубе «16 тонн». Кормильцев поистине светился от счастья, и в окружении представителей прессы, музыкантов и друзей выдал искрометную речь.

«Сам роман Кейва я приобрел в Лондоне еще в середине 90-х годов, — заявил переводчик. Тогда мне казалось, что издавать его в России рано, в первую очередь, из-за большого количества крови, спермы и насилия. Теперь этот час настал. Я искренне считаю “И узре ослица Ангела Божия” самым талантливым экспериментом в области литературы из всех, предпринятых рок-музыкантами. Ведь многие рок-звезды, начиная с Джона Леннона, пробовали себя в словесности. Но оказались не более чем забавными дилетантами. Кейв же написал действительно

сильную и непростую вещь, выдающуюся по богатству языка и напору эмоций».

У истории с подготовкой этой книги есть красивое послесловие, которое мало кому известно. Дело в том, что не очень внимательный к бытовым мелочам Илья слишком долго собирал документы для конкурса. Он сорвал все сроки и опоздал отослать заявку в Фонд Сороса. Всем казалось, что наступила ситуация из серии «гипс снимают, клиент уезжает». Но в дело неожиданно вмешались потусторонние силы, добрые ангелы и жена Алеся.

«Я очень хорошо помню эту историю, поскольку все происходило в моем стиле, — смеется Маньковская. — Я очень настаивала, чтобы Кормильцев подал заявку на грант. Дедлайн на отправку документов был 1 мая 2000-го года. И когда Илья с горем пополам все собрал, в стране наступил праздник и все учреждения оказались закрыты. На следующий день мы пошли на почту, я по старой белорусской привычке подошла к сотруднице с шоколадкой в руках и сказала: «Пожалуйста, поставьте нам штампик задним числом». Она отвечает: “Я же не могу!”, а я ее убеждаю, что нам очень-очень надо. И дарю шоколадку. В итоге на задрипанной московской почте сердобольная женщина средних лет поставила нам штамп предыдущим числом. Когда объявили победителей конкурса, оказалось, что все они из Москвы или Санкт-Петербурга. В этом списке Кормильцев стал единственным переводчиком из Екатеринбурга. И для человека такого масштаба это был очень показательный момент международного признания его таланта».

Подводя итоги этого светлого периода, необходимо заметить, что впоследствии Кормильцев трижды номинировался на премию журнала «Иностранная литература»: в 2001 году — за перевод пьесы Тома Стоппарда «Травести», в 2000 — за эссе «Три жизни Габриэля д’Аннунцио» и в 1998 — за роман «Пока мы лиц не обрели».

За сравнительно короткий срок Кормильцев решительно ворвался в мир переводчиков и стал в нем действительно знаковой фигурой. Теперь у него появились необходимые знания и опыт для следующих шагов в сфере книжной индустрии.

Большие дела

Маргиналы сплошь и рядом побеждают.

Илья Кормильцев

Настало время рассказать об Александре Касьяненко — человеке, который в начале нулевых сыграл ключевую роль в жизни Кормильцева. Я знаю Сашу не очень долго, но по размаху своих наполеоновских планов он напомнил мне директора «Наутилуса» Володю Месхи. Обаятельнейший интеллигент и художник, Касьяненко стоял у истоков многих литературных авантюр и подвигов в биографии Ильи Валерьевича.

В начале лихих девяностых Александр эмигрировал из Екатеринбург; в Израиль. Там открыл книжный магазин «Дон Кихот», через несколько лет продал его и отправился в Москву отмечать наступление миллениума. Вскоре устроился работать дизайнером «Официального путеводителя по Кремлю» и одновременно стал художником-концептуалистом в прогрессивном издательстве «Гудьял-Пресс», выпускавшем книги Дины Рубиной, Шварца и Лавкрафта.

“Я — человек попсы, — признается Касьяненко. — По мне, чем жестче высказывание — тем лучше, скандальнее и интереснее оно воспринимается».

Как-то раз, впечатлившись просмотром фильма «Бойцовский клуб», Касьяненко загорелся желанием издать книгу Чака Паланика. Для успешной реализации идеи ему необходимо было запеленговать переводчика, виртуозно владевшего не столько английским, сколько русским языком. И профессионалы от книжной индустрии чуть ли не единогласно посоветовали ему обратиться к Кормильцеву. „Никого лучше Ильи для перевода Паланика ты не найдешь», — уверенно заявляли они.

«Я позвонил Кормильцеву и приехал к нему домой, — вспоминает Касьяненко. — Там был бардак, потому что они с Алесей куда-то уезжали. В итоге встреча прошла сумбурно. Илья был поражен, что я не в курсе, чем он занимался раньше. Потом мы встретились в спокойной обстановке и оперативно перевели “Бойцовский клуб”. В процессе сотрудничества я увидел, что у Кормильцева быстрый и острый ум. Даже самые сложные фрагменты он переводил с потрясающей легкостью».

Чуть позже Илья познакомил Сашу Касьяненко с известным переводчиком Алексом Керви, сотрудничавшим с музыкальными журналами «О!» и «Забриски Raider». Вскоре они решили втроем издавать серии книг «Альтернатива» и «Классика контркультуры», ориентированные на актуальную прозу английских и американских авторов. Первыми релизами этого творческого трио стали такие культовые книги, как «Бойцовский клуб», «Отсос», «Generation X» и «На игле».

«Мне очень нравилось работать с Ильей, — вспоминает Алекс Керви.

В отличие от других редакторов, он никогда не придирался и правил только то, что требовало правки. У людей, когда-либо переводивших с другого языка, существует такое понятие, как “профессиональная ревность”. У Кормильцева ее не было».

Переводческая и издательская сверхактивность Ильи не могли остаться незамеченными в кругу профессионалов. Неудивительно, что в это время заметно вырос рейтинг Кормильцева внутри редакции «Иностранной литературы». Теперь поэт оказывал большое влияние на политику книжной серии «Иллюминатор», выходившей в учрежденном «Иностранной литературой» издательстве «Иностранка»; в этой серии уже были опубликованы его переводы Клайва Льюиса и Ника Кейва.

Постепенно Кормильцев начал входить в раж и решил резко расширить рамки «Иностранки». Его неугомонная энергия требовала все более радикальных текстов, более провокационных концепций и идеологий. Несложно догадаться, что ни один из курируемых Ильей проектов такой степени свободы ему предоставить не мог. В частности, потому что их учредители были серьезными игроками книжного рынка, в основном заточенного на коммерческую, а не просветительскую деятельность.

Но в голове у переводчика «Бойцовского клуба» стали все чаще возникать мысли о собственном издательстве, способном взорвать этот капиталистический предел. Ему претила скучная политкорректность российского книгоиздательства, и душа Ильи рвалась совершать очередные подвиги. К примеру, он никак не мог смириться с тем, что на обложку “Бойцовского клуба” в типографии отказались ставить фотографии падающих нью-йоркских небоскребов.

«В какой-то момент мы увидел что проекты вроде «Классики контркультуры» оказались для нас слишком тесны, — разочарованно заявил Кормильцев в одном из интервью. — И мы поняли, что художественная литература — это еще не все. Главная задача — давать подробную информацию, подавать ее в

научно-популярной форме. Но эту задачу ни одно из существующих издательств решить не могло».

Впервые Илья заговорил о собственном проекте зимой 2002 года. Именно в этот период у Стаса Кормильцева родился ребенок, и счастливый дедушка метнулся к сыну повидать собственного внука.

«Я помню, как, приехав в гости, отец признался заговорщическим тоном: “Мы тут задумали кое-что, покруче «Гилеи» и убийственнее «ОМа», — рассказывает Стас Кормильцев. — И главное — это название! Попробуй его отгадать! Сказать тебе его я не могу, поскольку это будущий бренд. Только аббревиатуру могу нарисовать — УК”. Короче, не отец, а прямо интриган восьмидесятого уровня».

Некоторое время идеи о новом издательстве исключительно «игрой ума» Кормильцева и Касьяненко. Но вскоре судьба подбросила Илье знакомство с директором крупнейшей типографии «Уральский рабочий» Александром Бисеровым. Это была судьбоносная встреча, произошедшая в кабинетах одного из московских издательств.

Теперь — небольшое лирическое отступление. Исследуя деятельность Ильи, мне важно было получить комментарии от самого Бисерова, что выглядело задачей практически неразрешимой. Последние годы «серый кардинал» Кормильцева вел замкнутый образ жизни и принципиально не выходил на контакт с людьми из прошлой эпохи. Почему — будет понятно чуть позже.

Шансов пообщаться у нас, честно говоря, было немного. Но после долгих переговоров мы все-таки пересеклись. Несмотря на простуду, Бисеров сдержал обещание и дал развернутое интервью. Мы сели в полутемном кафе одного из екатеринбургских отелей и я, слегка волнуясь, включил диктофон.

Как оказалось, волновался я напрасно. Александру Бисерову хотелось выговориться, и ему, безусловно, было что мне рассказать.

«С Ильей Кормильцевым и Сашей Касьяненко мы встретились в кабинете моего издательства “У-Фактория”, — вспоминает Бисеров. — И сразу решили, что надо создавать не радикальный издательский проект, а скорее маргинальный и слегка шокирующий, идущий по определенной грани различной современной проблематики. Идеологической, политической, социальной и культурной. Другими словами — отразить срез всех непонятных, может быть, даже не сформулированных проблем через их культурный контекст. Проблем современного мира и

цивилизации. И буквально во время нашего разговора Илья придумал прекрасное название «Ультра.Культура». Это было мгновенное озарение».

Когда умолкли все песни, новое издательство начало свою подрывную деятельность. Редакция “Ультра.Культуры” решила стартовать с выпуска автобиографической книги Эдуарда Лимонова «В плену у мертвецов». Идеолог Национал-большевистской партии сидел в Лефортовской тюрьме и текст для публикации передал именно оттуда. В свою очередь, Кормильцев придумал изящный концепт, обыгрывающий скандальный привкус ситуации, при которой другие издательства печатать подобные вещи не рисковали.

Итак, тюремные записки Лимонова открывали провокационный цикл ключевых книжек под названием «ЖЗЛ» — «Жизнь Запрещенных Людей». Впоследствии в этой серии публиковались биографии Чарльза Мэнсона, Тимоти Лири, Алистера Кроули, а также «отца психофармакологии» Александра Шульгина...

Идея Ильи про рукопись Лимонова оказалась крайне удачной — тираж первой книги «Ультра.Культуры» превысил 20 000 экземпляров. Теперь Кормильцеву, который позиционировал себя как «виртуальный химик», и «арт-химику» Александру Касьяненко помогали несколько единомышленников. Среди них необходимо выделить молодого анархиста Лешу Цветкова, пришедшего из команды книжного магазина «Фаланстер», а также опытного редактора «У-Фактории» Владимира Харитонова. За печать, дистрибуцию и финансовые риски всю ответственность нес Александр Викторович Бисеров.

«С первого дня я предложил Илье стать равноправным партнером, — вспоминает Бисеров. — Но Кормильцев ответил, что не хотел бы капитализироваться. Он мечтал быть идеологически независимым, чтобы на него не давила коммерческая сторона деятельности. Он хотел быть мозгом в чистом виде».

На первых порах самыми знаковыми релизами для Ильи казались «Антология поэзии битников» и «Антология анархизма и левого радикализма» — двухтомное собрание программных статей западных леваков — от террористов до философов. Это были именно те информационные ниши, которые Кормильцев считал жизненно важным осветить. И когда эти книги были напечатаны, он задумал провести грандиозную презентацию «Ультра.Культуры». Причем — не в Москве, где находился головной офис издательства, а на исторической родине редакции — в Екатеринбурге.

Догадайся кто снять фильм про эту нашумевшую акцию, ленту следовало бы назвать «Анархия на Урале». К мероприятию готовились очень тщательно, словно к покушению на батюшку-царя. Дату выбрали заранее, назначив сакральное действо на лето 2003 года, аккурат после выступления группы Massive Attack в «Олимпийском», концерт которой Кормильцев не мог пропустить ни за какие деньги.

Акцию было решено осуществить интеллектуальными силами двух городов. Уральский фланг издательства представляли писатель Дмитрий Старостин с книгой «Американский ГУЛАГ» и молодая панк-группа Acid Umbrellas, успевшая утвердиться в статусе главных скандалистов местной альтернативной сцены, которую сами же и изобрели.

Кормильцев с Касьяненко выкатили на эту акцию внушительный десант из Москвы. Начиная от поэта Всеволода Емелина, книгу которого «Ультра.Культура» собиралась издавать, заканчивая рэп-группой Sixtynine Виса Виталиса, прогремевшей на российском MTV с самодельным клипом «В белом гетто».

«Вис сейчас — лучший российский рэп-артист», — уверенно заявлял Кормильцев журналистам, энергично анонсируя грядущую презентацию.

Итак, 25 июня 2003 года актив издательства «Ультра.Культура» собрался у входа в главный корпус Уральского государственного университета. Толпа на проспекте Ленина постепенно увеличивалась. К фракции анархистов, студентов и пьющей интеллигенции подтянулись абитуриенты, библиофилы и городские сумасшедшие. У них в руках развевались красно-черные знамена, мелькали плакаты Че Гевары, Моррисона и каких-то революционных деятелей. Напротив места маевки находилось здание оперного театра, рядом возвышался памятник Свердлову, слева стояли огромные столы, на которых продавались идеологически небезопасные бестселлеры «Ультра.Культуры».

«Люди покупали книги и останавливались посмотреть на Кормильцева, — рассказывает редактор “У-Фактории” Елена Яковлева. — Мол, приехала живая легенда этого города. Затем начал выступать Сева Емелин, провокационно ярко читая свои глубоко нецензурируемые стихи».

«Предполагалось, что Илья Валерьевич и примкнувшие к нему герои культурной революции будут крутить революционные песни, — вспоминает вокалист Acid Umbrellas и журналист Игорь Лисник. — Сам издатель будет выступать с зажигательными речами, а студенты — радостно на это взирать, раскупая книги “Ультра.Культуры”. Но как только руководство университета

узнало, что на крыльце творится то ли лекция о том, как свергать власть, то ли дискотека, то ли пьянка, ректор Владимир Третьяков отдал распоряжение прекратить безобразие. И весь аппарат, пиратским образом подключенный к мощностям университета, был обесточен. Дискотека закончилась ровно через двадцать минут, а Илье Валерьевичу ничего не оставалось, кроме как размахивать знаменем издательства, на котором красовался слоган: “Все, что ты знаешь — ложь!”.

Надо признаться, что опытный Кормильцев догадывался о методах работы администрации родного города. И поэтому молниеносно включил в действие «план Б». С завидной легкостью Илья перенес вторую часть презентации в «Пресс-бар» — модное местечко в кругах радикальной молодежи и журналистов-подпольщиков.

Несмотря на медийное название, «Пресс-бар» представлял собой низкобюджетное кафе советского типа, с бархатными шторами и откидными деревянными сиденьями, рядом с которыми красовалась целая пирамида ящиков с бесплатным пивом «Балтика». Вскоре здесь собралась целая толпа и грянул гром — началась ведомая Кормильцевым пресс-конференция. Писатель Дмитрий Старостин разразился монологом о нескольких годах, проведенных в заокеанских тюрьмах, ставящих под сомнение справедливость американской системы. После пронзительных выступлений Касьяненко и Кормильцева неудержимый Вис Виталис исполнил набор рэп-хитов, превратив полузакрытую сходку в политический митинг на окраине Нью-Йорка.

Затем на сцену выскочили искрометные Acid Umbrellas, переплюнувшие в своем угаре все достижения уральского рока 90-х. Бухой Касьяненко забрался на сцену и несанкционированно размахивал советским флагом — на фоне реальной суры из Корана в русском переводе, положенной музыкантами на мощный и почти симфонический басовый рифф.

Но апогеем этой презентации стало выступление Всеволода Емелина.

«В камуфляжной куртке, потертых джинсах и армейских ботинках бритоголовый поэт принялся читать свои неполиткорректные стихи про мигрантов и скинхедов, либералов и патриотов, жителей окраин и маргиналов центра, — вспоминает Игорь Лисник. — Всеволод был, конечно, совсем особенным. Читал стихи с едкой усмешкой — и, несмотря на их мощный комический потенциал, делал это с изрядной нотой трагедии маленького человека, теряющегося в либерально-буржуазной идеологии того времени. Емелину аплодировали чуть

ли не как Брежневу — долгие и продолжительные овации полутора сотен зрителей, потягивающих халявную «Балтику», стали лучшей наградой менестрелю московского духа той поры».

Спустя годы я пообщался с участниками этой презентации — для четкой реставрации объективной картины событий. Время стерло из людской памяти многие детали, но почти все герои виртуального фильма «Анархия на Урале» запомнили монолог Кормильцева о «духе времени». По одной версии, Илья произносил его на ступеньках университета, по-другой — в «Пресс-баре», по-третьей — во время автограф-сессии в магазине «100 000 книг». Но, наверное это не очень важно. Основные мысли вождь «Ультра.Культуры» озвучил тогда поистине провидческие:

«Музыки в России сегодня практически не осталось. И основное оружие сейчас — это книга! Литература — это настоящая поп-культура, настоящий рок-н-ролл! И весь рок будет происходить именно в литературе».

Man of Universe

Нынешнее общество устроено так, что человек становится рабом своей самоидентификации. Мне это хорошо известно, как человеку, который был популярен в рок-среде. И, говоря на языке корпораций, совершить ребрендинг — требует огромных усилий. В обществе существует мощная инерция по отношению к публичной фигуре.

Илья Кормильцев

Сегодня кажется, что первые два года деятельности «Ультра.Культуры» оказались самым счастливым временем для Кормильцева. У его издательства получалось практически всё. В типографии «Уральский рабочий» книги выходили одна за другой. Причем появление каждой из них сопровождалось значительным медийным шумом.

42-летнему Илье явно не сиделось на месте, и он постоянно придумывал новые векторы развития издательства.

«Я помню, с каким счастливым лицом приходил Кормильцев после выхода очередной книги, — вспоминает Леонид Порохня. — Его просто «пёрло»!.. История одной книжки коснулась и меня — это «Штурмуя небеса: подлинная история ЛСД» Джей Стивенса, как выяснилось позже, любимая книга Егора Летова. Илюша отыскал ее в английском варианте в середине 90-х, когда у него появился интернет. Не переводил — читали так. Однажды Кормильцев сказал: «А вот эту книгу в нашей стране не издадут никогда». Я говорил, что, мол, все может измениться. Придут люди, которые даже и эту книгу напечатают… «Нет, — сказал Илья, — этого не будет никогда». И вот он взял и мне ее подарил. Молча. Светился при этом, как светофор! Все верно — только он один мог ее издать».

В те времена источники новых вдохновений Кормильцев зачастую черпал на международных выставках. Там он знакомился с яркими авторами, заключал прямые договоры с издательствами, приобретал десятки новинок и всевозможных артефактов. Параллельно продвигал в крупнейшие славистские

центры Европы и Америки российских авторов «Ультра.Культуры»: поэтов Всеволода Емелина и Андрея Родионова, писателей Эдуарда Лимонова, Дмитрия Старостина, Гейдара Джемаля, Дмитрия Нестерова.

В 2002 году Кормильцев наконец-то сподобился посетить Frankfurt Book Messe. Среди множества корпусов, стендов и изысканных фолиантов его, в частности, поразил конкретный раритет — вторая книга «Mein Kamph», опубликованная после смерти автора под названием «Zweites Buch». Илья долго вертел ее в руках, но покупать не стал — предполагаю, не только по коммерческим соображениям.

Тут необходимо заметить, что, выезжая в Европу вместе с гендиректором издательства Сашей Касьяненко и Володей Харитоновым, Илья ввел режим жестких командировочных расходов. Недорогие апартаменты снимались им по предельно низкой цене — как правило, в полутора часах езды от города. На книжные выставки ежедневно добирались на электричках. Из Москвы, как правило, летали не прямыми рейсами, а со всевозможными пересадками. Кормильцеву, как опытному навигатору, нравилось оптимизировать бюджет и искать наиболее экономичные варианты.

«У нас в семье существовала толстая книга расходов, которая велась с 1907 года, — признавался Илья коллегам. — На её основе можно было выпускать учебник по экономии».

Ежегодно посещая Франкфуртскую книжную выставку, Кормильцев начал интенсивно учить немецкий. Вскоре бойко общался с издателями на языке Гёте и Нины Хаген. На книжной ярмарке в Париже непринужденно вел переговоры по-французски, а в Лондоне — по-английски. Следствием новых контактов стали покупки авторских прав на выпуск в России переводов таких знаковых книг, как «Измененное состояние», «Аллах не любит Америку», «Медиавирус!» и «Дневник Тёрнера».

Летая в Голландию и Перу, Италию и Финляндию, Хорватию и Германию, Илья больше всего ценил свои командировки в Англию. А конкретно — в Лондон. Еще со времен «Наутилуса» Кормильцев привозил оттуда множество журналов, дисков и книг. Сидя на кухне, он переводил интереснейшие интервью звезд брит-попа, опубликованные в еженедельниках New Musical Express и Melody Maker. А однажды купил роман Ника Кейва, признавшись друзьям, что приобрел его «исключительно для себя». Как известно, всё закончилось выпуском книги «И узре ослица Ангела Божия».

После перевода романа Стюарта Хоума «Встань перед Христом и убей любовь» ему понравилось показывать друзьям

исторические места Лондона, где, по легенде, орудовал Джек Потрошитель. Иногда общеобразовательные интересы Кормильцева касались обыденных вещей — начиная от просмотра мюзиклов Вест-Энда и заканчивая походами в книжные магазины.

«В центре города мы посещали буквально все букинистические лавки, — вспоминает Саша Касьяненко. — Кормильцев искал необычные книги, а я — альбомы с ярким и информативным изобразительным рядом, который можно было бы использовать в изданиях «Ультра.Культуры». Например, рисунки и фотографии известных анархистов».

После нескольких загранпоездок Илья остро почувствовал, что ему нужен собственный представитель в Англии. Дело в том, что скромный бюджет не позволял издательству содержать в Лондоне штатного сотрудника. Здесь Кормильцеву был необходим единомышленник, который постоянно проживал бы на территории Великобритании и мог активно помогать «Ультра.Культуре». И вскоре такой человек нашелся.

Музыкант, философ и эзотерик Александр Гунин родился в Воронеже и эмигрировал в Англию в 1993 году — как говорят, «не от хорошей жизни» Затем женился на англичанке и окопался в Лондоне. Будучи студентом суфийского шейха из Индии, он профессионально занимался восточными единоборствами, а также изучал философию, мистицизм, религию и вопросы, связанные с сопротивлением Системе. Когда к нему в руки попала книга Лимонова «В плену у мертвецов», впечатленный Гунин тут же позвонил в московский офис «Ультра.Культуры».

Связавшись с Кормильцевым, он предложил издать книгу гитариста группы Blondie Гэри Лахмана, связанную с мистическими и оккультными аспектами андеграунда 60-х годов. Это предложение зависло в воздухе, но буквально через несколько недель Илья собирается в Лондон, где в марте 2004 года знакомится с Александром.

«Мы с Кормильцевым быстро нашли общие темы, — вспоминает Саша Гунин. — Параполитика, контркультура, истоки экстремизма, духовные практики, конспирология. Примечательно, что вскоре Илья привез мне диск «Агаты Кристи» с песней «Я взорву ваш магазин… в интересах революции». Мы слушали её несколько раз и Кормильцева очень интересовало, как в Англии воспринимают подобные настроения».

Сейчас, переслушивая аудиокассеты с рассказами Гунина, я отчетливо понимаю, что вырываясь из России, Кормильцев становился другим человеком — более легким, свободным и задиристым.

«В первый день нашего знакомства Илья попросил меня

показать все букинистические лавки, — говорит Саша Гунин. — Вначале мы зашли в небольшой марксистский магазин на Кингс-Кросс, а потом направились в книжный на Ноттинг-Хилл Гейт, около которого Илья снял сумку и заговорщически сказал: «Отлично! Сняли с предохранителя! Заходим!» Мы резко вошли в помещение, как будто у нас были полные сумки огнестрельного оружия. И тут я понял, что мы находимся абсолютно на одной волне».

Новые приятели быстро договорились об обмене книгами, журналами, пластинками и прочими культурологическими любезностями. Кормильцев систематически пересылал в Лондон новые релизы «Ультра.Культуры», а взамен просил помощи в реализации несколько неожиданного транснационального проекта.

Дело в том, что еще со времен чтения в Ревде бульварных итальянских детективов Илью интересовала всевозможная трэш-литература и pulp fiction в мягких обложках.

«У Кормильцева была идея раздавать английские книги про шпионов, нацистов и всякую фантасмагорию московским писателям, — рассказывает Гунин. — Чтобы они затем выступали в роли диджеев, используя эти книжечки, как пластинки. Брали из них какие-то темы и создавали что-то свое, совершенно новое».

В следующий раз идеолог «Ультра.Культуры» прибыл в столицу Англии вместе с братом и молодой супругой. Довольно оперативно Гунин нашел общие интересы с Женей Кормильцевым и договорился с ним о музыкальном сотрудничестве. В рамках студийного проекта Theory of Resistance они подготовили электронный мини-альбом, под «умную музыку» которого Илья впоследствии проводил поэтические вечера или читал лекции.

В мае 2004 года они всей компанией планировали посетить знаменитый фестиваль All Tomorrow's Parties, приуроченный к реинкарнации основателей индустриальной шумовой музыки — группы Throbbing Gristle. Но, к сожалению, в последний момент акция отменилась. В качестве компенсации организаторы пригласили зрителей на запись DVD-альбома воскресшего из руин проекта Дженезиса Пи-Орриджа, успевшего превратиться из «разрушителя цивилизации» в очаровательную стареющую блондинку.

Это шоу, проходившее в Astoria Theatre, произвело на Илью Валерьевича неизгладимое впечатление. Пройдя сквозь толпу престарелых сатанистов, братья Кормильцевы подошли к сцене, где отец двоих детей размахивал тюнинговыми сиськами и мастерски нагнетал жути: «Двери еще не закрыты… У вас есть шанс выйти отсюда живыми».

Позднее Илья вспоминал, что при появлении артиста все билетерши мгновенно испарились в пространстве. Теперь любой человек мог зайти в клуб с улицы и бесплатно лицезреть трехчасовое шоу. В разгар этого психотропного сеанса наблюдательный издатель заметил, как идеолог Throbbing Gristle мастерски манипулирует «частотами восприятия». Кормильцев загорелся идеей взять у Пи-Орриджа интервью, которое вскоре состоялось в Москве, и во время которого в центре города на тридцать секунд полностью пропал свет…

Через несколько дней после концерта Илья протащил Гунина на Лондонскую книжную выставку. Как несложно догадаться, обойтись без приключений взбудораженный Кормильцев просто не мог.

«Я прошел на выставку по документам Бисерова, — признается Гунин. — Поскольку Александр не смог прилететь из Екатеринбурга, я легко оформился «под него». На что Илья обернулся ко мне и вполголоса сказал: «Отлично, внедрились по поддельным документам!» И мы направились на встречу с издательствами. Кормильцев мечтал заключить договор на выпуск в России всех книг Берроуза и представил меня партнерам, как agent of influence. Когда я позже переспросил его, что он имел в виду, Илья сказал, что я оказываю неслабое влияние на разных уровнях. Среди своих знакомых он часто называл меня «суфием».

Одним из неожиданных впечатлений «агента влияния» от своего нового московского приятеля оказалось категорическое нежелание Кормильцева вспоминать эпоху «Наутилуса». Казалось, что для него этого периода не существовало. И со стороны Ильи это выглядело в отношении Бутусова и Ко более беспощадно, чем если бы он как-то комментировал духовные поиски бывшего единомышленника.

К удивлению Гунина, поэт «Наутилуса» давно не общался со Славой и не следил за его творчеством. Не слушал студийные коллаборации с Каспаряном и с Deadушками, не ходил на акустические концерты Бутусова, а затем — его новой группы «Ю-Питер». И только один раз, увидев «внебрачного сына октября» по телевизору, изрек нечто саркастическое про песню «Девушка по городу». Сказал, и тут же забыл.

Если позволить себе перескочить через небольшой временной промежуток, мы застанем Кормильцева в провинциальном городке Фруме, графство Сомерсет, куда перебралась жить семья Гунина. На этот раз Илья приехал в Лондон вместе с Маньковской, которая планировала поступать в консерваторию. Но внезапно у Алеси разболелось горло, и она не смогла принять

участие в запланированной экскурсии по кельтским и друидским центрам Англии.

Кормильцев с Гуниным добрались на автобусах до Гластонбери, пожалуй, самого мистического места во всей Великобритании. По легенде, в древние времена сюда приехал Иосиф Аримафейский и привез Чашу Грааля. Тут же находились могила короля Артура, святые источники и первая в Англии наземная христианская церковь. Это были места мощной и таинственной силы, и Гунин не удержался от соблазна пофотографировать Кормильцева на фоне исторических красот. Я до сих пор не могу поверить, что эти снимки, считавшиеся безвозвратно пропавшими, в финале написания книги все-таки удалось найти. Один из них — перед вами…

Так случилось, что перед отъездом Ильи на эту экскурсию захворавшая Алеся нарисовала свою болезнь — в виде дракона на бумаге. И, поднявшись на холм Гластонбери Тор, место сосредоточения колоссальных энергий, Кормильцев рисунок торжественно сжег. Поэт надеялся, что совершив этот сакральный акт, он поможет супруге скорее подняться на ноги.

На следующий день Саша Гунин и его жена Анна пригласили Кормильцевых на семейный ужин. Мило обсуждали разные религии и познакомили русских друзей с матерью Анны по имени Мириам Франк. Вся компания мирно ела пасту под соусом болоньезе из фарша ягненка и пила вино. В доме царила теплая дружественная атмосфера, и никто из участников «тайной вечери» даже не догадывался, какую огромную роль сыграют Саша Гунин и его теща Мириам в последние дни жизни Кормильцева.

Запрещенная культура

Пусть свержение старого мира будет запечатлено на ладонях ваших рук.

Эль Лисицкий

Весной 2003 года президентом России был подписан указ о создании новой спецслужбы — Госнаркоконтроля. Заместитель председателя этой структуры генерал-полковник Александр Михайлов, анонсируя ближайшие мероприятия, бодро пошутил, что «на пол всех класть не будем, будем ставить к стенке».

Шутить в новорожденной организации перестали через месяц. В мае прокуратура Екатеринбурга забрала на экспертизу книгу Адама Парфрея «Аллах не любит Америку», подозревая ее в пропаганде экстремизма и терроризма. Вскоре по инициативе Госнаркоконтроля были оштрафованы сразу несколько магазинов — за продажу книги «Марихуана: запретное лекарство». Причем произошло это достаточно внезапно и с тусклой формулировкой «пропаганда наркотиков».

«Все, что попадало в запрещенный список, автоматически взлетало по продажам, — признается Алексей Цветков. — Читатели думали, что пока книгу не изъяли из обращения, ее надо поскорее брать. Это была очень хорошая реклама для наших книг».

Однако, вопреки здравой логике, тучи над «Ультра.Культурой» сгущались неправдоподобно быстро. После выхода скандального романа неонациста Дмитрия Нестерова «Скины. Русь пробуждается» Кормильцев довольно жестко был отстранен от сотрудничества с издательством «Иностранка». Власти обвиняли Илью Валерьевича в выпуске нескольких книжек Лимонова, некоторые из которых пришлось печатать где-то в Белоруссии. Также в отношении «Ультра.Культуры» было возбуждено уголовное дело из-за «нелегального распространения порнографии» в книге Юрия Баркова «Запретный дневник».

«Единственный способ защищаться — это переходить в нападение, — заявил тогда идеолог «Ультра.Культуры». — Единственный способ быть заметными — это обращать на себя внимание как можно большего числа людей. Поэтому только такая, подчеркнуто попсовая, рыночная позиция может привести к

тому, что ты закрепишь за собой некую собственную территорию».

До этого момента Кормильцев был хорошо известен своим перфекционизмом, но никто не предполагал, что Илья станет рубиться за собственное детище с такой отвагой и самоотверженностью.

Пиком его агрессивной стратегии стали события XVI Московской международной книжной выставки, состоявшейся осенью 2003 года на ВДНХ. Идея, предложенная Ильей Валерьевичем, оказалась на редкость красивой. После отказа организаторов предоставить стенды для опальной «Ультра.Культуры», Кормильцев с Касьяненко нашли остроумный выход из тупика.

Теперь маргинальное издательство выставлялось не в книжных павильонах, а внутри огромного самолета Ту-154, который находился в самом центре выставочного пространства. Любопытно, что пресловутый лайнер был взят в аренду у замаскированного человека, не имевшего никакого отношения ни к книжной выставке, ни к администрации ВДНХ. Другими словами, у гордости российской гражданской авиации был свой, нигде не афишируемый, владелец. Который, проникнувшись блеском нонконформистской идеи, оценил эксплуатацию самолета в шестьсот долларов за все время — цена, значительно меньшая аренды книжной территории.

«Было очень смешно, — вспоминает Володя Харитонов. — Какой-то человек в центре Москвы тихо-мирно владел собственным музеем авиации. И как только ты вставал на трап самолета, то сразу же оказывался на его частной территории».

В итоге невинные московские библиофилы упирались тугими лбами в увешанную яркими плакатами стальную птицу, которая жила своей жизнью. Тут выставлялись полузапрещенные книги и произносились яркие речи, читались стихи и выступали авторы-пассионарии. Пройти мимо такого праздника было решительно невозможно.

На следующий сезон кормильцевская идея «захвата самолета» получила еще более мощное воплощение. В сентябре 2004 года летающий агрегат был обвешан яркими плакатами художников Кости Комардина и Кирилла Прокофьева с лозунгами из серии «Книга как оружие». Вокруг входа в Ту-154 дефилировали сотрудники «Ультра.Культуры», одетые в униформы, стилизованные под спецслужбы разных государств.

Общественные деятели, журналисты, любопытные читатели поднимались по трапу внутрь, где их ожидали всевозможные сюрпризы. Вдоль всего фойе, в ящиках для снарядов, были

разложены заповедные книги: «Аллах не любит Америку», «Штурмуя небеса», «Измененное состояние», «RUTOПИЯ», «Марихуана: запретное лекарство» и «Последний проклятый поэт: Джим Дуглас Моррисон».

Гостей встречали пилоты-библиотекари, предлагая для повышения тонуса адские коктейли. В фойе было душновато, поэтому ядерная смесь била по мозгам сильнее стихов Емелина и манифестов Виса Виталиса про открытие собственной школы единоборств для политических радикалов.

«Одетые в камуфляж лимоновцы сторожили книги разместившегося в самолете экстремального издательства Ильи Кормильцева «Ультра.Культура», — писала в те дни столичная пресса. — Среди охраняемых произведений оказались, например, романы Эдуарда Лимонова, воспоминания вдовы Джохара Дудаева и исследование Брюса Хоффмана «Терроризм. Взгляд изнутри», недавно запрещенное к продаже в нескольких российских городах. В такой атмосфере лидер НБП Эдуард Лимонов стал одним из главных гостей выставки».

Дружественный Кормильцеву журналист канала ICTV Александр Орлов чуть ли не круглосуточно дежурил с телекамерой у самолета, выпуская в эфир прямые репортажи о том, как ряд политических деятелей — от Чубайса до Бабурина и от Назарбаева до принца Саудовской Аравии — обходят злополучный Ту-154 стороной.

В итоге медийный эффект от «террористической» акции «Ультра.Культуры» превзошел все ожидания.

«Илья нашел где-то каску и сделал из выставки незабываемый перформанс, — считает Алеся Маньковская. — Поразительно, как человек из состояния полного поражения мог придумать абсолютную победу. Потому что все, кто приходил в тот год на ВДНХ, кроме кормильцевского самолета ничего не запомнили».

Тем временем положение «Ультра.Культуры» ухудшилось до критического. Новые книги перестали доходить до прилавков. В частности, дистрибуторы-единомышленники — начиная от столичного «Фаланстера» с клубом «ОГИ» и заканчивая екатеринбургским магазином «100 000 книг» — стали подвергаться обыскам и изъятиям тиражей, выпущенных издательством.

«Тогда мы выбрали неправильную маркетинговую стратегию, — признается спустя десять лет Александр Бисеров. — Нам надо было полностью уходить в интернет, а не работать с мейнстримовыми магазинами, которые начали отказываться от книг «Ультра.Культуры». Или они ставили их на дальние полки, чтобы никто не видел. Формально взяли, а фактически книги до

покупателей не доходили».

Вскоре конфронтация скромного издательства с силовыми ведомствами приняла международный характер. К примеру, французская газета Le Monde вынесла на первую полосу несколько обложек «свинченных» книг «Ультра.Культуры». А английское издание Times в статье «Русский издатель подвергся цензуре» писало:

«В декабре 2003 года суд города Ульяновска запретил продавать книгу «Марихуана: запретное лекарство». Затем, 9 марта, чиновники Госнаркоконтроля… приказали прекратить продажи еще двух книг о наркотиках. Официальные лица из ФСБ и Госнаркоконтроля заявили издательству «Ультра.Культура», что семь изданных ими западных и русских книг содержат призывы к пропаганде наркотиков и терроризму. Несколько копий были конфискованы, и среди них «Марихуана: запретное лекарство» и «Штурмуя небеса». На днях Александр Михайлов заявил газете «Коммерсантъ»: «Если господин Кормильцев не прекратит публикацию политических материалов, он должен ожидать санкций в свой адрес».

Ощущая, что идеологическое давление становится сильнее, а прогрессивная пресса не в силах изменить ситуацию, Илья начинает вести себя, как городской партизан. Он не пускает под откос поезда со следователями и чиновниками-цензорами, но осуществляет целую серию знаковых литературных акций, брифингов и презентаций. Некоторые из них состоялись в таких местах, как «Клуб на Брестской», «Б2», «Дом», «Икра», «16 тонн», в литературных кафе и книжных магазинах, в малом зале Доме литераторов и на выставке интеллектуальной литературы Non Fiction.

Параллельно Кормильцев становится одним из основателей новой премии «Исламский прорыв». Постепенно он превращается в персону нон-грата, но выпускает все более радикальные книги, связанные с историей ислама и его современными модификациями.

«На смену сподвижникам последнего пророка Мухаммада, отдавая дань технократической эпохе, явился новый тип моджахедов из партии Аллаха, сжимающих в карающей длани компьютер и Коран», — писал Илья недрогнувшей рукой в аннотации к книге Муслима Ахтямова «Исламский прорыв».

«Было видно, что Кормильцев начал сильно уходить в политику, — вспоминает Маньковская. — Его всегда интересовало то, что развивается быстро, а рок-н-ролл, с его точки зрения, просто остановился. То, что они делали с издательством, уводило его в политическое минное поле и это

было совершенно невероятное движение».

Последствия подобного «марша минера» не заставили себя долго ждать. Илью стали вызывать на допросы к следователям, а само издательство — выселять из его штаба под предлогом повышения арендной платы.

«После переезда из офиса на Новокузнецкой редакция «Ультра.Культуры» сидела в нескольких комнатах на Новорязанской улице у Казанского вокзала, — вспоминает Александр Орлов. — Туда несколько раз приезжали сотрудники Госнаркоконтроля и устраивали показательные шоу. Когда я со своей телебригадой спрашивал у оперов: «А что вы хотите узнать? Там сидят десять очкариков, которые публикуют, в общем-то, литературу. И это действительно литература, несмотря на то, что вас так пугают эти названия. Это не книги про мексиканских террористов и они не содержат инструкции по изготовлению бомб и ручных гранат». И следователи ничего не смогли мне ответить».

Примерно в этот период Илья Валерьевич ненадолго отвлекся от боевых действий и издал двухтомник стихов Ника Кейва. Примечательно, что текст главного хита Кейва, где герой убивал волоокую красавицу — и где «they call me the Wild Rose but my name was Elisa Day» — неожиданно перевела… Маньковская. По воспоминаниям Алеси, «ни у кого из мужчин-переводчиков не получалось выразить суть происходящего». Восхитительный Кейв так и не доехал до презентации, но впоследствии очень хвалил обложку и дизайн.

Зато на пресс-конференции новой провокационной книги «Парадоксия: дневник хищницы» присутствовали не только Илья Кормильцев и Артемий Троицкий, но и ее автор — звезда психотропного панк-рока Лидия Ланч. Поразительно, но эта жесткая по характеру книга улетала с огромной скоростью — более 20 000 проданных экземпляров.

«Мы смогли убедить магазины поставить Лидию Ланч в раздел «Женские романы», и это оказалось гениальным решением, — смеется Саша Касьяненко. — Люди видели яркую обложку, читали шикарное предисловие Андрея Бухарина и наивно покупали этот лютый трэш. А когда понимали, какая бомба находится у них в руках, уже было поздно».

Слушая подобные рассказы, я чувствовал, что Илья в очередной раз отучил меня от дурацкой привычки удивляться. Листая еженедельник «Большой город», я наткнулся на интервью Кормильцева, где он, предвосхищая столкновения издательства с Госнаркоконтролем, заявил: «Если верить в конспирологическую гипотезу о наличии гэбешной группировки, то это точно

лубянский ветер. Они отвоевывают себе новые территории и возможности контроля и влияния там, куда их с советского времени особенно не пускали. Группировка имеет поддержку на самом верху…»

По правде говоря, я не все понял в этой кремлевской теории заговоров, но было очевидно, что в голове у Ильи рождаются новые тенденции и планы.

«От Кормильцева до меня доходили сведения о том, что Бисеров предъявил права на контроль над принимаемыми к печати рукописями, — вспоминает Эдуард Лимонов в книге «Некрологи». — Хотя до этого момента ответственности были строго распределены: Бисеров контролирует производство и финансирование, а Кормильцев осуществляет отбор рукописей и связи с авторами. В результате этих новшеств дела издательства пошли куда хуже».

Поразительно, как при подобном прессинге Илья нашел силы на издание сборника собственной прозы и стихов. Меня не было на презентации его книги «Никто из ниоткуда», выпущенной в издательстве «Открытый мир» и проходившей при огромном скоплении народа в клубе ОГИ. Позднее я обнаружил аудиозапись этой акции, где услышал массу ценной информации — и про отношения поэта с властями, и про первые конфликты с Бутусовым, а также откопал скрытый намек на Лешу Трущева, героя песни «Человек наподобие ветра».

Вскоре мы с Ильей встретились на каком-то концерте. Вежливо поговорили, но не более — общих тем становилось все меньше. Это грустно, но так получилось. У меня в тот момент крутилась идея написать мемуары о неординарных личностях, с которыми довелось сотрудничать за последние пятнадцать-двадцать лет. Составил предварительный список героев и, увы, Кормильцев в нем не значился.

Я сорвался в полумифическую Эль-Гуну — делать первые заметки. Зимой 2007 года в этой египетской Венеции меня настигнет страшная новость из Лондона, но об этом — чуть позже.

Когда была написана первая глава о Гребенщикове, я вспомнил про Илью. Правда, не в роли персонажа книги, а в качестве мощнейшего литературного эксперта и критика. Тема про основателя «Аквариума» казалась близкой Кормильцеву, и мне было по-настоящему интересно узнать его мнение.

Я распечатал текст и навострил лыжи в гости к Илье. Его новую квартиру на Сухаревке нашел не без труда — где-то между музеем Васнецова и «Райффайзен Банком». Мы давно не виделись, но это не имело никакого значения. Целый вечер

гоняли чаи. Болтали о новых дисках, литературной интернет-полемике с Лукьяненко, о реинкарнации романсов Вертинского и творчестве братьев Самойловых. В конце беседы Кормильцев подарил мне «Никто из ниоткуда» и автобиографию Майлса Дэвиса, недавно выпущенную в «Ультра.Культуре». Мне дарить было нечего. Я лишь поделился замыслом «Хедлайнеров», по-дружески попросив Илью внимательно прочитать эту главу.

Кормильцев пообещал перезвонить на следующий день. На связь он вышел неожиданно, минут через сорок. По правде говоря, я даже не успел доехать домой.

«Ну, как?» — с задержкой дыхания спросил я, на ходу вспоминая, что, помимо знания пятнадцати языков, полиглот Кормильцев всегда отличался быстрым чтением.

«На самом деле, в Европе такими книгами завалены целые этажи», — начал свой монолог поэт. Такого поворота событий я никак не ожидал, но расстраиваться дальше мне просто не дали. «Но в России таких книг нет, — жизнерадостно продолжил Кормильцев. — Давай, действуй — ниша-то свободна… Мне интересно. Буду ждать продолжения. Потом, если захочешь, можем напечатать ее в «Ультра.Культуре».

У меня словно выросли крылья, и я пообещал держать Кормильцева в курсе событий. С огромным энтузиазмом засел за новую главу про Макса Фадеева, с которым Илья меня, собственно говоря, и познакомил… В очередной раз подумал о том, как тесен мир.

Прошли месяцы, затем еще месяцы. Увлекшись работой, я забыл и про «Ультра. Культуру», и про обещание, данное Кормильцеву. Больше я Илью не видел.

Будни бед

Люди эти духом были таковы, что поднимались выше высоких гор, не встречая преград, и опускались в морскую пучину, не замочив себя... Терпя утеснения, они не чувствовали себя ущемленными...

Чжуан-цзы

26 сентября 2006 года Илья Валерьевич непривычно буднично встретил день своего рождения. Великому русскому поэту исполнилось 47 лет. Дата не круглая, но положение дел требовало от именинника подведения жизненных итогов. А они, говоря откровенно, радовали мало.

Илья проснулся в полутемной комнате и посмотрел на залитое дождями окно. Его съемная квартира выглядела по-холостяцки заброшенной. Несколько месяцев назад Алеся улетела в Лондон, где выиграла грант на обучение в Trinity College of Music. Неудивительно, что теперь мешки с мусором оказались сваленными в коридоре, стиральная машина сломалась, а по комнате валялись пластиковые контейнеры из-под еды. В холодильнике доживали свой недолгий век сосиски и гречневая каша.

В углу кабинета-студии лежали подстилка и одеяло — спать на нормальной кровати Кормильцев уже не мог из-за сильной боли в пояснице. По ночам, когда спина продолжала ныть, он дремал по несколько часов, распластавшись на боку. Друзья предполагали, что у него обострились радикулит или межреберная грыжа. В течение нескольких месяцев они пытались сделать поэту томографию, возили к врачам-остеопатам и массажистам, прогревали спину чудо-лампой, но безрезультатно.

Боли становились все сильнее, и одетый в черную футболку Илья слонялся по дому вялый и раздражительный. Накануне он даже не пошел на концерт своей любимой дарк-фолковой группы Current 93 — не было ни физических, ни душевных сил.

Как известно, болезнь подобралась к поэту еще несколько лет назад.

«Так случилось, что Кормильцев с Маньковской выиграли "билетик счастья", находившийся внутри журнала, который они

взяли в супермаркете, — вспоминает Саша Орлов. — Приехав домой, они обнаружили там лотерею и бесплатную поездку в Шарм-эш-Шейх. Проблема заключалась в том, что тур проходил в самый разгар лета. В Египте стояла страшная жара, но Кормильцев потом с восторгом рассказывал, как пинал рыбу-попугая. Там было очень здорово, но очень душно. А поскольку у Ильи была наследственная предрасположенность к меланоме, он после этой поездки тяжело заболел».

Чувствуя неладное, Алеся нашла опытных врачей в Белоруссии, которые сделали Илье успешную операцию, после которой он прилетел на книжную выставку.

«В 2004 году я оказался в Москве и остановился у Ильи дома, — вспоминает Саша Гунин. — Кормильцев встретил меня с перевязанной рукой и сказал, что никто не знает про операцию, кроме близких людей, поэтому очень просил не проговориться. Когда мы выходили из квартиры на книжную ярмарку, Илья повторил: "Я всем говорю, что это бандитская пуля"».

На самом деле, белорусские врачи поставили Кормильцеву довольно неутешительный диагноз. В Гомеле опытный доктор большими волосатыми руками внимательно посмотрел на поэта и грустно пошутил: «Звезда онкологии».

«Долгое время Илья настаивал, что у него хронически больной позвоночник, — признается Алеся Маньковская. — И, мол, исключительно по этой причине рак не может начаться с позвоночника. А позднее стало понятно, что начался он именно оттуда».

Сразу после операции врачи предупредили пациента о регулярных медицинских проверках, на которые Илья откровенно забил. Спустя полгода Кормильцев приехал на обследование, единственный раз. Поскольку анализы метастаз не выявили и показали положительную динамику выздоровления, поэт убедил себя в том, что это не рак, а именно «позвоночник». Больше на гистопатологические обследования он не приезжал и отказался от химиотерапии. Это оказалось фатальной ошибкой, и к осени 2006 года боль в спине стала невыносимой.

В эти неровные дни резко ухудшились дела «Ультра.Культуры», деятельность которой в очередной раз споткнулась о повышенное внимание государственных структур.

В конце сентября 2006 года Илье позвонил из Екатеринбурга взволнованный Бисеров — увы, с плохими новостями. Местный суд вынес приговор — полностью уничтожить тиражи книг «Культура времен Апокалипсиса» и «Клубная культура», удовлетворив иск Госнаркоконтроля, указывающего на пропаганду наркотиков. Обе книги изъяли из продажи, и по

решению суда их должны были тупо сжечь, словно во времена средневековой инквизиции.

Российским «чиновникам от цензуры» были известны радикальные настроения Кормильцева-издателя, но в данном случае речь шла о книгах, которые продавались по всему миру. К примеру, безобидная «Клубная культура» была написана профессором Филом Джексоном на основе его докторской диссертации и представляла собой исследование клубной жизни Великобритании. Книгу изучали студенты Оксфорда и Сорбонны, читали в Библиотеке конгресса США, но для Кировского райсуда Екатеринбурга эти аргументы оказались неубедительными.

«Одной из последних мы выпускали “Культуру времен Апокалипсиса”, — вспоминает начальник отдела продаж “Ультра.Культуры” Андрей Константинович Чернов. — Меня вызвали повесткой к десяти утра на улицу Степана Разина, в отдел по борьбе с наркотиками. По-видимому, они успели книжку отследить, хотя она только поступила в продажу, и в Москву ее не отгружали. Мне сказали, что судом принято постановление изъять тираж. Он хранился на складе “Уральского рабочего” и туда пригнали машину, в которую, пересчитав, погрузили все три тысячи экземпляров. Самое интересное было потом. Меня привезли назад в издательство, тщательно осмотрели все шкафы, убедились, что книг не осталось, и только после этого ушли. А весь конфискованный тираж сожгли».

Сам Илья, похоже, начал привыкать к тому, что «Ультра.Культура» подвергается постоянной травле. Выходило так, что в мире всевластной российской цензуры «ментальный химик» Кормильцев оказался неким островком свободы, принципиальным и неподкупным. И этим он был в тысячи раз опаснее для Системы, чем толпы митингующих.

Эпатажность Кормильцева и его жесткая конфронтация с государством становились все более заметным явлением. Неудивительно что в последнее время по телефону и Интернету ему начали поступать анонимные угрозы. Парадокс состоял в том, что, к примеру, рабочая библиотека заместителя руководителя администрации президента Владислава Суркова в значительной части состояла из изданий опальной «Ультра.Культуры», но при этом тиражи уничтожались, а само издательство находилось на грани банкротства.

«Я не исключаю варианта, что “Ультра.Культуру” рано или поздно придется закрыть, — заявил Кормильцев в интервью газете “Завтра”. — Как выполнившее свои функции издательство, отчасти уже приевшееся обществу. И начать искать что-то новое. В этом смысле я никогда не идеализировал ни одного вида своей

деятельности как окончательного решения. Для меня важнее процесс, а не результат».

С поэтической составляющей в этот период дела у Ильи Валерьевича обстояли ненамного лучше. В последние годы его песни оказались в модном телесериале «Тайный знак» (ТВ 6, ТВЦ, канал «Россия») и в кинофильме «Бегущая по волнам», но изменить творческую судьбу «позднего» Кормильцева эти поэтические шедевры, к сожалению, не смогли. Сочинять новые стихотворения в кризисной ситуации у него не получалось. Не находилось ни вдохновения, ни сил, ни желания.

Группа «Наутилус Помпилиус» распалась еще в прошлом веке — грязно, скандально и жестко. Вспоминать подробности не хотелось. После болезненного разрыва остались лишь юридические тяжбы по авторским правам и совершенно неожиданное воссоединение музыкантов и поэта на фестивале «Нашествие 2004».

«Пресс-конференция была невероятной возможностью вновь увидеть участников “золотого состава” вместе, — вспоминает журналист Владимир Преображенский. — Была ли у них радость от встречи? Судить сложно. Уместнее сказать, что они с достоинством выполняли отведенную им роль. Как интеллигентные бывшие супруги на торжестве у общего ребенка. Говорил в основном Бутусов, а Кормильцев иронично смотрел, будто откуда-то со стороны, иногда вставляя редкие язвительные замечания».

Все дальнейшие события подтвердили сюрреализм происходящего — как на пресс-конференции, так и после выступления «Наутилуса» на «Нашествии». Илья по-прежнему не общался со Славой, а Слава старался минимизировать встречи с поэтом. «Расцвета упадка» эти высокие отношения достигли в тот момент, когда Кормильцев принципиально отказался от гигантского гонорара в 100 000 долларов за переиздание каталога «Наутилус Помпилиуса».

«Была очень сложная ситуация, когда Андрей Сумин из Dana Music представлял интересы Кормильцева, а Максим Дмитриев отстаивал интересы Бутусова, — вспоминает Никита Балашов из “Мистерии звука”. — За права на каталог группы мы готовы были предложить суммарные 200 000 долларов. Дмитриев красиво вышел из игры, заявил, что ему не надо ни копейки, и пусть Бутусов получит свою часть полностью. Я пошел в гости к Кормильцеву, с которым жил в одном доме. Но Илья неожиданно уперся насмерть, хотя сидел абсолютно без денег. И почему он сказал: "Нет!", я так и не понял. Со стороны Кормильцева в адрес Бутусова была произнесена целая тирада, которую я не хочу

воспроизводить. В итоге он ничего не подписал и категорически отказался брать эти 100 000 долларов».

Жизнь разбросала идеологов «Наутилуса» «по разные стороны полос». Казалось, что Кормильцев рвется в самое пекло общественной жизни, а социопату Бутусову с его холодной музыкой «Ю-Питера» крайне неуютно находиться в зоне высоких энергий. Но так только казалось.

Летом 2006 года Слава Бутусов выступил перед активистами прокремлевского движения «Наши». На коммерческом концерте в летнем лагере «Селигер» лидер «Наутилуса» исполнил несколько композиций на стихи Кормильцева.

«Ну, подумаешь, сыграли три песни на пути из Питера в Москву», — небрежно заявил журналистам директор Бутусова. Похоже, что именно эта фраза стала последней каплей в чаше гражданского терпения Ильи. Кормильцев был в ярости. Вскоре он опубликовал в Интернете открытое письмо Бутусову, где красноречиво выразил отношение к селигерскому подвигу бывшего единомышленника.

«Я не хочу, чтобы наемные гопники, оттягивающиеся за счет налогоплательщиков, внимали стихам, которые я писал сердцем и кровью, — декларировал свои взгляды опальный поэт “Наутилуса”. — Я простил Славе визит к Суркову, в конце концов, мотивом могло быть простое любопытство — но этого я ему простить не могу».

Как уже упоминалось выше, Илья перерос рок-н-ролл и пылкое увлечение им. Но как ему было предвидеть, что расставание с идеалами юности окажется настолько болезненным? Теперь при упоминании словосочетания «Наутилус Помпилиус» поэт вздрагивал и незаметно переводил разговор на другие темы. Как ни печально, весь рок-н-ролл остался у него в XX веке. Настали другие времена.

Именинник затянул шторы, включил компьютер и криво ухмыльнулся. Несколько друзей, которые были сегодня у него в гостях, ели не кулинарные шедевры Ильи, а пельмени и заказанные в ближайшей лавке суши. На привезенные подарки издатель смотрел слегка скептически. Вечером попросил Володю Харитонова выкинуть на помойку все еженедельники, а семью Саши Орлова — принять в подарок огромный аквариум с любимыми Ильей сомиками.

Неосознанный выбор был сделан поэтом уже давно, но ясность и спокойствие настигли Кормильцева, похоже, только сейчас. Тот, чьи песни знала, вероятно, половина страны, жил под постоянным психологическим давлением. Жил без прописки и собственного дома, переезжая с одной съемной квартиры на

другую. Его семья оказалась разбросана по всему миру — Лиза и Игнат жили в Екатеринбурге, Стас перебрался в Москву, Алеся училась в Лондоне, а Каролина находилась у родственников в Минске.

Кормильцев полез в Интернет и стал искать дешевые билеты. Еще со времен знакомства с Гуниным он мечтал найти инвестора и начать издавать в Лондоне книги авторов «Ультра.Культуры». Обратного пути не было. За несколько дней Илья хотел закрыть все дела и поскорее улететь в Англию. Он целенаправленно искал билет в один конец.

«Окончательно идея переезжать в Лондон сформировалась у Кормильцева после того, как провалилась наша затея с журналом, — вспоминает Алексей Цветков. — У нас была идея выпускать издание с условным названием “Нигилист”, такой революционный глянцевый “журнал наоборот”. С политикой, литературой и новыми технологиями. И ни на какие компромиссы мы идти не собирались. Но спонсор так и не был найден. И для Ильи это стало большим разочарованием».

С другой стороны, государство практически уничтожило его издательство. Битва казалась проигранной, и Илья твердо знал, что в страну поражения он не возвратится никогда. Не так давно Кормильцев делился с друзьями мечтой — преподавать на старости лет в небольшом английском университете и быть похороненным на старинном кладбище. Он не догадывался, что жить ему оставалось несколько месяцев.

Боль

Сейчас нужен мощный романтический повод, достигающий героики. Не находя себя в искусстве, люди выходят в жизнь, берут автомат, как Лимонов, например. Мощный же романтичный порыв требует самопожертвования, на которое способны немногие. Хочется трагической любви и трагической смерти.

Сергей Курехин

В загранпаспорте у Кормильцева уже стояла туристическая виза на двухлетнее пребывание в Англии. Теперь ему оставалась сущая мелочь — найти средства на проживание в одной из самых дорогих столиц мира. Хотя бы — на некоторое время.

Так получилось, что последние месяцы он жил исключительно в долг. Книги «Ультра.Культуры» не доходили до прилавков, диски «Наутилуса» не продавались, а гонорары за статьи были совсем крохотные. Как признавался Илья Валерьевич одному из издателей, «вы, наверное, не представляете себе кошмар, в котором я живу: работаю как лошадь, а зарабатываю, как осел… Просто нет времени ни на одну идею, которая не приносила бы аванс на следующей неделе».

От безысходности Ильи занялся «старинной русской забавой» — обзвоном друзей с просьбой одолжить денег. Как ни странно, отказов практически не было. Его приятели чувствовали, что отъезд Кормильцева в Англию — это не очередная поездка на книжную выставку, а нечто среднее между бегством и эмиграцией.

Как только Кормильцев почувствовал себя лучше, он собрался с силами и решил встретиться с президентом российского Sony Music Андреем Суминым. До этого Андрей возглавлял лейбл «Апекс Мюзик», который выпускал весь каталог позднего «Наутилуса». С тех пор прошло более десяти лет, а Сумин по-прежнему оставался одной из главных финансовых опор Ильи. На этот раз они договорились «закрыть» последние договора, связанные с авторскими правами по «Наутилусу».

«Ходить нормально Кормильцев уже не мог, — вспоминает Сумин. — Он не без труда влез в машину, и мы поехали подписать доверенность. Дело в том, что Бутусов активно пел песни на стихи Кормильцева, а авторских отчислений все не было. И отношения между бывшими друзьями переросли в открытую вражду. В итоге я кое-как дотащил Илью до нотариальной конторы, где он подписал документы, чтобы мой юрист мог решать вопросы по авторским правам в его отсутствие. Я знал, что на следующий день Кормильцеву надо уезжать из страны, и поэтому спросил: „Как ты *там* будешь вообще?“ А он ответил: „Как-то так“, ничего конкретного не сказав. Возможно, и сам не знал».

Ночью перед отъездом Илья почти не спал. Несколько раз звонил Алесе Маньковской, уточняя детали маршрута Москва — Минск — Варшава — Лондон. Из столицы Кормильцев не успевал вывезти часть мебели — начиная от двухярусной кровати дочки Каролины и заканчивая стареньким приемником Grundig с высохшими от времени колонками. На кухне валялись россыпи книг, на стене остались висеть круглые часы с перевернутыми цифрами и стрелками, идущими задом наперед…

Утром Илью разбудил звонок в дверь. Хозяин внезапно привел «на осмотр» будущих квартирантов, среди которых была девушка в белой футболочке. Кормильцев с недоумением посмотрел на гостей и даже изобразил легкое смущение: «У меня тут логово бомжа, а вы ко мне девушек водите!».

Перед самым отъездом к нему заехали свердловские друзья — бывший звукорежиссер «Урфин Джюса» Леня Порохня вместе с супругой Леной Жильцовой.

«Илья болтал, как всегда, обильно и язвительно, но двигался с большим трудом, — вспоминает Жильцова. — Я помогла ему сложить сорочки, свитера, какую-то мелочь… Когда мы поехали в лифте, он сидел на корточках, привалившись к стене. От боли у него выступил пот на лбу, и лицо стало зеленоватого цвета. Леня Порохня подумал, что друг прикалывается, потому что страдающего Кормильцева он видел неоднократно. Но на этот раз Илье было не до шуток».

Выйдя на улицу, друзья поймали машину — по иронии судьбы, это оказался роскошный черный Mercedes. Пока загружали вещи, бледный Кормильцев пролез на заднее сидение. Ни с кем не попрощавшись, растворился в ночи, скрывшись в направлении Белорусского вокзала. Как ему удалось добраться до Минска, доехать с Каролиной до Варшавы, а затем долететь до Лондона, абсолютно непонятно. По-видимому, на каких-то немыслимых сверхусилиях.

И когда казалось, что все самое страшное позади, силы покинули поэта. В аэропорту измученный пересадками Кормильцев неловко оступился и грохнулся на асфальт больной спиной. Позднее он вспоминал, как сердобольные англичане помогали ему добраться до остановки такси, усаживая на тележку для перевозки чемоданов.

Сев в машину, Илья с Каролиной направились в район станции Canada Water, где Алеся уже несколько месяцев снимала квартиру. Радостная Маньковская вышла встречать своих пилигримов и вдруг увидела, как Илья выпал из такси прямо на лужайку. По-другому выйти из машины у него не получалось. От бессилия она начала плакать…

Пожилой водитель перетащил в квартиру вещи, а затем помог транспортировать туда самого Кормильцева. Перенапрягшись от путешествия, Илья прилег на кровать, и не вставал с нее в течение нескольких дней. Хотел отлежаться, перевести дух, а затем с новыми силами ринуться в другую жизнь.

Еще до отъезда из Москвы он приобрел турник, на котором старался подтягиваться и делать разнообразные упражнения. Сердобольные соседи посоветовали опытного массажиста, который приходил и колдовал над поясницей. После его визитов боль на некоторое время стихала.

Поскольку Алеся растворилась в искусстве, и целые дни училась, Кормильцев пытался водить дочку в школу. На это ему требовалось раз в пять больше времени, чем обычному человеку. По дороге он часто ложился на газон и отдыхал. Потом возвращался из школы в свою небольшую комнату, где стояли диван, столик и шкаф.

Но вскоре походы в школу пришлось прекратить — добраться туда Илья уже не мог. Теперь он лишь изредка вставал и пытался ходить по квартире. Когда приезжали друзья, мастерски изображал «хорошую мину при плохой игре» — мол, смотрите, сколько я могу пройти! Но затем быстро переходил, как он любил говорить, «в позу отдыха»: ложился животом на длинную скамейку, чтобы снять нагрузку на спину. И, превозмогая боль, продолжал общаться с гостями в своей саркастической манере.

В таком полубольничном режиме Кормильцев провел в Лондоне первые месяцы. Несмотря на звонки и письма друзей, связь с Россией становилась все слабее. Новые книги «Ультра.Культуры» планировались к изданию, но со стороны это напоминало агонию. В свою очередь, английские издательства не спешили публиковать переводы с русского, и становилось понятно, что вся многолетняя эпопея Кормильцева с книгами зашла в тупик.

Илья старался не отчаиваться и по мере сил продолжал бороться с хмурой реальностью. Периодически погружался в чтение Корана, обсуждая прочитанное со своим приятелем Сашей Гуниным, который занимался написанием трансовой музыки для творческих вечеров Кормильцева. Будучи студентом суфийского шейха из Индии, Гунин изучал мистицизм, религию и вопросы, связанные с сопротивлением Системе, а также конспирологию, параполитику и философию.

«Илья был мистиком, и ему были доступны для понимания многие аспекты невидимого мира, — вспоминает Гунин. — В разговорах он проявлял неподдельный интерес к суфизму, и я рассказывал ему о процессах духовной работы в этой науке. Мы много говорили об исламе как о глубочайшей метафизической доктрине. Как-то Илья признался, что принимает первую часть шахады, но у него вопросы ко второй части. В один из моих приездов мы проговорили всю ночь: о вере, Боге, жизни и смерти. Разговор был интимный, и обсуждали мы, в частности, вопрос о том, почему Мухаммед является последним пророком перед Концом света. Прощаясь, я подарил Илье четки и обратил внимание, что креста на нем уже не было».

В паузах между чтением Корана главным развлечением Кормильцева был телефон. Он часто играл на нем в шахматы или ностальгически звонил в Москву, узнавая, как идут дела в издательстве. И когда ему принесли огромный счет за переговоры, Илья Валерьевич повел себя странно и никак на него не отреагировал.

В итоге телефонные расходы оплатили неожиданные Шура и Лева из «Би 2», которые по случаю оказались в Лондоне. Они встретились с Алесей в маленьком кафе, спросили: «Чем мы можем помочь?», печально посмотрели на цифры, печально дали деньги и печально ушли.

Тут необходимо отметить, что с первых дней пребывания в Лондоне у Кормильцева наступило время жесткого финансового кризиса. Сбережений в семье не было, а деньги, взятые в долг, закончились быстро. В итоге, когда дома сломался бойлер, квартира оказалась без тепла и горячей воды. Денег на починку не было, а гонораров едва хватало на еду для Каролины.

«Курица с пастой стоили очень дешево, — с грустью вспоминает Алеся. — Я умудрялась как-то выкручиваться, варила куриные ножки, крошила туда немного пасты, получался такой бульон, „баландабра“… Я, наверное, никогда больше не буду готовить это блюдо!»

В этот период толком не идентифицированная болезнь начала прогрессировать. Боль становилась невыносимой. Илья

стонал по ночам, но с невиданным упорством продолжал заниматься самолечением. «Никто не едет в Лондон на днях? — писал он в интернете в ноябре 2006 года. — Надо отвезти лекарства. Мне».

Сотни откликов были ему ответом. И неудивительно, что буквально через пару дней Кормильцеву передали обезболивающие лекарства и три тысячи фунтов от Андрея Сумина — в счет будущих роялти.

«Илья самостоятельно поставил себе диагноз „выбитый позвонок“ и совершенно свято в это верил, — вспоминает Маньковская. — И лечил его сам — так, как считал нужным… Когда знакомые передали лекарства, которые надо было колоть шприцом, я научилась делать ему уколы. Делала их два раза в день, утром и вечером».

В те моменты, когда боль отступала, Илья пытался вести в интернете «живой журнал». Полемизировал с идеологическими противниками из движения «Наши», огрызался на негативные комменты и даже пытался шутить. Видя такую мощную интернет-активность, его пригласили прочитать лекции на фестивале в Эдинбурге, а также выступить в Лондоне на поэтическом вечере Exiled Writers.

Эту акцию организовывала член совета литературного объединения «Писатели в изгнании» Мириам Франк, которая была тещей Саши Гунина и неплохо знала семью Кормильцева. Она попросила Илью перевести часть стихотворений на английский, чтобы поэты, литераторы и переводчики могли активно участвовать в обсуждении его текстов.

Сделать английскую версию новых стихотворений оказалось не самой большой проблемой. Куда сложнее виделись для организаторов вопросы элементарной логистики, связанные с критическим состоянием поэта. Поскольку ходить Кормильцев уже не мог, его втащили в такси и довезли до Poetry Café, расположенного в районе Ковент Гарден.

«Илья испытывал сильную боль, и на его спине была большая шишка, — вспоминает Мириам. — Он не мог ни ходить, ни стоять. Его отнесли по узкой лестнице в подвал, где происходила встреча, и положили на диван, прямо перед полным залом. Кормильцев читал стихи на русском, а я читала их в переводе. После стихов была дискуссия о вопросах российской политики, литературы и художественного перевода».

Со стороны вся акция выглядела изрядно психоделической, что называется, «на грани фола». Илья Валерьевич лежал на боку с листиками в руках, изредка подглядывал в написанные тексты и эмоционально нашептывал стихотворения. Англичане его

заворожено слушали, ощущая в воздухе некую российскую обреченность.

Так случилось, что в процессе архивных поисков мне удалось найти аудиозаписи с этих чтений. Среди десятка произведений Илья, в частности, исполнил автобиографическое стихотворение «Ножницы»: «Люди с ножницами, любители символической кастрации/Завистливые импотенты, хозяева трусливых маленьких гильотин/Вам не хватило смелости сразу отрезать мне голову/ Рано или поздно наступит время расплаты за педагогические ошибки…»

Примерно в те же дни Илье позвонил из Москвы его приятель — корреспондент канала НТВ Александр Орлов.

«Я ехал в загородной электричке, и в вагон зашли двое парней с гитарой, в монашеском одеянии, в клобуках, с ящичком для пожертвований, — вспоминает Орлов. — Они запели „С причала рыбачил апостол Андрей“, и народ начал доставать деньги. Я набрал номер Кормильцева: „Хочешь послушать?“ Он выслушал и засмеялся: „Ну, теперь можно и умирать“».

Больница для ангелов

Жизнь — она сама по себе протест против смерти. Мы все, как парашютисты, выброшенные без парашютов, — летим и знаем, что разобьемся. Можно сделать вид, что летишь, а можно протестовать против такого хода вещей, уходя в творчество и внутренний мир.

Илья Кормильцев

После поэтического вечера в Ковент-Гарден Илья почувствовал себя совсем плохо и попросил свою супругу Алесю Маньковскую увеличить дозу инъекций.

«Я стала читать английскую инструкцию к лекарству и внезапно обнаружила, что при превышении допустимой нормы это обезболивающее может вызвать остановку сердца, — вспоминает она. — Поэтому категорически отказалась делать уколы и сказала Илье, что надо срочно обратиться к врачу».

К тому моменту нервы у жены Кормильцева были натянуты до предела. Каждый день Алеся видела, как Илья отказывается консультироваться с доктором. Когда она пыталась его переубедить, супруг огрызался, бурча под нос, что «лучше сгореть, чем заржаветь». Ситуация заходила в тупик: один не хотел лечиться, а другая больше не могла лечить.

«На Новый год я поняла, что у нас существует некая завеса тайны, — признается Маньковская спустя десять лет. — Кормильцев запретил мне рассказывать о своем состоянии кому бы то ни было. Я чувствовала, что реально схожу с ума, и поэтому сказала: «Либо ты звонишь врачам, друзьям, они тебя эвакуируют и мы начинаем активные действия, либо я просто ухожу». Я дошла до того состояния, что мне стало все равно. Я поняла, что больше не могу с этим жить».

В результате такого ультиматума друг Ильи Саша Гунин вызвал домой к Кормильцеву скорую помощь.

«Илья давно жаловался на боли в пояснице, — вспоминает Гунин. — Поскольку у него была всего лишь гостевая виза, оставался единственный вариант — скорая помощь. Когда приехали врачи и увидели его спину, то просто ужаснулись.

На пояснице сияла огромная черная шишка. Врачи посмотрели друг на друга с огромным недоумением, поскольку ничего подобного никогда не видели».

Дальше начался сущий ад. Забрать Кормильцева санитары не могли, заявив, что ему нужно зарегистрироваться в поликлинике. Здесь уместно напомнить, что такая организация, как NHS (Национальная служба здравоохранения Великобритании), оказывает бесплатно только экстренную помощь, а на плановое лечение и уход нужны деньги, которых у Ильи не водилось уже давно.

Необходимы были активные действия, и Гунин позвонил своей теще, которая много лет работала доцентом в отделении анестезиологии Royal London Hospital. На следующий день Мириам Франк бросила все дела, погрузила Кормильцева в машину и поехала в ближайшую больницу.

«Долгое время я не могла понять, почему Илья не заботился о том, чтобы получить медицинскую помощь, — рассуждает Мириам. — Возможно, Кормильцев был настолько поглощен жизнью, которая окружала его, что сознательно отрекся от реальности. В Лондоне он пользовался услугами специалиста по альтернативной медицине, который гарантировал ему, что вылечит. Тем не менее Илья без сопротивления принял мое предложение забрать его в больницу. Возможно, он понял, что дальше так продолжаться не может».

С помощью соседей теща Гунина разместила Кормильцева на заднем сиденье машины и поехала в St. Tomas Hospital — один из лучших госпиталей района. Зная по собственному опыту, что врачи не имеют права официально оформить прием, она решилась взять больницу «на абордаж».

«Я припарковалась в том месте, где обычно стоят машины скорой помощи, — вспоминает Мириам. — Это было рядом со входом в отделение экстренной медицинской помощи. Я попросила медсестер отвести Илью к врачам, но мне ответили, что это невозможно, так как у пациента нет страхового полиса. Я настаивала и говорила, что не уберу машину со стоянки, пока они не заберут больного. В конце концов кто-то позвал старшего медбрата. Он вышел посмотреть на Кормильцева и сразу вызвал санитаров, чтобы те отвезли Илью в госпиталь».

Ожидая врача, поэт провел в коридоре более шести часов. Уже вечером доктор отправил Кормильцева на рентген, а затем, увидев огромную опухоль на спине, госпитализировал для обследования и назначения системного курса лечения.

На следующий день в St. Thomas Hospital приехали взволнованные Гунин и Маньковская. Им огласили результаты

анализов, и они, увы, оказались неутешительными. Вердикт гласил, что у пациента «обнаружена меланома с широко распространенными метастазами» — и, как следствие, «рак позвоночника на завершающей, четвертой стадии».

Узнав о том, что Илья практически не лечился, доктор заметил, что на подобной фазе рака большинство людей не то что ходить, но даже говорить не могут. Затем врач признался, что жить Кормильцеву осталось немного: может, несколько дней, а если повезет, то пару недель. Для химиотерапии Илья был слаб, но медики решили не сдаваться и предложили сделать курс радиотерапии. Кормильцев мужественно воспринял ситуацию, но категорически отказался от опиумных обезболивающих, поскольку, по его словам, «они мешают думать».

«При всех адских болях для Ильи самым важным было то, что он может контролировать работу мозга, — объясняет Маньковская. — Ничто другое не имело для него значения».

Казалось, что Кормильцев не хотел признаться себе, что его собственный диагноз «выбитый позвоночник» оказался чудовищной ошибкой. И что рак, который он победил несколько лет назад в Белоруссии, снова вернулся. Мистическим образом сбывалось то страшное проклятие, которое он услышал десять лет назад, спасая душу Бутусова от питерских неомагов и чернокнижников.

Надо отдать идеологу «Ультра.Культуры» должное — со стороны он выглядел спокойным и уверенным, продолжая сочинять в этих печальных стенах. «Мир — это больница для ангелов, которые разучились летать», — написал шариковой ручкой поэт строчки одного из последних стихотворений.

«Еще 23 октября я позвонил в Лондон и рассказал про смерть отца, — вспоминает Женя Кормильцев. — Илья признался, что догадывался об этом. В декабре, когда мы общались по телефону, он разговаривал так, как обычно говорят онкологические больные. Слышно было по голосу, что уже оттуда».

На лечение нужны были деньги, поскольку спасать поэта задаром в чужой стране никто не собирался. Его лондонские приятели протрубили тревогу и дали объявление в русскоязычной английской прессе. Затем смогли выйти на Романа Абрамовича, который с давних времен был поклонником «Наутилуса». Без лишних слов бизнесмен выписал чек на 15 000 фунтов, а затем прислал в больницу большую корзину с фруктами и деликатесами.

Шила в мешке не утаишь, и спустя несколько дней информация о болезни Ильи просочилась в российские СМИ. Внезапно о Кормильцеве заговорили буквально все —

от крупнейших агентств до газет, радиостанций и федеральных телеканалов.

«Когда денег не было совсем, мне позвонил Илья, — вспоминает друг Ильи Александр Орлов. — Он сказал: «Давай сделаем так… Ты сейчас попробуешь объявить на всю страну, что мне нужны средства на лечение. Попытайся организовать фонд моего спасения. Сделай, у тебя получится!» Я тогда работал на НТВ, они сразу подключились, сообщили в информационные агентства, и все закрутилось. Началась адская свистопляска, потому что мне пришлось открывать счет на свое имя. За три недели, которые прошли со времени звонка, народ собрал огромные деньги, около 80 000 фунтов».

В это время Кормильцева перевели из St. Thomas Hospital в отделение физиотерапии хосписа St. Christopher, где поэту начали оказывать «смягчающее» лечение, направленное на усмирение боли. Из родных и близких за Ильей ухаживали Саша Гунин, Мириам Франк и будущий опальный депутат Илья Пономарев, оперативно прилетевший из Москвы с первой партией денег.

23 января 2007 года в палате у Ильи побывал корреспондент агентства РИА «Новости». Несмотря на болезнь, Кормильцев держался бодро, пытался шутить и даже строил планы на будущее. Теперь он мог лежать только на животе или на боку, однако не оставлял надежды на излечение и реализацию творческих планов.

«Дело не в сумме как таковой, — пояснял Кормильцев, говоря о том, сколько может понадобиться денег на его лечение. — Дело в том, чтобы найти человека, который взялся бы за лечение и подобрал правильный метод. Нужен специалист с оригинальным подходом, потому что болезнь трудноизлечимая, а времени очень мало… Нам нужен человек с новаторским методом, потому что стандартные методы здесь малоэффективны».

На телефон Кормильцева посыпался шквал звонков — начиная от родственников и заканчивая прессой.

«Илья отдал мне телефон и попросил фильтровать звонки, — вспоминает Гунин. — Он был очень слаб, чтобы постоянно общаться с людьми. Параллельно к нему начали приходить обычные посетители и толпы журналистов. Кого-то из прессы он попросил выгнать вместе с их несуразными вопросами. Я помню, как однажды Илья не сдержался и сказал: «Тут умирающий человек, а вы лезете со своей ахинеей!»

Сегодня становится понятно, что Кормильцев умирал чуть ли не в прямом эфире. Телерепортажи из больницы шли ежедневно,

разбавляемые архивными хрониками, комментариями врачей и клипами «Наутилуса».

«Вы окончательно запугаете людей, родных и близких, — с трудом открывая рот, заявил Илья Валерьевич журналистам НТВ. — Ведь здесь не только хоспис, где людей дохаживают до могилы. Здесь есть и реабилитационное отделение, где после терапевтических процедур восстанавливают работоспособность и подвижность».

В эти дни Илье Пономареву удалось перевести Кормильцева в специализированную клинику при Институте раковых исследований, где смертельно больной поэт оказался под наблюдением врачей-онкологов.

«Несколько суток шли переговоры с Royal Marsden Hospital, — вспоминает Пономарев. — Никто из врачей не хотел брать Илью, потому что ситуация у него была крайне тяжелая. И здесь нам очень помогло имя Абрамовича, поскольку мы были вынуждены угрожать — мол, расскажем всему миру, что вы отказываетесь лечить человека. И, поскольку мы гарантировали, что не поскупимся на расходы, Кормильцева все-таки взяли на лечение».

К этому времени в Лондон прилетел Стас Кормильцев. Он сутками сидел с отцом, а также нашел квалифицированную сиделку, которая готовила специальную пищу и следила, чтобы Илья лежал только на боку и на животе. В этих условиях Кормильцев-старший умудрялся читать, отвечать на звонки, давать интервью и строить планы для «Ультра.Культуры».

Он знал, что в Екатеринбурге все-таки вышла «Черная книга корпораций» и одновременно закрылся московский офис издательства. Знал и о том, что на Александра Бисерова усилился экономический прессинг со всех сторон, в особенности со стороны его столичных партнеров. Вскоре ими фактически был осуществлен рейдерский захват типографии «Уральский рабочий».

Примечательно, что на просьбу журналистов прокомментировать закрытие «Ультра.Культуры» Илья отреагировал так: «Комментариев никаких нет. Такая погода у нас сейчас на дворе неблагоприятная. Страна находится в затяжном духовном кризисе со всеми вытекающими». На вопрос о возможном возобновлении работы издательства Кормильцев ответил: «Надежда умирает последней».

«Наша последняя беседа с Ильей состоялся в конце января, — вспоминает Бисеров. — Мне было нелегко звонить, поскольку я не знал, что сказать. Я пытался как-то сформулировать мысли… Мол, «извини за то, что сейчас происходит с «Ультра.Культурой»,

на что Кормильцев резко ответил: «На данный момент для меня это неважно». Это был очень тяжелый разговор, после которого я надолго закопался в себя — с мыслями о суициде».

Умирающий на глазах поэт мужественно боролся с реальностью до самого конца. Дозвонившемуся в больницу Глебу Самойлову Илья честно признался, что спасти его может только чудо.

«Последний раз я общался с Кормильцевым 3 февраля, — вспоминает Орлов. — Мы разговаривали про самолет, который обещал Березовский, собирались перевозить Илью в Хьюстон, в онкологический центр. Когда в Англии сказали, что это терминальная стадия рака и они ничего не могут сделать, Кормильцев настаивал, чтобы его лечили в Хьюстоне. У него было убеждение, что там людей разбирают, а потом собирают заново. Но в конце беседы Илья все-таки выдавил из себя: «Мне так плохо, что я уже просто не могу разговаривать».

В эти ужасные часы в больнице вновь стала появляться Маньковская.

«Я везде опаздывала и ничего не успевала, — оправдывается Алеся. — В какой-то момент почувствовала, что просто схожу с ума. Стала напиваться по субботам, чтобы уснуть, поскольку бессонница — это ужасно. Когда я начинаю об этом вспоминать, у меня холодеют руки и синеют пальцы. Многого из тех событий я действительно не помню. В моем мозгу этот период практически стерт».

«В больнице Алеся читала Илье хадисы — записанные высказывания пророка Мухаммеда, — вспоминает Гунин. — Медсестра, увидев на столе исламские четки и Коран, подумала, что Илья — мусульманин. Когда у Кормильцева начались судороги, а потом отошли, он попросил помочь прочитать ему шахаду. Илья знал, как она произносится на арабском, но был весьма слаб. Плюс ему тяжело было говорить, поскольку весь рот был в язвах. Я читал, и он медленно повторял за мной. Наутро, после диагноза врача, Кормильцев понял, что жить ему осталось мало. И тогда он написал последний стих, который не видел никто, кроме меня и моей жены Анны. И если его где-то публиковать, то только в книге об Илье».

Я не хочу умирать, но не потому
Что шишка на ягодице поэта в качестве причины смерти —
Некая скабрезная в своей античности деталь
Напоминающая нечто из Диогена Лаэртского.
И не потому я не хочу умирать,
Что порваны строки в моем воображении

И обидно и дорассказаны истории
И даже не потому, что каждый новый вздох
Обидно клюет на пузырик
Насаженного на иглу воздуха
Глядя правде в глаза, я не знаю,
Почему не хочет никто умирать
И никто, очевидно, тоже не знает

Я не хочу умирать, но не потому
Что смерть — не конец,
Или смерть — это только начало
Или смерти не существует.
В смерти заложено что-то совсем иное
Начало чего и сами не знаем.

Пусть трусливые этого и не понимают
Но мы боимся смерти именно потому
Что знаем, чего мы боимся.

Судороги прошли, и Илья немного успокоился. Повторяя шахаду и принимая ислам, он еще был в сознании. Однако Саша Гунин, который безвылазно сидел с умирающим, понимал, что счет пошел на часы. Поэтому позвонил Алесе, чтобы она поскорее приехала в больницу.

«В ночь с 3 на 4 февраля дежурила молодой врач, девушка, — вспоминает Гунин. — И я спросил у нее: «Может, все-таки существует какая-то помощь?» Она очень нервно ответила, что можно сделать укол, но нужно заполнить бланки. Все начали суетиться, но укол так и не сделали. Приехала Маньковская. Она сидела с одной стороны кровати, а я с другой, и мы держали Илью за руки… Вдруг он говорит: «Речка и домик недалеко от берега». Я подумал, что у Кормильцева были видения рая и он мне сообщает координаты. Потом, посреди ночи, он пошутил: «Запишите в моей трудовой книжке: «Ушел на пенсию». Рано утром зашла медсестра с рутинной проверкой, надела на палец Ильи аппарат для определения кислорода в крови, и вдруг кислород начал резко падать. Она стала суетиться, но мы с Алесей сказали: «Уйдите, пожалуйста!»

Наблюдать, как душа покидает тело, было невозможно, и Гунин отвернулся к окну. Вдруг Алеся позвала: «Саша, смотри…» Гунин посмотрел на Кормильцева и понял, что никогда не видел такой улыбки. Лицо Ильи светилось, на нем застыла улыбка бездонной глубины. Если уместно так сказать, ангелы забрали его вовремя.

Эпилог

Жизнь выковывает из человека волка.

Илья Кормильцев

Максим Громов узнал о смерти Ильи, находясь в тюрьме. К этому времени он уже был легендой Национал-большевистской партии и не только. Снимок, на котором Громов выкидывает из окна портрет Путина во время захвата нацболами здания Минздрава на Неглинке, облетел весь мир, его напечатали все ведущие западные агентства. Шел 2004 год, в разгаре был скандал с монетизацией, то есть фактической отменой льгот для пенсионеров. Так Громов стал политзаключенным. В общей сложности Максим отсидел более трех лет — сначала в «Матросской Тишине», потом в «Бутырке», потом в уфимской колонии.

«Илья присылал мне кучу книг "Ультра.Культуры" прямо в лагерь — Пол Пота, Джохара Дудаева, Алистера Кроули, стихи Всеволода Емелина, — вспоминает Максим спустя годы. — Десятка книг там, может, и не было, но мне хватило читать до освобождения. Но отдали мне их не сразу. Когда они при шли, я сидел в БУРе, лагерной тюрьме, и все книги ушли в кладовую. Когда меня, спустя год, перевели в строгий барак, книг не оказалось на складе. Я начал ругаться со складским офицером, за что меня поместили в штрафной изолятор. Там я, не будь дураком, сразу объявил голодовку. Голодать, или, как говорят зэки, "отгрызать свое", мне пришлось чуть более шестнадцати суток. На семнадцатые сутки все книги Ильи нашлись, только у Шпенглера были оторваны несколько страниц.

О том, что Кормильцев умер, я узнал из газеты. Я очень занервничал, вспомнив его — добродушно улыбающиеся очки, в белых штанах... Подступил комок к горлу. Я пошел к старшине нашего барака, зэку по прозвищу "Гестапо". Зашел в "старшинскую" и попросил у него Winston. "Гестапо был из 8-го отряда, приходил каждый день к нам выполнять какие-то административные обязанности. Winston курил только он. Он, не спрашивая, дал сигарету, я попросил две, "Гестапо" дал две, и я ушел в курилку. После первых затяжек я поплыл. "Ты что? Что-то случилось?" — "Кормильцев умер. Это его книги вы читали. Он их

издавал, присылал мне... Вы его знаете по песням «Наутилуса», «Насти», «Урфин Джюса»"...

Зэки молчали, пара человек вышли из курилки. Когда я докурил вторую сигарету, уже никого не было. Я вошел в камеру барака, там был заварен чифирь, стояли кругали, в стальной шлемке лежали конфеты. Все молчали и ждали меня. Было тихо, и только иногда чихала умирающая барачная кошка Люська. Душа барака умрет примерно через неделю, когда я буду на длительном свидании с матерью.

Я сел в середине камеры в общий круг. Мне налили чифирь, я сделал первый глоток и пустил кругаль по кругу. Зэки, по очереди повторяя "царствие небесное" и "хороший поэт был", отпивали этот горький напиток, закусывая "барабулькой". Обычно после чифиря они развязывают языки. Но в этот раз зэки честно разделили мою тоску по прекрасному человеку».